

ОПЕРАЦИЯ «ДУБ»

Звездный час Отто Скорцени

XX военные
тайны
века

Г. АННУСЕК

XX *военные
тайны
века*

Грег Аннусек

**ОПЕРАЦИЯ «ДУБ»
ЗВЕЗДНЫЙ ЧАС
ОТТО СКОРЦЕНИ**

Москва
«Вече»

УДК 94(100-87)
ББК 63.3(0)62
А68

Перевод с английского *А.В. Бушуева, Т.С. Бушуевой*
Greg Annusek
Hitler's Raid to Save Mussolini

Аннусек, Г.

А68 Операция «Дуб». Звездный час Отто Скорцени / Грег Аннусек [пер. с англ. А. Бушуева, Т. Бушуевой]. — М. : Вече, 2012. — 384 с. : ил. — (Военные тайны XX века).

ISBN 978-5-4444-0445-4

Освобождение Бенито Муссолини из-под ареста немецкими командос под командованием гаупттурмфюрера СС Отто Скорцени стало классической операцией специальных частей в годы Второй мировой войны. Дерзкому налету на Гран-Сассо немцы присвоили кодовое наименование «Дуб». Освободив 12 сентября 1943 г. Муссолини, Скорцени вмиг стал диверсантом № 1 в Европе.

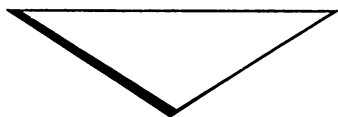
Книга американского историка Грега Аннусека расскажет читателю о всех деталях этой громкой операции.

УДК 94(100-87)

ББК 63.3(0)62

ISBN 978-5-4444-0445-4

Greg Annusek, Hitler's Raid to Save Mussolini
© Perscus Books Group, Cambridge, 2005
© Бушуев А.В., Бушуева Т.С., перевод на
русский язык, 2012
© ООО «Издательство «Вече», 2012

От автора

Выражаю благодарность моему литературному агенту Эдварду Нэпмэну, который с самого начала помог мне более точно разработать концепцию книги. Я в большом долгу перед Робертом Пидженом, моим редактором из «Да Капо», за его советы по структуре этой книги и неизменную поддержку. Благодарю Анастасию Шюле, которая переводила для меня материалы с немецкого и итальянского языков на английский и неустанно помогала мне с тем, чтобы я успел выполнить работу в назначенные жесткие сроки. Я очень благодарен друзьям и моей семье, которые помогали вычитывать рукопись и высказывали ценные советы. К этой группе людей относятся мои родители, Роберт и Розария Ангусек, а также Энджел Ангусек, Роза Мичня, Лана Дзантони, Джеффри Стенли и Дэвид Берл.

Хочу отметить помощь мистера Камерона Арчера, директора «Токал Эгрикалчер Сентер» из Паттерсона, Австралия, мистера Дэна Ханга и мистера Питера Бардвелла, любезно позволивших мне воспроизвести в данной книге принадлежащие им фотографии.

На последних этапах создания этого произведения издательский работник Дженнифер Блейкбро-Реберн высказала много ценных предложений.

Пролог

МУССОЛИНИ ЛИШАЕТСЯ ВЛАСТИ

ШТАБ-КВАРТИРА МУССОЛИНИ В РИМЕ, ИТАЛИЯ 25 ИЮЛЯ 1943 ГОДА

В солнечный воскресный день около девяти часов утра Бенито Муссолини вошел в палаццо «Венция», роскошный дворец в стиле эпохи Возрождения, расположенный в самом сердце итальянской столицы. Он поднялся по лестнице на второй этаж, в похожий на огромную пещеру зал, носящий название Sala del Mappamondo. Здесь он опустился в кресло перед массивным письменным столом. Если итальянский диктатор выглядел более изможденным и бледным, чем обычно, то для этого имелись серьезные причины. События вчерашнего вечера вызвали у дуче бессонницу. На долгом вечернем заседании Большого фашистского совета — так называлась группа политических подручных Муссолини — глава фашистской Италии стал свидетелем беспрецедентного и драматичного мятежа своих подчиненных.

Один за другим сподвижники дуче из числа его ближайшего окружения критиковали усталого 59-летнего диктатора за его бездарное руководство военными действиями, которое привело страну к катастрофе. «Вы навязали Италии диктаторский режим, — заявил Дино Гранди, главный вожак мятежников. — Вы разрушили дух вооруженных сил страны. В течение многих лет при выборе кандидатуры на какой-нибудь важный политический пост вы неизменно выбирали самую худшую, самую недостойную».

Не было ничего удивительного в том, что когда скоро дело дошло до столь откровенного высказывания обвинений в лицо главному человеку страны, некоторые из главных заговорщиков явились на встречу с Муссолини с портфелями, набитыми ручными гранатами, — это была мера предосторожности на случай возможного ареста.

Но им не следовало беспокоиться на этот счет. Давно находившийся в подавленном состоянии духа Муссолини бесстрастно и утрумо выслушал хор недовольных голосов, не сделав ни единой попытки заставить своих обвинителей замолчать.

Утомительное десятичасовое совещание было прервано в 2.40 ночи, однако большинство присутствующих проголосовали за так называемую Большую Повестку дня.

Эта зловещая резолюция предлагала лишение дуче всевластных полномочий и передачу контроля за вооруженными силами Италии королю Виктору Эммануилу II, который в годы фашистского режима оставался декоративной фигу-

рой в политическом ландшафте страны. К великой досаде диктатора, одним из тех, кто в тот вечер голосовал против него, был не кто иной, как граф Галсаццо Чиано, известный плейбой, зять Муссолини, бывший министр иностранных дел Италии.

Дуче завершил заседание совета горьким заявлением: «Вы спровоцировали кризис фашистского режима». И все же, как показалось присутствующим, он казался не слишком огорченным предательством своих однопартийцев. Всего несколько часов спустя Муссолини бесстрашно продолжил руководство потерпевшей катастрофу итальянской империей. «Подобно тому, как я обычно поступал последние двадцать лет, — написал он впоследствии, — я начал свой рабочий день, как впоследствии оказалось, последний». Как было ему прекрасно известно, Большой фашистский совет являлся всего лишь совещательным органом, подобием демократического украшения политической витрины, которая, по его мнению, мало что значила.

Более того, он также сомневался в отваге своих товарищей по фашистской партии, часть которых уже выразили желание отозвать свои голоса по вчерашней резолюции. «Слишком поздно», — сказал дуче по телефону в то утро в ответ на одно такое выражение раскаяния. Незадолго до начала Совета Муссолини мысленно охарактеризовал тех, кем до этого окружал себя. «Повесьте мне, эти члены Большого совета, — заметил диктатор в разговоре с главой полиции, — люди очень-очень невысокого интеллекта, бес-

хребетные, не устойчивые в убеждениях и трусоватые. Эти люди всегда обязательно живут в чьей-то тени. Если источник света исчезнет, то они окажутся во тьме, из которой когда-то появились».

Хотя за последние месяцы звезда Муссолини значительно потускнела, он продолжал уверять себя в том, что остается самым ярким светилом на политическом небосклоне Италии. Те, кто оставался в тени, могли воззить кипжал в спину новоявленного цезаря, однако дуче воспринимал их не более чем булавочные уколы, — возможно, раздражающие, но отнюдь не смертельные. Тем не менее в тот день он запланировал встречу с королем Италии для обсуждения недавней резолюции и ее возможных последствий.

В час дня Муссолини принял в палатце «Венеция» высокопоставленного посетителя, японского посла Синрокуро Хидака. Дуче примерно в течение часа рассказывал ему о недавней встрече с Гитлером, состоявшейся шесть дней назад. Критическое значение для судьбы Италии приобрела высадка войск союзников на Сицилии. Этот большой гористый остров, в свое время часто бывавший ареной сражений армий древних греков, превратился в поле ожесточенных боев между войсками стран «оси» и англоамериканцев.

Англо-американские войска высадились на острове 10 июля (в числе их командующих был и генерал Джордж Паттон). Они стремительно сломили оборону немецких и итальянских частей. Последние, кстати сказать, оказывали чисто символическое сопротивление. Высадка на материк

оставалась лишь вопросом времени. Муссолини знал, что бессилён противостоять ей. Именно эта дилемма и её неизбежное воздействие на его политическую жизнеспособность в последние месяцы существенно подтачивали его моральный дух и усугубляли давние — и до известной степени загадочные — проблемы со здоровьем.

Во время встречи с Гитлером Муссолини надеялся, что немцы согласятся отправить подкрепления для обороны Сицилии и поддержки внутренней политики дуче, однако существенной и незамедлительной помощи явно не предвиделось. Ресурсы нацистской Германии и без того были на пределе, а Гитлер имел сильные сомнения в желании Италии продолжать войну. В промежуточные дни Муссолини решил избрать жесткую линию поведения с немцами и сделать попытку добиться поддержки со стороны императорской Японии.

«Прошу вас срочно информировать Токио, — сказал Муссолини Хидакэ, — о моем решении во вторник отправить в Берлин ноту, в которой будет говориться о том, что если Германия не предоставит Италии требуемую военную помощь, то она будет вынуждена объявить, что более не в состоянии выполнять свои союзнические обязательства. К сожалению, обстановка сложилась именно таким образом, и Берлин должен это понимать. Для того чтобы восвать, нужно оружие». Целых три года после того, как Гитлер втянул Италию в войну, дуче отчаянно пытался предотвратить неизбежное.

После встречи с японским дипломатом Муссолини покинул palazzo «Венеция» и проскакал через рабочий квартал

Сан-Лоренцо, сильно разрушенный после налета англо-американской авиации. Следует отметить, что итальянцы никогда не хотели развязанной Муссолини войны, несмотря на повсеместное присутствие лозунгов типа «Муссолини всегда прав», и, когда военные действия приблизились к порогу Италии, они начали, особенно не афишируя это, проклинать решение диктатора связать судьбу страны с ненавистной нацистской Германией, расовая политика которой всегда ужасала их.

Когда Муссолини вышел из автомобиля, ему высказали обязательные приветствия несколько усталых мужчин и женщин, копавшихся в развалинах. Как он позднее вспоминал: «Меня сразу окружила толпа, радостно приветствовавшая меня». Он приказал сопровождавшему его генералу Энцо Гальбиасти раздать имеющиеся у него деньги этим людям. (Сам Муссолини обычно никогда не носил с собой наличных денег.)

Похоже, что подобный прием, оказанный ему среди развалин Рима, вызвал у него гордость. Что, впрочем, не вызывает особого удивления. Одиноким диктатор всегда получал больше удовольствия от взаимопонимания с народными массами, реального или воображаемого, чем от личных отношений с близким окружением.

В Риме стояло удивительно душно, и в этот воскресный день город начал, образно говоря, увядать под жгучими лучами средиземноморского солнца.

«Невыносимый летний зной давил на души людей, — вспоминал Муссолини, бывший некогда журналистом и

воображавший себя писателем, — и тяжким бременем давит с неподвижного неба на Рим». В три часа дня дуче отправился на виллу Торлония, уютное поместье в местечке Фраскатти, где его с чашкой супа и пророчествами в духе легендарной Кассандры ожидала жена, Ракелс.

«Я съел свой обычный завтрак, — вспоминал он, — провел примерно час за разговором с женой в музыкальной комнате. Моя супруга пребывала в крайне подавленном состоянии и высказала опасения, что вскоре должно случиться что-то очень важное». Мнительная Ракелс умоляла мужа отказаться от встречи с королем, но дуче отмахнулся от ее предостережений. Он заявил ей, что несколько не боится Виктора Эммануила. Король — его друг.

Муссолини не знал, что его друг король вступил в контакт с итальянскими генералами и был главной фигурой заговора, имевшего целью лишить диктатора власти и свергнуть фашистский режим, существовавший в Италии уже 21 год. По мнению короля, голосование Большого фашистского совета было удобным предлогом расставить ловушку для Муссолини, которая была намного более экстремальной, чем что-либо другое, предусмотренное большинством ставленников дуче в Gran Consiglio, которые желали дать стране новое руководство, не совершая политического самоубийства путем уничтожения фашизма. Несоизмеримая просьба Муссолини разрешить ему захватить в резиденцию короля расстроила план заговорщиков осуществить намс-

ченный на завтра государственный переворот. Однако король и его единомышленники репили не отказывать дуче, который бессознательно ускорил свой уход с политической сцены.

Примерно в пять часов дня «альфа-ромео» Муссолини просхала чрез чугунные ворота виллы «Савойя», резиденции Виктора Эммануила, расположенной на окраине итальянской столицы.

Дуче, одетый в темно-синий костюм и черную фетровую шляпу, увидел многочисленных карабинеров, расставленных по всему саду. Он заметил не всех — часть охранников прятались в кустах. Однако присутствие вооруженной охраны не вызвало подозрений у диктатора. Муссолини совершенно беззаботно прошел в самое сердце зловещей паутины заговора.

Когда он приблизился к вилле, то увидел на ступеньках здания Виктора Эммануила. Король был невысокого роста — чуть выше, чем метр пятьдесят. На нем был маршальский мундир. После короткого обмена любезностями и обсуждения погоды дуче последовал за королем в гостиную, где они остались одни. Муссолини принялся рассказывать о заседании Совета, сведя к минимуму важность голосования, а также его легальные результаты, когда король неожиданно оборвал его.

«Мой дорогой дуче, так больше не может продолжаться, — произнес король. — Италия на пороге катастрофы. Моральный дух армии упал чрезвычайно низко и солдаты

больше не хотят воевать. Альпийские стрелки расппевают песню о том, что сыты по горло войной Муссолини». В следующее мгновение, вероятно, показавшесся Муссолини сюрреалистической картиной, король процитировал пару строк («Долой Муссолини, убийцу альпийских стрелков»), которые диктатор выслушал в молчании.

«Вы наверняка не испытывасте никаких иллюзий, — продолжил король, — относительно того, как к вам сейчас относятся итальянцы. Вы самый ненавидимый в Италии человек. У вас не осталось ни одного друга, кроме меня. Вам не нужно беспокоиться за собственную безопасность. Я позабочусь об этом. Я решил, что человек этого часа — маршал Бадольо».

Произнесенное королем имя задело Муссолини за живое. Пьетро Бадольо — бывший глава Верховного командования итальянской армии, смещенный в 1940 году со своего поста указом дуче, после того как Италия потерпела самое большое унижение в войне. Муссолини и Бадольо считались заклятыми врагами. И вот теперь король говорит Муссолини о том, что выбрал старого солдата на роль главы нового итальянского правительства. «Он сформирует правительственный кабинет из карьерных профессионалов, — добавил Виктор Эммануил, — чтобы править страной и продолжать войну. Через полгода мы увидим, что из этого получится».

Судя по всему, дуче был поражен услышанным, во всяком случае, именно так запомнилось королю. «В таком слу-

час, я потерпел полное поражение», — пробормотал диктатор, опускаясь в кресло.

«Мне очень жаль, — произнес король, который за последние годы искренне привязался к Муссолини и действительно симпатизировал ему, — однако решение не может быть иным. Мне очень жаль». Когда к дуче вернулось самообладание, он выразил мягкий протест, после чего добавил: «Я прекрасно понимаю, что народ ненавидит меня. Я осознал это в ночь перед заседанием Большого совета. Никто не может так долго править страной и навязывать народу так много жертв, не вызывая к себе более или менее горького презрения».

Встреча длилась всего двадцать минут. В двадцать минут пестрого полудня Виктор Эммануил, монархия которого тесно сотрудничала с фашистским режимом почти два десятилетия, проводил Муссолини до двери. Они обменялись рукопожатиями. «Его лицо было мертвенно-бледным, — позднее вспоминал дуче, — и он показался мне даже ниже ростом, чем обычно. Ощущение было такое, будто он как-то сжался, стал меньше в размерах».

Однако главный сюрприз был еще впереди. Приблизившись к автомобилю, ничего не подозревающий Муссолини был арестован капитаном карабинеров и препровожден в машину «скорой помощи», стоявшую неподалеку, которая затем на большой скорости отъехала от виллы. Диктатор фашистской Италии стал пленником собственного народа. (Никому дополнительно не известно, о чем шла речь во время

этой встречи Муссолини и короля Италии Виктора Эммануила. Вышеприведенная реконструкция составлена из противоречивых версий этой встречи, данных ее обоими участниками. Многим историкам воспоминания короля и дуче представляются сомнительными. — *Примечание автора.*)

После того, как Муссолини увезли в некое тайное место, король и его единомышленники—заговорщики занялись арестами других высокопоставленных фашистов в Риме и демонтировали остатки политического режима дуче. Несмотря на те слова, что король сказал Муссолини на вилле, он не собирался доводить Италию до такого состояния, когда она полностью обескровит себя, продолжая участвовать в войне. Когда пришел нужный час, Виктор Эммануил был готов разорвать военно-политический союз с Германией и отдаться на милость стран антигитлеровской коалиции. Бывший диктор может оказаться ценной разменной монетой в переговорах с теми, кто скоро высадится на берегах Италии.

Хотя Муссолини и его сторонники были без шума нейтрализованы в течение считанных дней после государственного переворота, возможность вероятного вмешательства Германии представляла собой огромную опасность для нового итальянского правительства. Гитлер, называвший себя другом Муссолини, мог с неудовольствием отнестись к смене политического режима. Кроме того, он с глубоким недоверием относился к Виктору Эммануилу

и его позиции по отношению к войне, причем не без оснований.

Если Италия капитулирует, то это станет настоящей катастрофой для Германии, которая рассчитывала на своего средиземноморского союзника в обороне южного фронта от англо-американских войск. Если итальянцы откроют ворота врагу, то он совершит рывок на север Италии и устремится к границам Третьего рейха, который вел отчаянную борьбу с Красной армией на Восточном фронте. Чтобы избежать репрессий со стороны Германии, король решил скрыть свои истинные намерения, всячески декларируя верность военно-политическому союзу с Гитлером. Такое притворство король считал временной мерой, способной держать немцев на расстоянии достаточно долго, что позволит итальянцам вступить в тайные переговоры с антигитлеровской коалицией и заручиться ее обещанием оказать военную помощь. Однако существовало некое препятствие. Прежде чем новое итальянское правительство договорится с врагом, ему придется полагаться на свой ум, если оно желает предвосхитить возможное нападение немцев.

Ранним вечером 25 июля похитители Муссолини приступили к выполнению задачи по уничтожению фашизма и укреплению контроля над страной. Делалось это в атмосфере мрачного напряжения. Как же отнесутся немцы, первоначально размышляя король, к неожиданному исчезновению Муссолини — репутительного сторонника Германии и личного друга Гитлера?

ГЛАВА I

В «ВОЛЧЬЕ ЛОГОВО»

Муссолини должен быть спасен, причем очень быстро, иначе они отдадут его врагу.

Выступление Гитлера в «Волчьем логове»

26 июля 1943 года

Огромная фигура Скорцени сразу бросалась в глаза в удивительно уютной приземной Чайного домика, просторного помещения, обставленного несколькими столиками и креслами. Чайный домик был частью «Вольфспалце» (Волчьего логова), военного штаба Гитлера, затерявшегося в лесах Восточной Пруссии. Рослого, плотного телосложения Скорцени сопровождали пять немецких офицеров, которых он раньше никогда не встречал: три полковника и два майора различных родов войск. Все они были выше его по званию.

Эти шесть человек прибыли в «Волчье логово» из разных краев терзаемой войной Европы. Их срочно вызвали к фюреру, не объясняя причин, и вот теперь они собрались в приемной. Скорцени принялся разглядывать покрытый ковром пол. Этот тридцатипятилетний офицер чувствовал себя неуютно в столь непривычной обстановке. Он знал, что «Волчье логово» — святая святых Верховного командования вермахта. Из этого изолированного и надежно охраняемого комплекса Гитлер и его восначальники пытались управлять тем разрушительным пожаром, который они

устроили в мире почти четыре года назад и который теперь подобрался к границам самой Германии.

Приятный интерес Чайного домика несколько не успокоил необъяснимой тревоги Отто Скорцени. Когда один из находящихся в помещении офицеров неправильно произнес его фамилию, он, обычно отличавшийся завидным хладнокровием, неожиданно импульсивно отреагировал на эту оговорку.

«Это совсем нетрудно, — вспыхнул он. — Нужно произнести мою фамилию вот так: Скор-це-ни. Это очень просто».

На самом деле эта фамилия действительно могла показаться необычной офицеру войск СС, относящихся к элите вооруженных сил Германии. Ответа эсэсовца история в точности не сохранила, но легко представить, что он, скорее всего, быстро принес извинение за обмолвку, еле заметно улыбаясь и списав фразу Скорцени на мгновенную вспышку раздражения. Был вечер понедельника 26 июля, следующего дня после внезапного исчезновения Бенито Муссолини с итальянской политической сцены. Скорцени и его коллеги-офицеры пока ничего еще не знали о государственном перевороте, произошедшем в Италии. Официальное известие, обнародованное в Германии, гласило, что дуче покинул свою резиденцию по причине внезапно ухудшившегося здоровья. Новое правительство Италии публично поклялось в том, чтобы будет продолжать войну на стороне Третьего рейха.

Скорцени пропустил это сообщение, потому что большую часть дня пресбывал в счастливом неведении. Он переделся в гражданскую одежду и зашел в фойе берлинского отеля «Эдем», расположенного примерно в 560 километрах к западу от «Волчьего логова». Он попивал эрзац-кофе («редкостная дрянь») со своим знакомым по Венскому университету (преподаватель, который, по всей видимости, уцелел после нацистских чисток). Когда он наконец решил позвонить в штаб батальона «Фридсгаль», диверсионного отряда, который он создал несколько месяцев назад, то узнал, что туда звонили несколько часов подряд, пытаясь найти его.

«Вас срочно вызывают в ставку фюрера, шеф», — сообщили ему. Его волнение было вполне понятно: Скорцени еще никогда не вызывали в «Волчье логово». Подобно большинству немцев, будь то военных или гражданских, он даже не знал точного места расположения Ставки. Ему было известно лишь о том, что она находится где-то в Восточной Пруссии.

Скорцени сообщили, что ему надлежит немедленно отправиться на берлинский аэродром Темпльхоф, где его ждет специальный самолет. Чтобы сэкономить время, он решил ехать прямо туда, дав поручение своему тридцатиоднолетнему адъютанту, лейтенанту Карлу Радло собрать для него чемоданчик с вещами и ждать его там. «Вы не знаете, в чем там дело?» — спросил он его, однако тот не имел ни малейшего представления о цели вызова.

Вскоре после пяти вечера Скорцени отправился на восток Германии, будучи единственным пассажиром юнкерса-52. Этот неуклюжий трехмоторный самолет напоминал оснащенный крыльями металлический сарай. Ставший в годы войны рабочей лопадкой нацистской военной машины, юнкерс перевозил солдат и военное снаряжение на фронт и обратно. Крещение огнем он получил еще в дни гражданской войны в Испании, где использовался националистами генерала Франсиско Франко, которые сбрасывали тонны бомб на позиции республиканских войск и на мирных жителей.

Самолет, в котором летел Скорцени, был специальной крылатой машиной для специальных заданий, точнее, для особо важных персон, и был оборудован небольшим баром. Молодой офицер выпил две рюмки коньяка, размышляя о том, что ждет его в Ставке Гитлера. Неужели его вызывали в «Волчье логово» для того, чтобы выслушать отчет о том, на какой стадии находится формирование его диверсионного отряда? Однако было не похоже на то, что столь несущественный вопрос мог заинтересовать высшее руководство рейха. Пока Скорцени пересаживался в форму на аэродроме, они с Радлем обсудили страшную политическую обстановку, сложившуюся в Италии. Ни тот, ни другой не видели определенной связи между этими событиями и полетом Скорцени в неизвестность.

Вскоре после взлета Скорцени обнаружил, что Радль сунул в его портфель карту. Он решил рассмотреть ее. Вскоре

он уже сидел рядом с пилотом и отслеживал путь юнкерса, пока самолет приближался к месту назначения. Через несколько часов самолет набрал скорость 320 миль в час и приблизился к Мазурам, равнинному району Восточной Пруссии, известному своими лесами и крупными озерами.

Для Скорцени эти места имели важное значение. В годы Первой мировой войны германская армия близ деревни Танненберг одержала победу над войсками царской России. Подобно многим немцам своего поколения Скорцени на зубок знал историю этой войны и прекрасно разбирался в ней. Горькое поражение Германии в войне и тяжелые условия мира, навязанного ей Версальским договором, не только главенствовали в психике немцев большую часть времени между двумя войнами, но и вымостили Гитлеру дорогу к власти.

* * *

К наступлению сумерек юнкерс наконец приземлился на аэродроме в Растенбурге, расположенном к юго-западу от Ставки. Скорцени вышел из самолета и приблизился к блестящему черному мерседесу, стоявшему рядом с управлением аэродрома, где его приветствовал дежурный унтер-офицер. На машине Скорцени проделал последний участок пути, ведущий к «Волчьему логову». Ставка находилась примерно в семи-восьми километрах к востоку от Растенбурга (ныне Кетжин, расположенный на северо-востоке современной Польши). «Волчье логово» было построено в

преддверии операции «Барбаросса», нападения нацистской Германии на Советский Союз, и являлось домом Адольфа Гитлера с июня 1941 года по осень 1944 года.

Расположенная в болотистой местности среди соснового и елового леса, с расстояния Ставка не производила особого впечатления. Посетителям приходилось преодолевать несколько зон безопасности и контрольно-пропускных пунктов, прежде чем подъехать к первому сплетению Ставки, именовавшемуся Ограниченной зоной-1 (Sperrkreis-1), где располагались бункер Гитлера, а также жилые помещения его адъютантов. Доступ в нее в отличие от других участков Ставки ограничивался минимальным количеством доверенных лиц — сюда пускали лишь немногих избранных.

Отъехав от аэродрома, машина, на которой ехал Скорцени, приблизилась к первому бетонному заграждению. Караульный офицер попросил гостя предъявить удостоверение личности и специальный пропуск, выданный ему на аэродроме. Скорцени расписался в журнале посетителей, шлагбаум приподнялся, и автомобиль проехал дальше. Дорога сделалась существенно уже и в нескольких местах пересекла узкоколейную железнодорожную линию. Когда мерседес подъехал ко второму КПЗ, Скорцени предъявил документы другому караулу. Сделав телефонный звонок, офицер спросил у прибывшего, кто его прислал. Скорцени ответил, что не знает.

Чуть позже караульный сообщил Скорцени, любопытство которого усилилось еще больше, что его пригласил

германский Генеральный штаб. «Чего же, черт побери, хочет от меня Ставка?», — сказал он про себя. Преодолев последние несколько метров, мерседес проехал через ворота и оказался на территории Ограниченной зоны-1. Для Скорцени это было святая святых германского рейха.

С первого взгляда это место напоминало старый парк, правда, окруженный высокой оградой из колючей проволоки. Небольшие здания и коттеджи были довольно хаотично разбросаны по всей территории и соединялись лишь извилистыми, обсаженными деревьями тропинками. Он заметил зеленый ковер травы с тонкими стволами молодых деревьев на крышах. (Это была работа одной компании из Штутгарта, занимавшейся садовыми ландшафтами, которая замаскировала крыши зданий искусственным мхом и деревцами.)

Натянутые на деревья камуфляжные сетки обеспечивали полог, закрывавший солнечный свет и усиливавший первобытный мрак. («Те, кто прибывал из открытых солнечных пространств в мрачный лес Восточной Пруссии, находили здесьнюю обстановку депрессивной», — вспоминал переводчик Гитлера Пауль Шмидт. Это место «напоминало мне сказку о злобных ведьмах». Шмидт, с. 239). Камуфляжные экраны на крышах домов должны были сделать это место невидимым для вражеских бомбардировщиков. Несколько десятков зенитных орудий и ряд наземных блиндажей с многометровой толщиной стенами были призваны защитить Гитлера и его штаб от авиационных налетов.

Было уже почти темно, когда мерседес подъехал к Чайному домику, одноэтажному строснию, которое состояло из двух флигелей, соединенных крытым переходом. Скорцени проводили в приспущенную комнату правого флигеля, где события вскоре приняли неожиданный оборот.

* * *

Отто Гюнше, офицер из числа охраны «Волчьего логова», вошел в комнату и сообщил Скорцени и другим офицерам поразительное известие. «Господа, — произнес он. — Сейчас я проведу вас к фюреру». Шесть офицеров с трудом могли поверить, что их приглашают на встречу с самим Адольфом Гитлером.

Сначала Скорцени решил, что ослышался. «Затем у меня от страха едва не подкосились колени, — вспоминал он, пытаясь скрыть свой страх. — Через несколько секунд мне впервые в жизни представится возможность увидеть Адольфа Гитлера, фюрера Великой Германии, Верховного главнокомандующего рейха. Вот это сюрприз!»

До этого Скорцени видел Гитлера дважды, причем издали. Первый раз в Берлине в 1936 году, во время Олимпийских игр, когда Джесси Джеймс одержал победу над расовой теорией фюрера, завоевав четыре золотые медали. Два года спустя, уцепившись за строительные леса вместе с несколькими рабочими, Скорцени наблюдал за триумфальным въездом Гитлера в Вену после аншлюса, присоединения Австрии к Германии. Подобно многим другим

австрийцам Скорцени были рад этому бескровному политическому решению.

Адъютант Гитлера Гюнше вывел шестерых офицеров из Чайного домика и проводил до соседнего деревянного коттеджа, где Скорцени и его спутники оказались в такой же комнате, как и прежняя. Гюнше открыл дверь, и гости вошли в большую комнату. Скорцени запомнил ее обстановку во всех подробностях. «На стене я заметил небольшую картину в серебряной рамке — это была дюреровская “Фиалка”. Забавно, что эта скромная подробность крепко врезалась мне в память, в то время как более значимые эпизоды быстро забылись. На правой стене окна были завешены простыми, яркой расцветки шторами. Здесь же стоял массивный стол, заваленный топографическими картами. Слева находился камин, напротив него — круглый стол и 4—5 легких стульев. Мой взгляд упал на письменный стол, стоявший под углом по отношению к окну, на котором лежало параллельно друг другу много цветных карандашей. Так, значит, именно здесь принимаются судьбоносные для Германии решения!»

Открылась левая дверь, и в комнату вошел Гитлер. Шестеро гостей застыли на месте. Фюрер был в простом полевом мундире, в белой рубашке с черным галстуком. На груди слева Железный крест 1-й степени, а также черная нашивка за ранение. Он поприветствовал прибывших своим традиционным жестом, хорошо известным по многочисленным фотографиям и кадрам кинохроники.

Гюнше представил офицеров, каждый из которых коротко рассказал о своей военной карьере. Будучи младшим по званию, Скорцени стоял в шеренге крайним справа. Хотя причина его вызова в Ставку все еще оставалась неясной, он более всего желал в эти мгновения произвести на Гитлера самое благоприятное впечатление.

Затем настал черед Скорцени оказаться лицом к лицу с Адольфом Гитлером. Серо-голубые глаза фюрера, полные дьявольской энергии, казалось, видели Скорцени насквозь. Посмотрев на гиганта австрийца, фюрер не мог не заметить на левой щеке Скорцени длинный шрам, след дуэли.

Сделав шаг назад, Гитлер окинул взглядом присутствующих.

Затем поинтересовался, кто из них знаком с Италией.

Утвердительно ответил один лишь Скорцени.

«До войны я дважды бывал там, — ответил он. — Я на мотоцикле доехал до самого Неаполя».

Гитлер ничего не сказал на это. Вместо этого он задал новый вопрос всем шестерым:

— Что вы знаете об Италии?

Возникла пауза. Вопрос вызвал удивление, поскольку эта страна являлась военным союзником Германии, это общеизвестно. Один за другим офицеры начали произносить фразы-клише, разработанные пропагандистской машиной Третьего рейха: партнер по коалиции стран «оси», идеологической союзник и так далее и тому подобное. Скорцени решил пойти ва-банк. Связь вопросов Гитлера и загадоч-

ные, непонятные события в Италии побудили его дать ответ, отличный от ответов других офицеров. Действительно, что ему терять?

«Я австриец, мой фюрер», — произнес он. После поражения в Первой мировой войне Австрии пришлось отдать внушительную часть своей территории Италии. В Южном Тироле (или Альто Адидже, как называли его итальянцы) проживали примерно 200 тысяч австрийцев, говоривших по-немецки.

Гитлер смерил его долгим взглядом, но снова ничего не сказал.

«Добавлять к этой фразе нет особой необходимости, каждый австриец как личную потерю воспринимал потерю Южного Тироля — самого красивого уголка на земле», — вспоминал впоследствии Скорцени. Он знал, что Гитлер — по происхождению австриец и азартный игрок в том, что касалось политики и войны.

Снова смерив присутствующих внимательным взглядом, Гитлер сказал:

«Вы свободны, господа, а вас, гауптштурмфюрер Скорцени, я попрошу задержаться».

* * *

Гитлер и его гость остались одни. Импровизация Скорцени неожиданно увенчалась успехом. Поскольку диктатор ничего конкретного во время коллективной беседы не высказал, гауптштурмфюрер по-прежнему точно не знал,

что от него требуется. Кстати, Скорцени с высоты своего немалого роста отметил про себя, что фюрер слегка сутулится.

«У меня имеется для вас особое задание огромной важности. Муссолини, мой личный друг и наш верный товарищ по оружию, вчера стал жертвой предательства со стороны итальянского короля и был арестован своими же соотечественниками. Я не могу оставить в беде великого сына Италии. Дуче для меня — воплощение величия Древнего Рима. Новое итальянское правительство предало нас. Я сохраню верность моему старому союзнику и моему верному другу. Дуче необходимо спасти, иначе его передадут в руки англоамериканцев». Из сказанного следовало, что после устранения Муссолини новое итальянское правительство (режим Бадольо) может перейти на сторону врага.

«Когда фюрер начал разговор со мной, то пришел в небывалое воодушевление. Хотя он оставался скуп на жесты, в его облике тем не менее читалась необыкновенная сила».

«Я поручаю вам операцию по спасению дуче. Она имеет огромную важность для дальнейшего хода войны. Вы должны приложить все свои силы для ее выполнения. В случае успеха вас ждет награда!»

Далее Гитлер сказал, что в ходе порученной Скорцени операции он будет выполнять приказы генерала люфтваффе Курта Штуденга, который вскоре вылетает в Рим с группой парашютистов.

Имелась в виду тайная операция, которую следовало держать в тайне не только от итальянцев, но и от немецких коллег Скорцени.

«А теперь о самом главном, — продолжил фюрер. — Нет особой необходимости говорить о том, что все должно быть в строжайшей тайне. Помимо вас, об этом должны знать лишь пять человек». Операция должна была оставаться тайной даже для маршала Альберта Кессельринга, главнокомандующего немецкими войсками в Италии и немецкого посла в Риме. «Они не владеют ситуацией, создавшейся в Италии, и могут наделать всевозможных ошибок». Как стало ясно позднее, Гитлер стремительно терял веру в немецких военных и дипломатов, работавших в германском посольстве в Риме, которые, по его мнению, перестали нормально работать.

Не удивительно, что Скорцени проникся мистическим духом Гитлера.

«С каждым новым словом фюрера я чувствовал, что становлюсь пленником его магического обаяния. Весомость его слов была столь велика, что я не испытывал ни малейшего сомнения в успехе предстоящей операции».

Скорцени подметил, что голос Гитлера звучал эмоционально и выразительно, особенно когда он говорил о своем друге Муссолини.

Собеседники обменялись рукопожатиями. Скорцени шагнул за порог, чувствуя спиной взгляд фюрера.

Ошеломленный встречей, Скорцени вернулся в приемную Чайного домика. Он все еще ощущал на себе взгляд Гитлера, «могучий взгляд опытного гипнотизера». Скорцени закурил и сделал несколько глубоких затяжек. Вскоре перед ним снова возник Гюпше и сообщил, что в соседней комнате его ждет генерал Штудент. Скорцени вошел в комнату, где представился генералу Штуденту, опытному командиру германских воздушно-десантных войск. (В Третьем рейхе ВДВ относились к ВВС в отличие от Великобритании и США, где они относились к армии.) Гитлер поручил Штуденту руководство операцией по спасению Муссолини, получившей название «Эйхс» (Дуб). Скорцени показалось, что у Курта Штудента приятное, внушающее доверие лицо, которое, однако, пересекал глубокий шрам, проходивший по лбу (результат ранения пулей снайпера в 1940 году).

Неожиданно раздался стук в дверь, и в комнате появился еще один человек. Это был Геприх Гиммлер. Когда-то он был обычным фермером, теперь же стал главой СС и, таким образом, главным начальником Отто Скорцени, не говоря уже о том, что являлся одним из самых влиятельных и могущественных людей Третьего рейха.

После коротких рукопожатий Гиммлер предложил обоим садиться. Судя по всему, он был чем-то обеспокоен.

Заговорив первым, рейхсфюрер обрисовал политическую обстановку, сложившуюся в Италии, и рассказал о со-

бытиях, произошедших после отстранения Муссолини от власти. Он считал, что новое правительство, руководимое Бадольо, вряд ли сохранит верность государствам «оси». Гиммлер полагал, что Бадольо изменит своим союзникам и заключит сепаратный мир с англоамериканцами сразу, как только подвернется такая возможность.

Далее рейхсфюрер назвал ряд имен итальянских военных, политиков и аристократов, часть которых он охарактеризовал как союзников, других же именовал предателями. Этот список показался Скорцени бесконечным, и, когда он попытался сделать записи, Гиммлер сурово остановил его:

«Никаких записей! Все должно оставаться в абсолютной тайне! Вы должны наизусть запомнить эти имена!»

Ни Скорцени, ни Штуденту не удалось вымолвить ни слова, а Гиммлер продолжал осыпать их лавиной различных имен и указаний.

«Измена Италии очевидна, — сказал он. — Это лишь вопрос времени. Представители Италии уже ведут в Португалии сепаратные переговоры с союзниками».

За этими словами последовал новый каскад имен, географических названий, секретных документов. Затем Гиммлер приступил к беседе с генералом Штудентом.

Скорцени посмотрел на часы. Было уже почти одиннадцать часов вечера. Его товарищи в Берлине, по всей видимости, не находили себе места от беспокойства. Он попросил разрешения отлучиться на минутку, чтобы позвонить по телефону.

В коридоре, дожидаясь, когда его соединят с Берлином, Скорцени закурил. В следующую секунду он увидел Гимmlера, который заметил зажженную сигарету и тут же гневно обрушился на Скорцени: «Неужели вы не можете обходиться без сигарет? Похоже, вы не тот, кто нам нужен для выполнения этого задания!»

«Многообещающее начало, — сказал себе Скорцени и каблуком раздавил окурок. — Неужели я не поправился герру Гимmlеру и могу лишиться моего почетного задания?»

ГЛАВА 2

ЗАПАХ ИЗМENEY

Англичане не преминут этим воспользоваться, русские этому обрадуются, англичане высадутся (на побережье Италии). Не будет прсувеличением сказать, что от Италии всегда пахло изменой.

*Гитлер о государственном перевороте в Италии
26 июля 1943 года*

Возможно, Скорцени этого не знал, но целые сутки до его прибытия «Волчье логово» было взбудоражено и гудело, словно пчелиный улей. Суровая же правда заключалась в том, что свержение Муссолини застигло главу Третьего рейха, как, впрочем, и всю нацистскую верхушку, врасплох.

Разумеется, немцы были не так наивны, чтобы совершенно исключать возможность переворота в Италии. Более того, поскольку авантюра в Северной Африке завершилась

для стран «оси» позорным провалом и вторжение союзников в Италию в любой момент могло обернуться реальностью, Гитлер вот уже несколько месяцев с подозрением следил за действиями итальянского королевского дома. Фюрер на протяжении нескольких лет постоянно твердил о том, какую угрозу представляют король и его ближайшее окружение — причиной этому было его презрение к буржуазии и правящему классу, — которых он в своих речах называл не иначе как пятая колонна аристократии. (В августе 1939 года, накануне начала войны Гитлер убеждал своих генералов в том, что Муссолини якобы является «залогом успеха» и, если его убрать с политической арены, «мы не можем быть уверены в верности Италии странам “оси”. Итальянский же двор в целом настроен против дуче». Впрочем, Гитлер и король Италии прониклись друг к другу неприязнью уже давно («Нацистский заговор и агрессия», том 3, с. 582). Немцам также не давало покоя пошатнувшееся здоровье Муссолини, поскольку это ставило под сомнение стабильность фашистского режима в Италии.

«Как паук в паутине, мы должны быть постоянно начеку, — с апломбом заявил Гитлер двумя месяцами ранее. — Слава богу, у меня отличный нюх на такие вещи, и я обычно чую их задолго до того, как они случаются».

Увы, несмотря на возросшую бдительность, свержение дуче явилось для немцев неприятным сюрпризом. Что касалось Италии, Гитлер полагался на информацию, которую получал от своих людей в Риме, главным образом

дипломатов и агентов секретных служб Третьего рейха. Всех их государственный переворот застал врасплох. Немецкий посол в Риме Ганс Георг фон Макензен (сын знаменитого фельдмаршала) оказался несдальновидным в своих оценках положения в итальянской столице. Посол и его окружение не только не заметили тайных махинаций королевского двора, но также проглядели возросшую активность некоторых приспешников самого дуче, в частности, из числа членов Большого фашистского совета.

По иронии судьбы, 25 июля, то есть в день ареста дуче на королевской вилле, Макензен докладывал своему начальству, что политическая ситуация в Риме целиком и полностью подконтрольна Муссолини. Нацистская верхушка получила этот столь оптимистичный отчет одновременно с известием о государственном перевороте. «Отчет фон Макензена пришел как раз в тот момент, когда Бенито Муссолини был объявлен пленником его величества короля Италии, — вспоминает Ойген Долльман, который был рядом с Макензеном, когда тот отправлял свой отчет. — Узнав об этом, министр иностранных дел, Риббентроп, пришел в ярость».

На момент переворота в Италии Гитлер столкнулся с рядом поражений на других фронтах. Свержение дуче стало последним в ряду военных и политических катастроф стран «оси» в Европе. И хотя в июле 1943 года большая часть континента оставалась в железной хватке фюрера,

арест Муссолини явился первым сигналом того, что англо-американцы намерены активизировать свои действия.

На востоке Советская армия потихоньку отнимала у Германии с трудом завоеванное «жизненное пространство» (Lebensraum), оттесняя войска вермахта все дальше на запад. Собственно говоря, события начали развиваться в отнюдь не пользу рейха еще в самом начале года. В феврале закончилась Сталинградская битва, одна из самых кровавых в истории человечества и самое крупное поражение Германии на тот момент. Жертвами упрямой позиции Гитлера, запретившего Паулосу отступить ради спасения армии, стали несколько сот тысяч человек, убитые или взятые в плен. Сталинград стал своего рода психологическим поворотным пунктом войны, не говоря уже о колоссальных человеческих жертвах.

За Сталинградом последовала не менее крупная катастрофа на Южном фронте. Летом того же года объединенные силы союзников разгромили войска вермахта в Северной Африке, где когда-то совершал свои подвиги знаменитый Лис Пустыни, маршал Эрвин Роммель. Успех англоамериканцев в Африке стоил странам «оси» примерно 250 тысяч немецких и итальянских солдат, сдавшихся в плен с неохотного согласия Муссолини. Эта победа открыла союзникам дорогу для высадки на Сицилии, которая состоялась 10 июля.

«Лишившись позиций в Африке, — писал немецкий генерал Зигфрид фон Вестфаль, игравший ключевую роль

на итальянском театре военных действий, — “Крепость Германия” обнажила свой южный фланг, и, как выразился Черчилль, мягкое подбрюшье Европы стало уязвимым для нанесения удара». Несудачи на африканском фронте лишь укрепили решимость тех, что задумал сместить дуче с его поста.

На Западе, где военные действия, в основном, шли на море и в воздухе, дела у стран «оси» обстояли ненамного лучше. Битва в Атлантике, эта морская игра в «кошки-мышки» между немецкими субмаринами и грузовыми транспортом союзников, весной стала клониться в пользу последних. Гитлеру ничего не оставалось, как отозвать из Северной Атлантики свои подводные лодки, некогда наводившие ужас на противника, что позволило уже летом 1943 года тысячам торговых судов беспрепятственно пересечь Атлантику, направляясь из США в Британию. Безусловно, для стран «оси» такая ситуация была неприемлема, потому что означала постоянный перевес сил в пользу союзников. «Битву за Атлантику мы проиграли», — с горечью произнес позднее адмирал Карл фон Дёниц, глава германского флота.

Что касается гражданского населения Германии, то в 1943 году война пришла и к нему в виде массированных бомбардировок крупных немецких городов самолетами союзников. Вылетая с баз на территории Англии, которая превратилась в своего рода гигантский авианосец, уже в первой половине 1943 года бомбардировщики союзников

сделали сотни боевых вылетов в границы рейха. Эти вылеты продолжились и во второй половине года. (На Германию в 1943 году было сброшено бомб общим весом в 200 тысяч тонн, то есть в пять раз больше, чем в предыдущем году.)

Состоявшаяся в январе конференция в Касабланке, на которой присутствовали Уинстон Черчилль и Франклин Рузвельт, дала официальное добро на ковровые бомбардировки немецких городов с целью уничтожения стратегических объектов и деморализации населения. Ничуть не сомневаясь в своей будущей победе, на конференции лидеры союзников также обозначили условия окончания игры: они согласны лишь на «безоговорочную капитуляцию» Германии, Италии и Японии.

Хотя позиции Гитлера были еще довольно прочны — до победоносного наступления русских войск на Берлин оставалось еще почти два года, — к моменту падения Муссолини война уже начала постепенно сказываться на состоянии здоровья пятидесятичетырехлетнего фюрера. Так, например, в начале 1943 года Гитлер заметил у себя нервное подергивание левых конечностей. Его безуспешные попытки побороть эту дрожь, которая, несмотря на все усилия врачей, отказывалась проходить, стала причиной его новой позы: правой рукой он прижимал левую, а левой ногой упирался в ближайший неподвижный предмет. Примерно в то же самое время у него развилась легкая хромота, и он при ходьбе стал немного подволакивать левую ногу.

Хотя вождь Третьего рейха не курил и не употреблял алкоголя, он был ипохондриком по натуре и в эти нелегкие

для Германии дни держался исключительно на лекарствах, витаминах, инъекциях глюкозы, гормонах и более экзотических снадобьях. Его личный врач, профессор Теодор Морелль держал в «Волчьем логове» обширный запас лекарств на любой случай. Услугами профессора пользовался не только сам Гитлер, но и его ближайшее окружение. Медицинские опыты горе-профессора, который нередко использовал Гитлера в качестве подопытного кролика, также наверняка внесли свой вклад в ухудшение здоровья главы Третьего рейха. (Ухудшение здоровья Гитлера в последние годы его жизни так и не были никогда точно объяснены. Предполагается, что некоторые симптомы свидетельствуют о начале болезни Паркинсона, хотя нельзя исключать и воздействие острого психологического стресса. В период с 1941-го по 1945 год Морелль прописал Гитлеру невообразимое количество лекарственных и якобы обладающих терапевтическим действием препаратов — целых 77!)

Приезжавшие к Гитлеру в его Ставку «Волчье логово» не могли не заметить, как сильно он сдал. 7 июля 1943 года, за несколько недель до свержения Муссолини, Вернер фон Браун, разработчик германской ракетной программы, прибыл в резиденцию Гитлера для личной встречи с фюрером. «Гитлер выглядел ужасно, — вспоминал он. Фон Браун инстинктивно увязал пошатнувшееся здоровье фюрера с неудачами на фронтах. — Я видел его в последний раз в 1939 году. Тогда у него тоже был усталый вид, однако от него исходила некая почти магическая сила. Сейчас же глаза его

сияли дьявольским блеском, но лицо было бледным, и он производил впечатление усталого, сломленного человека».

Роммель в разговоре с женой сделал в 1943 году удивительно точное замечание: «Порой кажется, что перед вами умалишенный».

25 июля 1943 года Гитлер, а вместе с ним и вся Германия узнали о перевороте в Италии буквально через несколько часов после того, как тот произошел, хотя правительство Бадольо еще в течение нескольких недель тщательно скрывало подробности. Первые свидетельства того, что по ту сторону Альп дела обстоят не столь гладко, стали известны еще днем на совещании у Гитлера в «Волчьем логове».

Так получилось, что частично это совещание, которое началось около полудня, совпало по времени со встречей между Муссолини и японским послом Сирокуро Хидакой, состоявшейся в Палаццо Венция в Риме. В тот самый день, когда Муссолини жаловался посланнику Японии на нехватку у Италии военных ресурсов, Гитлер сидел в конференц-зале «Волчьего логова», выслушивая очередную порцию неутешительных донесений военачальников. Согласно одному из них, остро нуждался в переброске резервов Восточный фронт, где вот уже два года кипела титаническая борьба между Германией и Россией.

5 июля немецкая армия развернула новое массивное наступление в Курской области — так называемую операцию «Цитадель», — в котором было задействованы полмиллиона солдат и тысячи танков. Увы, наступление это так и не

принесло желаемых результатов. Более того, в середине июля русские предприняли не менее внушительное контрнаступление.

«Провал операции “Цитадель” — это не просто програнное сражение, — вспоминал генерал Вальтер Варлимонт. — Он позволил русским перехватить инициативу, и она оставалась в их руках до самого конца войны». Вот какое объяснение дал Муссолини японскому послу в день своего ареста: «Германии и России в срочном порядке необходимо прекратить воевать друг с другом. Дело не в том, что Германия не хочет нам помочь, а в том, что она увязла в боях на Восточном фронте и потому не в состоянии оказать нам какую-либо помощь».

В тот день мысли Гитлера были заняты его извечным противником, Англией (высокомерные островитяне, называл он англичан), которую ему так и не удалось покорить в 1940 году. В субботу вечером, пока Муссолини был вынужден держать оборону в Большом фашистском совете, союзники предприняли массированный воздушный налет на Гамбург, второй по величине город Германии, который стал провозвестником широкомасштабной бомбардировки, известной как операция «Гоморра», целью которой — а англичане ее не скрывали — было уничтожение Гамбурга.

И эту цель им почти удалось достичь. Через два дня, 27 июля, очередной налет на Гамбург стал причиной многочисленных пожаров. Гамбургские пожарники даже придумали им имя Feuersturm, «огненная буря». Температура

пламени достигала 1400 градусов по Фаренгейту. В этом адском пламени погибли тысячи мирных жителей и выгорело восемь квадратных миль городских кварталов, что по площади равно половине Манхэттена. Многие люди сгорели заживо, пойманные в капканы бомбоубежищ, другие стали жертвами рек расплавленного асфальта, в которые превратились городские улицы.

Впрочем, 25 июля грядущий ад был для Гамбурга еще впереди. Примерно в половину второго пополудни Гитлер спорил с одним офицером авиации по поводу того, чем Германия, чьи ресурсы таяли буквально на глазах, может ответить на субботнюю бомбардировку и прочие карательные действия со стороны союзников. Поскольку Германия вывела свои субмарины из Северной Атлантики, немцы склонялись к тому, чтобы с самолетов заминировать прибрежные воды Англии, что позволило бы сорвать переброску военных ресурсов из-за океана. Однако Гитлер негодовал по поводу бомбардировки Гамбурга и потому настаивал на куда более жестоком отмщении. Этот разговор был дословно записан стенографистами «Волчьего логова».

«Я уже вам сказал, когда мы обсуждали этот вопрос несколько дней назад, что на террор следует отвечать террором, — заявил Гитлер полковнику Экхарду Кристиану. — Следует нанести ответный удар, а все остальное чепуха. Я убежден, что ваши мины — совершенно бесполезная вещь. Нашему народу от них никакой пользы, а для тех,

кто живет по ту сторону моря, они не представляют никакой угрозы. По моему мнению, мы должны задействовать наши самолеты и нанести по англичанам непосредственный удар, тем более, если учесть, какое количество самолетов они поднимают в воздух».

Как это не раз случалось во время войны, первое, что приходило в голову Гитлеру, — желание задавить противника количеством. Увы, в 1943 году эта стратегия была вряд ли применима по причине острой нехватки ресурсов, как материальных, так и человеческих. Полковник Кристиан ненавязчиво пытался отстоять свою точку зрения, например, он указал Гитлеру, что для совершения широкомасштабных налетов на Англию люфтваффе просто не располагает нужным количеством бомбардировщиков, в то время как минирование прибрежных вод произведет на противника «хотя бы косвенный эффект».

«Террор можно остановить лишь террором, — упрямо стоял на своем Гитлер. — Лишь тогда мы положим этому конец, если сами нанесем по ним ответный удар. В противном случае наш народ постепенно сойдет с ума. Мы сможем добиться успеха лишь в том случае, если будем наносить систематические удары по их городам. Но пока я только слышу слова вроде “Мы не нашли этого места” или “У нас не хватает самолетов”, а потому оказывается, что у нас есть все необходимое для чего-то еще. Я же слышу обычную отговорку “Мы не можем его найти”ч. Мы не можем найти Лондон! Да это же позор!»

У Германии нет необходимого количества самолетов, гнул свою линию Кристиан.

«Неправда! — отрезал Гитлер. — Главное — заставить их почувствовать нашу силу. Если над центром Мюнхена появятся пятьдесят самолетов, этого будет достаточно, чтобы в такую ночь никто не уснул. И если вы в ответ тоже поднимете в воздух пятьдесят самолетов, это будет куда эффективнее, чем все эти ваши мины. И хватит кормить меня срундой!»

Тем не менее, хотя Гитлер его почти не слушал, Кристиан стоял на своем.

«Довольно заниматься срундой! — оборвал его фюрер. — Давайте нанесем удар! Все подготовим и выберем цель — мне все равно, что это будет. Потому что так дальше продолжаться не может. В конце концов, немецкий народ обезумел. На террор нужно отвечать террором. Другого способа нет».

Когда же Гитлеру стало известно, что во время налета на Гамбург союзники потеряли лишь двенадцать самолетов, он поручил Кристиану определить точки, над которыми они были сбиты. (Минимальными потерями союзники, поднявшие в воздух 791 самолет, были обязаны последнему изобретению в нескончаемой войне радаров: на город были сброшены многие тысячи тонких алюминиевых полосок, мешавших работе немецких радаров.)

Из полученного ответа стало ясно, что в 1943 году Германия испытывала нехватку не только в бомбардировщиках.

«Хорошо, — ответил Кристиан, — только для этих целей мы не выделим ни капли горючего, а отправим людей на велосипедах».

«Поступайте, как сочтете нужным, — ответил Гитлер тоном школьного учителя, — главное, чтобы у меня на столе лежал отчет. Если необходимо послать людей на велосипедах, пусть это будут велосипеды».

* * *

Такова была обстановка в Германии в тот день, когда Муссолини вошел в королевскую виллу в Риме, не подозревая, что угодил в западню. Позднее в тот же день до Гитлера дошли первые свидетельства того, что в Вечном городе идет борьба за власть, а именно — донесение Вальтера Хевеля, это был человек Риббентропа в штабе Гитлера, который связался с послом Макензеном в Риме. Хевель подтвердил, что накануне, в субботу, 25 июля, Муссолини собирал Большой фашистский совет. Гитлеру было известно, что этот Совет не имел реальной власти и служил итальянскому диктатору не более чем ширмой, не говоря уже о том, что в последний раз дуче собирал его в 1939 году.

«Он слышал из разных источников, что заседание было бурным, — докладывал Хевель, имея в виду Макензена. — Поскольку участники заседания обязаны хранить тайну, то ничего конкретного он не слышал, одни лишь слухи».

Немцы в тот момент еще этого не знали, но Большой фашистский совет проголосовал за отмену единоличного

правления дуче. Ну а поскольку реальной юридической власти Совет не имел, как не имел и силы навязать свое решение самому Муссолини, то это голосование можно рассматривать лишь как демарш, и не более того. Потому что сместить дуче можно было лишь путем государственного переворота, при условии, что последний поддержат военные. Однако в данном случае армия решила встать на сторону короля, поддержав таким образом куда более радикальную смену режима.

Ввиду отсутствия иной информации серьезность ситуации в Италии стала очевидна отнюдь не сразу. Гитлер скорее был озадачен, нежели всерьез обеспокоен.

«Какая польза от этих Совстгов? — недоумевал он. — На что они способны, кроме пустой болтовни?»

Увы, ближе к вечеру известие о государственном перевороте в Италии разорвалось в «Волчьем логове» подобно бомбе. Хотя мелкие подробности были до сих пор неизвестны, самого факта свержения дуче оказалось достаточно, чтобы логово фюрера сотрясло, словно взрывной волной. Примерно в 9.45 вечера маршал Вильгельм Кейтель, Верховный главнокомандующий, торопился в конференц-зал, где Гитлер и еще несколько лиц обсуждали сложившуюся обстановку.

«Дуче смещен со своего поста, — объявил Гитлер. Его слова предназначались Кейтелю, который только что вошел в комнату, но впечатление было такое, будто Гитлер пытался убедить самого себя. — Это известие пока не под-

тверждено. Правительство возглавил Бадольо. Дуче подал в отставку».

В тот вечер вскоре после того, как король Италии Виктор Эммануил арестовал диктатора, Бадольо связался с немцами и изложил им свою версию событий. Муссолини якобы добровольно ушел со своего поста, король же поручил ему, Бадольо, взять на себя функции главы временного правительства. Бадольо всячески подчеркивал, что смена власти — это исключительно внутреннее дело Италии и никак не затрагивает союзнических отношений с Германией. Он также заверил фюрера, что Италия продолжит свою борьбу против общих противников стран «оси». Гитлер даже не удостоил его ответом.

«Самый главный, самый “решающий” вопрос состоит в следующем, — сказал генерал Альфред Йодль, — будут итальянцы сражаться и дальше или нет?» (Слово «решающий» было в числе самых популярных в нацистском жаргоне.)

«По их словам, будут, — ответил Гитлер. — И тем не менее все это понахивает изменой. Мы должны отдавать себе отчет в том, что это вероломство. Лично я жду, что скажет сам дуче. Я хочу, чтобы он немедленно прибыл в Германию».

Увы, никто не Германии так и не смог назвать местонахождение Муссолини.

«Если существуют какие-то сомнения, — продолжал Йодль, — то нам остается лишь одно».

С момента свержения Муссолини прошли лишь считанные часы, но Гитлер уже начал подумывать о том, не взять ли ему Рим силой, с тем чтобы восстановить диктатора у кормила власти.

«Я думал о том, а не задействовать ли нам 8-ю танковую гренадерскую дивизию, чтобы та оккупировала Рим и арестовала правительство», — произнес Гитлер, имея в виду моторизованную дивизию, дислоцированную в тридцати пяти милях к северу от Рима, рядом с озером Больсена.

За этим предложением последовало обсуждение обстановки между Гитлером и его воспачальниками. Озабоченность фюрера вызывал тот факт, что на Сицилии было задействовано слишком большое число немецких войск. К 25 июля войска союзников выдавили эти части на северо-восточную оконечность острова. Гитлер опасался, что Италия может перейти на сторону противника, и тогда немецкие части на Сицилии окажутся в западне, окруженные со всех сторон коалиционными силами Италии, Англии и США.

«Наших солдат нужно спасти во что бы то ни стало, — заявил Гитлер, имея в виду немецкие части на Сицилии. — Тем болсе что там им делать нечего. Их нужно вернуть. Их снаряжение не имеет никакого значения. Пусть, если хотят, взорвут боеприпасы и технику, главное — вернуть солдат. А их там сейчас 70 тысяч. Чтобы справиться с итальянцами, нам достаточно пистолетов». (Немецкие войска на Сицилии включали в себя танковую дивизию СС «Герман Геринг», 15-ю танковую гренадерскую дивизию, части

29-й моторизованной пехотной дивизии и 1-й воздушно-десантной.)

Недавние события убедили Гитлера, что серьезного сопротивления со стороны итальянской армии можно не опасаться.

«Нам следует дождаться точных отчетов о том, что собственно там происходит», — высказал мнение Йодль.

«Безусловно, — согласился Гитлер, — и тем не менее нам необходимо иметь наготове план. Я не сомневаюсь, что в своем вероломстве они станут заверять нас в верности, и тем не менее я расцениваю это как вероломство. Вот увидите, они предадут нас».

Последствия таинственного исчезновения дуче были понятны Гитлеру с самого начала. Он не сомневался в том, чем это для него чревато. Сместив Муссолини — практически единственного государственного деятеля Италии, верного странам «оси», — правительство Бадольо навсерняка попыталось вступить в переговоры с союзниками о сепаратном мире. Или же, как опасался Гитлер, Бадольо еще до переворота вступил в тайный сговор с врагом. На 25 июля дела обстояли таковым образом, что союзникам ничего не мешало с согласия Бадольо вторгнуться в континентальную Италию (которая была практически оголена) и взять страну под свой контроль.

«Кто-нибудь уже разговаривал с этим Бадольо?» — спросил Кейтель.

«Хотя он и поспешил заверить нас, что война будет продолжена, — ответил Гитлер, — его заявление не играет

особой роли. Ведь что еще он может нам сказать, даже если это предательство, а по-моему, так оно и есть. Мы станем играть в ту же самую игру, а сами тем временем будем готовиться к тому, чтобы навести нам порядок, одним ударом разделаться с этим отребьем. И удар этот будет нанесен в тот момент, как только у нас будут силы это сделать. И тогда мы явимся туда и разоружим всю их шайку».

В то утро Гитлер позвонил Герману Герингу. Геринг как раз собирался нанести дуче визит по поводу шестидесятилетия последнего, которое должно было состояться 29 июля, то есть буквально через несколько дней. Восна-чальники фюрера стали свидетелями того, как глава Третьего рейха лично сообщил дурные известия своему верному другу и помощнику. Геринг отказывался верить услышанному. И хотя присутствующим были слышны лишь отдельные реплики фюрера, содержание разговора было понятно и так.

«Алло, это Геринг? — спросил в трубку Гитлер. — Не знаю, слышал ли ты эту новость. Официального подтверждения еще не было, но нет никаких сомнений в том, что дуче подал в отставку, а его место занял Бадольо. Нет-нет, это не из области фаггастики, это из области фактов. Так оно и есть, Герман, и в этом не приходится сомневаться. Как бы то ни было, в данных обстоятельствах я думаю, что тебе стоит приехать сюда прямо сейчас. Что? Я не знаю. Скажу тебе об этом позже. Главное, свыкнись с мыслью, что это так».

С этими словами Гитлер повесил трубку.

«Я лишь надеюсь, что они не арестовали дуче, — сказал он. — Потому что если он арестован, то нам тем более следует вмешаться».

Даже выйдя из конференц-зала, Гитлер, судя по всему, провел остаток дня, возмущаясь по поводу предательства итальянцев.

«Гитлер сыпал проклятиями, — вспоминала Траудль Юнге, одна из секретарш фюрера. — Он был взбешен по поводу смены власти в Италии и свержения Муссолини. В тот вечер он не стал прятать свое дурное настроение даже от женщин. Отвечал односложно, был погружен в свои мысли.

— Муссолини оказался слабее, чем я думал, — сказал он. — Я всячески поддерживал его, и вот теперь его свергли. Нет, на итальянцев никак нельзя полагаться. Они подрывают наш престиж, а их неудачи пересвешивают любые успехи».

Исчезновение дуче внушало фюреру тем большую тревогу, поскольку он лично встречался со своим итальянским «другом» всего за неделю до его свержения. Встреча состоялась в Фелизе, на севере Италии. Это было военное совещание, тринадцатое за почти десяток лет. (Первая бомбардировка Рима авиацией союзников состоялась в тот же день. Рим как важнейший транспортный узел (шоссейный, и железнодорожный) являл для врага ценную мишень. Большая часть грузов, поступавших из Германии в южную Италию и на Сицилию, шла через Рим.) Его срочное про-

ведение потребовал хаос, возникший в результате вторжения войск союзников на Сицилию. (Рудольф Земмлер, работавший в Министерстве пропаганды, так описывает первую реакцию Гсббельса на известие о высадке союзников. «Возвращаясь поездом в Берлин, — писал он в своем дневнике 10 июля, — мы услышали в Эрфурте в три часа утра, что враг высадился на Сицилии. Гсббельс был хмур, как туча, и в очередной раз грубо высказался по поводу нашего союза с “макаронниками”».)

Практически сразу после того, как англо-американские войска высадилась на берегах острова, между Германией и Италией возникли резкие разногласия.

Для итальянцев главным вопросом была военная помощь — вернее, полное ее отсутствие. Союзники превосходили итальянскую армию по всем показателями — численности, боевому духу, экипировке. Деморализованные итальянские части не могли дать им достойный отпор, особенно в воздухе, где у союзников имелось гигантское превосходство. 12 июля, то есть спустя два дня после того, как на острове начались бои, итальянцы слезно попросили Гитлера прислать им две тысячи истребителей, чтобы приостановить натиск противника. Гитлер отказался выслушать эту просьбу о помощи, как, впрочем, и все другие. Этот отказ возмутил многих итальянцев, которые до этого были убеждены, что нацистская Германия в любой момент придет на помощь их стране.

Для них занятая Гитлером позиция была лишь еще одним подтверждением того, что фюрер намеревался «бро-

силь Италию на произвол судьбы», пожертвовать своим средиземноморским союзником, чтобы тот взял на себя все тяготы войны с англичанами и американцами, постепенно изматывая врага, подрывая его силы и, самое главное, сдерживая его продвижение к границам Третьего рейха. Посол Италии в Берлине Дино Альфиери не раз выступал от лица Италии, говоря, что Гитлер смотрит на его страну и на другие страны «оси» как на «бастионы германской крепости». По его словам, в Италии Германия никогда не станет воювать в полную силу против англичан и американцев, поскольку хотела бы сохранить свои силы для борьбы против русских, поскольку не располагает необходимой мощью, чтобы одновременно вести тотальную войну на обоих фронтах.

Гитлер тем временем был серьезно обеспокоен полученными донесениями, которые оказались на редкость точными и из которых следовало, что итальянцы оказывают союзникам лишь видимость сопротивления, а в ряде случаев даже сдавались в плен или просто куда-то исчезали. «Фюрера терзает все большая и большая тревога, — сокрушался сподвижник Гитлера, Мартин Борман в письме, написанном в июле 1943 года. — Итальянцы бегут, точно так же так они бежали в России, или же просто сдаются в плен. По большому счету, Сицилию в данный момент удерживает лишь горстка наших солдат». Иными словами, отбивать вторжение на Сицилию полумиллионного англо-американского корпуса выпало 60 тысячам немецких солдат.

Вечером 12 июля, то есть спустя два дня после высадки союзников на Сицилии, Гитлер отправил Муссолини через генерала Энно фон Ринтелена, военного атташе Германии в Риме, возмущенное послание. Ринтелен, в обязанности которого входило обеспечивать координацию действий между немцами и итальянцами, передал дуче, что фюрер не намерен посылать в Италию дополнительные войска, если итальянцы отказываются сами защищать свою страну. Это заявление спровоцировало обмен резкими репликами между странами «оси».

18 июля Муссолини отправил Гитлеру длинную телеграмму. (До сих пор точно не известно, была ли она на самом деле отправлена.) Успех союзников на Сицилии, писал он, вызван отнюдь не отсутствием босвого духа у итальянцев. Иное дело, что страна исчерпала все свои ресурсы и срочно нуждается в помощи. «Германия гораздо сильнее и в экономическом, и в военном отношении, — писал дуче. — Моя страна шаг за шагом истощила себя; как в топке, сожгла свои ресурсы в Африке, России, на Балканах».

Не преминул Муссолини добавить и злоецсе предупреждение: «Пожертвовав мой страной, Германия вряд ли сумеет обезопасить себя от нападения врага». В тот же самый день дуче получил приглашение от Гитлера присутствовать на встрече глав государств стран «оси», которая должна была состояться на следующий день, 19 июля. Поворчав по поводу того, что его не пригласили заранее, Муссолини все же согласился присутствовать.

В Фельтре ставки для обоих лидеров были чрезвычайно высоки. Поскольку было понятно, что Сицилию, скорее всего, не удастся удержать, Гитлера терзали — причем вполне обоснованные — опасения, что даже такой, казалось бы, верный союзник, как дуче, если события начнут развиваться слишком стремительно, пожелает выйти из игры. Используя комбинацию блсфа и запугивания, Гитлер надеялся подстегнуть боевой дух своего южного союзника, не общая при этом особой поддержки со стороны Германии, тем более что ее ресурсы на данном этапе войны также были на вес золота. Муссолини, в свою очередь, стоял перед не меньшими трудностями. С одной стороны, он испытывал колоссальное давление внутри страны. От него требовали заручиться полноценной помощью со стороны Германии, в противном случае Италия оставляет за собой право одностороннего выхода из войны, а в случае, если фюрер даст на это добро, то и подписать с союзниками сепаратный мир.

Тем не менее, как это часто случалось в прошлом, Муссолини не хватило мужества для откровенного разговора с Гитлером, когда оба лидера встретились лицом к лицу на севере Италии. Муссолини то ли испугался, то ли постеснялся открыто признаться фюреру, что его страна исчерпала все свои ресурсы, как материальные, так и человеческие.

Именно это странное молчание дуче в Фельтре вынудило короля Италии 25 июля, то есть всего неделю спустя, сместить его с поста главы страны.

ГЛАВА 3

ДАВНИШНИЕ ДРУЗЬЯ

Этот человек — невротик. Когда он сказал мне, что никто не прошел через то, через что прошел он, в его глазах стояли слезы. Все это одно сплошное пресувеличение.

Муссолини о поведении Гитлера на конференции глав государств «оси» в 1941 году

Решимость Гитлера спасти Муссолини и вырвать из рук его соотечественников явилась драматическим напоминанием того, насколько изменилась ситуация с начала 1920-х годов, когда произошла их первая встреча. В то время Гитлер был мало кому известным агитатором крайне правого толка, Муссолини же возглавлял фашистскую партию и был довольно заметной фигурой даже на мировой арене. (Нередко забывают о том, что прежде чем склониться к политическому альянсу с Гитлером, Муссолини был дружен со многими консервативными политиками других стран. В числе его поклонников в свое время был и Черчилль.)

В те дни молодой и амбициозный Гитлер смотрел на Муссолини как на предмет для подражания, и вполне понятно, почему. Фашистская революция в Италии явилась для будущего фюрера источником вдохновения и потенциальной моделью системы, которую он мечтал воплотить в жизнь в Германии.

«Я готов честно признать, что в тот период я был исполнен искреннего восхищения перед великим человеком

по ту сторону Альп, — писал Гитлер на страницах книги «Майн Кампф» в 1923 году, — ибо человек этот был полон горячей любви к своему народу, не заключал сделок с врагами Италии, но всеми способами стремился их уничтожить. Муссолини по праву может быть назван в числе великих мира сего благодаря своей решимости не делить Италию с марксистами, но разрушить интернационализм и спасти от него родное отечество». (То, что при дуче посзда ходили точно по расписанию, было лишь глазурию за торте более весомых побед.)

Тем не менее эта симпатия отнюдь не была взаимной. Безусловно, Муссолини нередко (и стараясь этого не афишировать) снабжал деньгами юное детище Гитлера, нацистскую партию, когда та рвалась к власти, и оказывал другие формы поддержки. Однако осторожный итальянский диктатор, хотя и утверждал, что восхищение Гитлера ему льстит, старался не вступать в слишком тесные отношения с бесноватым австрийцем.

В 1926 году, когда Гитлер обратился к итальянскому послу в Берлине с просьбой подарить ему фото с автографом его кумира Муссолини, эту просьбу решительно отвергли. «Поблагодарите вышеуказанного господина за его чувства, — говорилось в полученном из Рима сообщении в адрес итальянских дипломатов в германской столице, — однако передайте ему в той форме, какую сочтете приемлемой, что дуче не считает нужным выполнять такую просьбу». В результате Гитлер был вынужден довольствоваться

бронзовым бюстом Муссолини, который стоял на видном месте в так называемом Коричневом доме, мюнхенской штаб-квартире нацистской партии.

Отношения между Муссолини и Гитлером резко изменились, когда тот в начале тридцатых годов пришел к власти. В то время Германия была обезоружена и находилась в политической изоляции. Гитлер же, заняв в начале 1933 года кресло рейхсканцлера, поставил своей целью возродить военную мощь Германии и разделить на два лагеря, а следовательно, ослабить ведущие европейские державы. И хотя дуче испытывал к новоявленному фюреру смешанные чувства — реанимированная Германия вполне могла представлять угрозу для Италии, — он также полагал, что сможет использовать Гитлера в собственных целях, а именно — с выгодой для себя эксплуатировать страх Запада перед нарождающимся нацизмом: потребовать для Италии территориальных уступок на Балканах, в Средиземноморье или в Северной Африке.

Естественно, Муссолини опасался, что Гитлер попыбует присоединить к Германии Австрию и тем самым ликвидировать своеобразный буфер между Италией и Третьим рейхом. Вместе с тем он полагал, что сможет держать в узде своего страстного поклонника и сумеет воспрепятствовать осуществлению аншлюса Австрии, который бы нарушил положения Версальского договора. Тогда, в 1933 году, Муссолини как-то раз сказал следующее: «Гитлер не слишком блещет умом. Его голова напичкана философскими и по-

литическими ярлыками, причем совершенно бессмысленными».

Муссолини, который течение почти десятилетия всячески избегал Гитлера, в конечном итоге был вынужден встретиться с немецким диктатором. Встреча состоялась в Венеции в июле 1934 года. На ней говорил, в основном, Гитлер, который распространялся на две свои любимые темы: захватническая война и чистота расы. При этом он договорился до того, что начал предлагать свои идеи по этнической чистке итальянцев, которым, по его убеждению, не хватало расовой чистоты!

«Я опасался, что у меня возникнут трудности с немецким языком, — признался дуче, владевший несколькими иностранными языками, в том числе и немецким. — Но их не возникло. Он липил меня любой возможности вставить хотя бы слово».

Самонадеянный нацистский лидер не произвел на дуче особого впечатления — Муссолини тогда сравнил его с заезженной пластинкой.

«Он (Гитлер) агрессивная личность, у которой полностью отсутствует самоконтроль, — сделал вывод Муссолини, — от наших с ним разговоров не было ничего хорошего».

Это было весьма дальновидное замечание. Хотя и сам дуче не был чужд насилию, то, что произошло буквально через несколько дней после их встречи, потрясло его до глубины души. Тогда Гитлер убил несколько сот как своих откровенных врагов, так и верных товарищей по партии.

Эта кровавая чистка позднее вошла в истории как «Ночь длинных ножей».

«Ты только взгляни, — не скрывая своего омерзения, сказал Муссолини жене, протягивая ей газету с заметкой, в которой рассказывалось об этом жутком событии. — Этот человек напоминает мне гунна Аттилу. Он убил своих ближайших друзей, тех, кто привел его к власти».

Муссолини пришел еще в больший ужас, когда в июле нацисты попытались прийти к власти в Вене. (Как мы видим, Гитлер не терял времени даром!) Впрочем, фюрер быстро пошел на попятную, как только Муссолини сделал несколько угрожающих жестов, например, разместил на пограничном перевале Бреннер четыре итальянские дивизии. Тогда отношения между обоими диктаторами достигли своей самой низкой точки. Вскоре после австрийского фиаско Муссолини назвал Гитлера «мерзким сексуальным дегенератом» и «опасным дураком». Нацизм же в его глазах был не чем иным, как «диким варварством». «Убийства, грабежи, шантаж — вот и все, что способна породить эта идеология».

* * *

На протяжении последующих нескольких лет Англия и Франция всячески поощряли враждебные отношения к Германии и даже стремились укрепить свои отношения с ним в качестве противовеса исходящей от нацистской Германии угрозы. Впрочем, Гитлер тоже не терял напрасно

времени и всячески обихаживал итальянского диктатора, мечтавшего возродить на Апеннинских горах мощь и славу Древнего Рима. Фюрер постепенно затягивал Муссолини в орбиту своей политики, тонко играя на его тщеславии и жадности. Будучи по природе оппортунистом, дуче старался не портить отношений ни с кем и даже не был чужд тому, чтобы натравливать противников друг на друга, с тем чтобы заручиться для себя и своей страны максимальными преимуществами.

Агрессивные заявления Гитлера не могли не вселять в него беспокойство. В марте 1935 года Гитлер посмеялся над Версальским договором, открыто заявив, что намерен поставить под ружье полмиллиона солдат. Через месяц Италия вместе с Англией и Францией осудила действия фюрера, а также безоговорочно поддержала независимость Австрии. Этот недолговечный союз получил название «Фронт Стреза» и был направлен исключительно против Германии. Однако, вступив в союз с демократическими западными странами, дуче тем самым в известной мере подорвал собственную безопасность на северной границе Италии. Для Муссолини же было крайне важно держать Гитлера в узде хотя бы потому, что он сам давно вынашивал планы отхватить себе кусок в Северной Африке.

В октябре 1935 года дуче предпринял жестокую и ничем не спровоцированную агрессию в Эфиопии, известную тогда под названием «Абиссиния». «Я должен был провести абиссинскую кампанию, — сказал дуче в частной бесе-

де. — Италии нужны новые колонии, итальянскому народу нужны новые земли. Италия стала для нас чересчур мала». Главный довод дуче был таков: если Англия и Франция уже прибрали к рукам огромные территории по всему миру, то почему Италия не может сделать то же самое? С согласия дуче генерал Пьетро Бадольо, отвечавший за эту операцию, использовал против жителей Эфиопии отравляющие вещества, с тем чтобы ускорить ход военной кампании.

Наглая агрессия Италии в Абиссинии расколола Европу на два лагеря. Гитлер пришел в восторг, а вот западные державы оказались в довольно двусмысленном положении. С одной стороны, они не хотели бы попустительствовать захватническим планам Муссолини в Африке, более того, были склонны его за это наказать, с другой — опасались резко отстраниться от итальянского диктатора, в котором вполне обоснованно видели свособразный противовес Гитлеру. В конце концов Англия и Франция решили предпринять против Италии санкции (через Лигу Наций), однако санкции далеко не самые жесткие. Увы, это компромиссное решение не только не спасло Эфиопии, но и подтолкнуло дуче к сближению с Гитлером.

* * *

Сближение это ускорилось в 1936 году. В начале этого года Гитлер утер западным державам нос тем, что ввел войска в Рейнскую область, которая до этого считалась демилитаризованной зоной. И хотя Англия и Франция навер-

няка могли бы легко ему воспрепятствовать (что отлично понимал и сам Гитлер), они не стали прибегать к силе.

В мае итальянская армия заняла столицу Эфиопии Аддис-Абебу, завершив таким образом покорение страны. Лига Наций признала поражение Эфиопии и отменила ранее наложенные санкции. Успешное завершение войны против Эфиопии резко прибавило Муссолини популярности среди итальянцев, которым было сказано, что теперь они гордые граждане Итальянской империи. За этой африканской победой к Муссолини пришла и другая, на личном фронте, в лице Клары Петаччи. Кстати, эта вторая победа оказалась куда более долговечной.

Кларе на тот момент было двадцать четыре года, иными словами, она была вдвое младше дуче. Их роман начался вскоре после эфиопской войны, хотя они были знакомы вот уже несколько лет. Что касается восхищения Клары перед дуче, то оно началось еще раньше. В детстве Клара держала под подушкой его фото. Хотя в эру фашизма у Муссолини не было недостатка в любовницах, отношения с Klarой отличались завидным постоянством. Эта зеленоглазая брюнетка захватила воображение итальянцев. Не удивительно, что про нее ходили самые разные слухи.

Еще одно важное событие состоялось в июне 1936 года, а именно назначение графа Галеаццо Чиано на пост министра иностранных дел. Тридцатитрехлетний Чиано, который до этого несколько лет работал в Министерстве по делам печати, был женат на любимой дочери Муссолини,

Эдде. Чиано не был откровенно глуп. По крайней мере в хитрости ему отказать нельзя, просто он был еще молод и полон легкомыслия — типичный любитель красивой жизни. Он в буквальном смысле боготворил дуче и разделял его мечты о великой Италии.

«По натуре это был бонвиван — восторженный, капризный, наделенный богатым воображением, ироничный и вместе с тем не лишенный сентиментальности, — вспоминал Дино Альфиери, дипломат фашистской Италии. — У него на все имелся готовый ответ, ему было не занимать остроумия. В Чиано были смешаны и частенько сталкивались между собой самые противоречивые качества». Как и Муссолини, Чиано был убежден, что западные державы слабы и находятся в стадии упадка. И хотя он из практических соображений не имел ничего против союза с немцами в отличие от дуче, немцы никогда не имели на него такого гипнотического воздействия, как на самого Муссолини.

В октябре 1936 года Чиано и Гитлер встретились для переговоров. Гитлер не скупился на похвалы в адрес дуче, называя его «ведущим политическим деятелем мира, с которым он сам мог сравнить себя лишь в самой отдаленной степени». Не уставал Гитлер и похваляться теми великими свершениями, которых он наверняка достигнет при условии, что Германия и Италия объединят силы. Фюрер мысленно уже перескраивал карту мира. Итальянскому министру иностранных дел он пояснил, что Германия претендует на Восточную Европу, в то время как дуче может рас-

ширить границы своей империи на все Средиземноморье и Северную Африку. Чиано не пришлось убеждать слишком долго. Он вернулся в Италию с мыслями о том, как они на пару с Муссолини без особого труда добьются от фюрера преимуществ для их страны.

Спустя несколько дней, а именно — 1 ноября 1936 года, выступая в Милане на Пьяцца дель Дуомо, дуче упомянул сближение Италии и Германии, употребив при этом метафору «ось». «Вертикальная линия между Германией и Италией — это не граница, а, скорее, ось, вокруг которой могут сплотиться для сотрудничества европейские страны, воодушевленные стремлением к миру и такому сотрудничеству».

В 1936 году Муссолини также начал довольно безответственно похвастаться «восемью миллионами шттыков», которыми якобы располагала Италия, — фраза, которую он впоследствии повторял не раз. Это заявление вводило в заблуждение относительно реальной численности итальянской армии, которую страна могла поставить под ружье в случае войны. На самом деле дуче в лучшем случае мог собрать полтора миллиона солдат, да и в целом Италия была не готова к крупному международному военному конфликту. Итальянские танки по всем стандартам были чересчур легки, авиация и артиллерия безнадежно устарели, а значительная часть солдат была вооружена допотопными винтовками образца девяностых годов предыдущего века, которые годились разве что для ковбоев с американского Дикого Запада, а не для современных сражений.

В сентябре 1937 года Муссолини посетил Гитлера по личному приглашению последнего. Дуче даже облачился в новую серо-голубую форму, сшитую специально по этому случаю. Нацисты не пожалели денег, дабы произвести впечатление на итальянского диктатора, причем главный упор делался на демонстрацию военной мощи Германии.

На Майском Поле (Майфельде) в Берлине рядом с олимпийским стадионом оба правителя произнесли речи, послушать которые собрались около миллиона человек (причем значительная часть присутствующих пропала инструктаж по поводу того, как следует выражать свое воодушевление). В своей речи Гитлер превознес Муссолини как «одного из великих одиночек в истории, к которым не применим исторический суд, потому что они сами творят историю своих стран». В ответ Муссолини дал судьбоносное обещание: «Когда вы находите себе друга, то вы должны пропагандировать с ним до самого конца».

Хотя в последующие годы Муссолини и продолжал заигрывать с Англией и Францией, визит в Германию произвел на него неизгладимое впечатление. Психологически он уже выбрал, чью сторону займет. «С этого момента Муссолини цеплялся за миф о непобедимости Германии, — пишет историк Денис Марк Смит, — и визит 1937 года определил всю его дальнейшую судьбу». Или, как выразился Ойген Долльман, «мания величия заразительна».

В марте 1938 года Германия аннексировала Австрию, и хотя Муссолини не раз клятвенно обещал, что встанет на

защиту своего северного соседа от нацистской оккупации, на этот раз он занял сторону агрессора. Гитлер не скрывал своего ликования по поводу того, что аншлюс не вызвал у Муссолини никаких возражений.

«В таком случае передайте Муссолини, — сказал Гитлер своего эмиссару в Риме, — что я всегда буду об этом помнить! Я никогда этого не забуду, никогда, что бы ни случилось!.. А как только австрийский вопрос будет решен, я буду готов пройти вместе с ним через самые тяжкие испытания, через что угодно! Передайте ему, что я от всего сердца благодарен ему. Никогда, повторяю, никогда я этого не забуду, что бы ни случилось. Если ему вдруг понадобится моя помощь, если ему будет грозить опасность, он может не сомневаться, что я в любой ситуации приду ему на помощь, даже в том случае, если против него объединится весь мир!»

Дуче благосклонно принял слова благодарности фюрера. А вот мнение итальянского народа, хотя и выраженное скорее шепотом, нежели во весь голос, вселяло гораздо меньший оптимизм. «Впервые после убийства Маттеотти, — писал биограф Муссолини Кристофер Гибберт, имея в виду скандал, который произошел в самом начале правления дуче, — итальянцами овладело разочарование. И хотя “ось” пережила аншлюс, этого нельзя сказать о популярности самого дуче. Помимо резкой смены политического курса, призванного ублажить малоприятного северного союзника, любой мало-мальски мыслящий наблюдатель

мог понять, какую опасность таит для Италии появление у ее северных границ сильной и воинственно настроенной Германии, расширившей свое жизненное пространство до Альп». (Эти опасности со всей очевидностью напомнили о себе летом 1943 года, когда Гитлер начал посылать в Италию свои войска через Австрию и перевал Бреннер.)

Гитлеру не терпелось заключить с Италией официальный союз, прежде чем предпринять свой следующий возмутительный и незаконный шаг — вторжение в Чехословакию. Однако Муссолини еще не был готов к подписанию официального соглашения. Однако в 1938 году он предпринял ряд шагов, направленных на укрепление связей между Италией и Германией. Так, он вынудил итальянцев принять нацистский шаг, который он сам называл *passo Romano*, то есть римским, и который продемонстрировал на публике. (В годы своей политической карьеры Муссолини всячески подчеркивал свою физическую силу, что можно видеть на его многочисленных официальных фотографиях. В отличие от него Гитлер всячески избегал любых физических упражнений, за исключением долгих пених прогулок, и по этой причине возникло ошибочное представление о том, что в 1938 году у него случился инфаркт.) (Впрочем, заимствования порой шли в обоих направлениях. Так, например, нацистский салют — выброшенная вперед рука — был скопирован с римского, который был в ходу у итальянских фашистов.)

Что также немаловажно, летом и осенью 1938 года Муссолини принял ряд антисемитских законов, которые затра-

гивали от 40 до 70 тысяч итальянских евреев. Муссолини уже успел подготовить почву для этого закона, когда дал указание прессе показывать евреев в нелицеприятном свете. Согласно новым ограничениям, евреев, будь то учителя или ученики, предполагалось изгнать из школ, очистить от них армию, запретить смешанные браки, а также наложить запрет на владение землей и ведение некоторых видов предпринимательской деятельности.

Нельзя сказать, что принятый дуче закон о расовой чистоте строго соблюдался повсеместно, однако он не мог не вызвать осуждения у итальянцев. Собственные воззрения Муссолини о расе весьма противоречивы и неоднозначны. Например, на протяжении многих лет диктатор сотрудничал с итальянскими евреями, многие из которых были фашистами и от всей души симпатизировали дуче. Известно и то, что сам он охотно заводил романы с еврейскими женщинами.

Более того, в начале тридцатых годов он презрительно отзывался о расовых теориях Гитлера, называя их бредом сумасшедшего. «У нас в Италии еврейский вопрос не стоит, — заметил он как-то раз. — Да, у нас есть евреи. Их немало состоит в фашистской партии, и они хорошие фашисты и хорошие итальянцы». Взгляды Гитлера по поводу расовой чистоты Муссолини тогда назвал «полной чушью», а само понятие антисемитизма казалось ему «глупым и варварским».

«Тридцать веков истории, — заявил дуче в своей публичной речи в сентябре 1934 года, — позволяют нам с со-

жалением смотреть на некоторые доктрины, которые проповедуются по ту сторону Альп потомками народа, которые сами были неграмотны в ту эпоху, когда у Рима были Цезарь, Вергилий и Август».

Независимо от того, каковы были взгляды самого дуче, он подошел к так называемому еврейскому вопросу с присущим ему оппортунизмом, который отличал все аспекты его политической деятельности. Иными словами, он старался лишней раз не затрагивать эту тему, а если делал это, то лишь тогда, когда это помогало нажить политический капитал. Например, к расовой риторике дуче прибегал для того, чтобы обелить себя в глазах мировой общественности и найти оправдание завоеванию африканских народов, например, эфиопов, либо в целях укрепления связей между Италией и ее новым союзником, Германией.

Однако к концу 1930-х годов Гитлер стал решающим фактором на международной арене. Более того, немецкий диктатор все чаще относился к дуче как к младшему партнеру. Уже тогда Муссолини начала понемногу коробить роль второй скрипки «оси». Он с горечью жаловался на то, что Гитлер не спрашивает его мнения и сообщает ему о планах Германии лишь в самый последний момент.

Лишь однажды за всю историю существования «оси», а именно — в сентябре 1938 года дуче было позволено нечто большее, нежели отведенная ему роль второй скрипки. Этим событием явилась печально знаменитая мюнхенская конференция с ее линией на «умиротворение агрессора»,

жертвой которой стала Чехословакия. Тогда западные державы и Муссолини отвели этой стране роль кости, которую они кинули Гитлеру в надежде на то, что этим удастся предотвратить более крупный вооруженный конфликт. Хотя дуче на первый взгляд и занимал центральное место в этом четырехстороннем саммите, во время которого он свободно общался с участниками на их родных языках, однако реальным дирижером квартета был, несомненно, Гитлер, ему же достались и самые главные плоды заключительного соглашения.

И все-таки для Муссолини это был момент торжества. В Италию он вернулся триумфатором, а по возвращении заявил, что его стараниями Европу удалось спасти от катастрофы. И, что самое главное, большая часть Европы с ним согласилась.

Убаюкав мир речами о близком мире и согласии, Гитлер, однако, вновь вернулся к своим планам будущей войны. Вскоре после мюнхенской конференции в Рим нагрянул военный министр рейха Риббентроп, который сообщил дуче и его зятю Галсаццо Чиано, что независимо от того, какие решения были приняты в Мюнхене, в ближайшие три-четыре года война неизбежна. Риббентроп хотел получить подпись Муссолини на трехстороннем соглашении — Германии, Италии и Японии — о военном сотрудничестве. На этот раз дуче не торопился ставить свою подпись. Примерив во время мюнхенской конференции на себя роль великой державы, Муссолини рассчитывал, разыгры-

вая мирную карту, добиться у Запада ряд дополнительных уступок. За несколько дней до прибытия в Рим Риббентропа Муссолини и Чиано позволили себе посмеяться над ним за его спиной.

«Он тщеславен, заносчив и большой любитель поговорить, — писал Чиано в своем дневнике. — Дуче говорит, что достаточно взглянуть на его голову, чтобы понять, какие крошечные у него мозги».

К 1939 году над Европой уже собирались зловещие грозовые тучи. В марте этого года Гитлер удивил Муссолини (да и весь мир) тем, что оккупировал то, что оставалось от Чехословакии, тем самым нарушив все положения мюнхенского договора. А ведь именно благодаря этому соглашению Муссолини смог примерить на себя тогу миротворца. Не удивительно, что вероломство Гитлера повергло его в шок, и он даже начал подумывать о том, а не занять ли ему сторону западных держав против Германии.

Испытывая зависть по поводу головокружительных успехов фюрера, Муссолини устроил себе собственную победу, напав в апреле 1939 года на крошечную Албанию. Собственно говоря, та уже и раньше была под итальянской пятой, что, по большому счету, лишало военное вторжение всякого смысла. Впрочем, Муссолини оно нужно было в первую очередь для того, чтобы потешить собственное «эго».

Весной 1939 года дуче не строил иллюзий относительно намерений Гитлера. Следующим шагом фюрера должно

было стать вторжением в Польшу. Понимал он и то, что этот шаг наверняка станет поводом к мировой войне, к которой Италия, по большому счету, была не готова. Муссолини не раз говорил немцам, что Италии не хватит военной мощи, чтобы противостоять в вооруженном конфликте Англии и Франции, особенно если этот конфликт затянется на несколько лет. Но Гитлер уже всю диктовал Муссолини свои условия, даже если сам не желал в том признаться. И дуче — вместо того чтобы дистанцироваться от Гитлера — поверил пустым заверениям Риббентропа, который в мае заверил итальянцев, что в ближайшие четыре-пять лет решающая битва между странами «оси» и Западом не произойдет.

Успокоенный подобным заверением, Муссолини согласился подписать официальное соглашение о военном союзе с Германией. (Король выразил свое неодобрение, однако дуче отменил все его опасения.) Этот договор, названный им Стаальным Пактом, Чиано подписал 22 мая в Берлине. (Первоначально Муссолини хотел назвать этот документ «Пактом Крови», но затем передумал.) В преамбуле к договору, в частности, говорилось: «Народы Германии и Италии настроены в будущем действовать бок о бок и совместными усилиями обеспечивать жизненное пространство и поддерживать мир». Выражение «жизненное пространство» было не чем иным, как эвфемизмом, означавшим захват чужих территорий.

Однако куда важнее было то, что, согласно этому документу, Италии надлежало в случае войны оказывать Герма-

нии помощь. (В случае войны пункт номер пять запрещал любой из сторон заключать перемирие без согласия второй стороны. Этот пункт стал крайне важен летом 1943 года.) Чтобы избежать двусмысленного толкования этого пункта, 30 мая дуче отправил Гитлеру секретный меморандум, в котором в очередной раз подчеркнул, что Италия может быть готова к войне не ранее 1943 года. «Италии требуется время на подготовку» — писал Муссолини, добавляя, что его страна «не хотела бы ускорить европейскую войну, хотя и убеждена, что такая война неизбежна».

Однако Гитлер спешил. Спустя всего три месяца он втянет Европу во Вторую мировую войну.

Стальной Пакт скрепил официальной печатью «ось» Рим—Берлин. И хотя это соглашение затрагивало судьбы миллионов итальянцев и немцев, сам этот союз базировался главным образом на личных отношениях между дуче и фюрером. Следует отметить и тот факт, что многие советники обоих диктаторов встретили это новое партнерство если не с откровенной враждебностью, то с полным равнодушием.

Впрочем, Гитлера с Муссолини их мнение не интересовало. Более того, оба диктатора нашли немало точек соприкосновения. Начать с того, что оба были самоучками, выходцами из социальных низов (отец Гитлера был мелким чиновником, отец Муссолини — кузнецом), которые собственными усилиями достигли вершин власти. Обоих в свое время недооценила оппозиция, оба искусно эксплу-

атировали накал политических страстей по окончании Первой мировой войны (во время которой оба служили в чине капрала), оба ловко играли на страхе своих сограждан перед коммунизмом, вступали в сделки с большим бизнесом, оба проповедовали национализм, в который сами искренне верили. Несмотря на публичные заявления о стремлении к миру, оба вынашивали планы агрессивной войны, стремились к росту своего могущества и престижа за счет покорения других наций. Кроме того, ни тот, ни другой ничего не смыслили в такой важной для любой страны вещи, как экономика.

Хотя и в различной степени, оба прибегали к насилию, если требовалось заткнуть рты потенциальным врагам или для достижения собственных политических целей. Нет, конечно, Муссолини никогда не совершал тех подлостей, какие позволяли себе Гитлер и Сталин, и редко доводил до конца свои угрозы, что было хорошо известно его недругам. «Лишь крайне редко, после 1943 года, — шепчет Паоло Монелли, итальянский историк, работавший в эпоху фашизма журналистом, — Муссолини позволял себе замашки тирана. Он был, скорее, бесчувственным, нежели откровенно жестоким; интриганом, нежели мерзавцем; циником нежели злодеем, и то лишь по отношению к тем, кого он записал в свои враги».

С другой стороны, хотя дуче и пытался дистанцироваться от преступных действий, совершавшихся от его имени, он отнюдь не был тем благодушным упрямым, каким рису-

ют его защитники. Несогласных с фашистским режимом избивали дубинками, заставляли пить касторовое масло либо отправляли в изгнание. Дуче открыто высказывался, что хотел бы видеть кое-кого из своих врагов мертвыми. И если его преступления меркнут на фоне тех зверств, какие творил его северный союзник, то это слабое утешение для тысяч итальянцев, евреев, эфиопов, греков, которые стали жертвами внутренней политики дуче либо развязанных им войн.

Оба диктатора отлично понимали ценность пропаганды. Оба внимательно прочли и высоко оценили книгу Гюстава Лебона «Психология народов и масс», в которой ее автор рассуждает о психологии толпы. И Муссолини, и Гитлер в своем стремлении к власти делали упор на ораторском искусстве. Оба были убеждены, что важным фактором успеха того или иного политического движения является харизматичность его лидера. Этот пункт подтвердил свою значимость летом 1943 года, когда в отсутствие дуче фашистская партия рухнула в одночасье. Можно даже поспорить с тем, что попытка Гитлера спасти своего низвергнутого союзника была частично продиктована его стремлением реанимировать то, что они оба считали воплощением абсолютной власти.

Совпадали даже некоторые эпизоды их жизни. Оба были почти одинакового роста — примерно метр шестьдесят Муссолини, Гитлер — на несколько сантиметров выше. Оба в последние годы жизни имели загадочные, возможно, вызванные сильным стрессом проблемы со здоровьем.

Муссолини большую часть своей взрослой жизни страдал от язвы двенадцатиперстной кишки, которая впервые дала о себе знать в 1925 году, однако резко его здоровье пошатнулось в 1942—1943 годах. Это резкое ухудшение здоровья не имело видимых причин и, скорее всего, объясняется крайним нервным напряжением.

Гитлер, который большую часть жизни отличался крепким здоровьем, начал сдавать в 1943 году, то есть тогда, когда война повернула вспять. Причиной дрожи в конечностях и легкой хромоты вполне мог быть все тот же стресс. Кстати, именно к этому объяснению склонялись большинство врачей. Не исключено также, что это были ранние симптомы болезни Паркинсона, которую медики тогда не смогли распознать.

У обоих диктаторов были длительные романы с женщинами намного младше их. Верной подругой Гитлера была Ева Браун, хотя их отношения оставались секретом для публики до самой смерти фюрера. Муссолини, который был женат и имел нескольких детей, имел бурный роман со взбалмошной Кларой Петаччи. Оба ушли из жизни вместе со своими подругами, причем и та, и другая приняли сознательное решение разделить судьбу своего любовника.

И Гитлер, и Муссолини были одиночками, чья жизнь заключалась в стремлении к личной власти и национальному величию — так, как они его понимали. За время пребывания у власти личности обоих диктаторов были в некотором роде утрачены, затемнены наглой пропагандой, которой они не гнушались в своем стремлении повелевать людьми.

Со временем Гитлер убедил себя, что он является воплощением немецкого государства, непогрешимым мессией, без которого Германии не достичь истинного величия. «Поддержанный талантливейшей и умелой пропагандой, — писал летом 1943 года Альберт Кессельринг, главнокомандующий немецкими войсками в Италии, — он действительно превратился в идола в глазах народных масс. Не удивительно, что постепенно он сам уверовал в свою уникальность и незаменимость; в то, что его судьба заключается в том, чтобы посвятить всего себя служению великой Германии и ее безопасности на все времена».

Примерно таким же образом Муссолини превозносили как современное воплощение римских цезарей. В глазах многих итальянцев он был всезнающим ученым-воином, который неустанно трудился на благо Италии, жертвуя ради столь высоких целей личным спокойствием и комфортом. (Известно, что Муссолини любил зажигать в кабинете свет, даже когда его самого там не было, чтобы создать впечатление непрестанной деятельности.)

Дуче любил подчеркнуть свою начитанность и образованность, значительно при этом их преувеличивая. Когда в 1925 году Римский университет присудил ему почетную степень в области права, он настоял на том, что напишет диссертацию, озаглавленную «Введение в Макиавелли». Как и в случае с Гитлером, красугольным камнем культа личности Муссолини была его личная непогрешимость.

Но даже когда с их личностей были сняты наслоения мифа — пусть даже и не до конца, — все равно оказалось на

удивление трудно обнаружить под искусно созданной маской полубога истинную человеческую суть. Оба любили произносить пространные речи о благе «народных масс», судьбами которых они единолично распоряжались, однако ни тот, ни другой не имели близких друзей, равно как и не демонстрировали желания таковых иметь. И тот, и другой, по сути дела, оставались для окружающих загадкой.

Даже такая, казалось бы, примитивная личность, как Гитлер, оставалась загадкой для тех, кто работал с ним. Генерал Альфред Йодль, один из ключевых советников Гитлера, выразил мнение многих из окружения Гитлера, когда высказался на эту тему уже после войны. «До сегодняшнего дня, — писал Йодль в марте 1946 года, за семь месяцев до своей казни в Нюрнберге, — мне неизвестно, что он думал, или знал, или чего хотел». Примерно ту же мысль мы находим у Риббентропа: «Это была на редкость замкнутая личность. Хотя миллионы людей обожали Адольфа Гитлера, это был очень одинокий человек. Мне ни разу не удалось вызвать его на откровенность, как, впрочем, и другим. Я не знаю никого, кто был бы с ним близок — за исключением разве что Геринга».

«Обладая знанием безумца о том, как возбудить толпу, — писала Элизабет Вискерманн, автор пространного труда, в котором сравниваются оба диктатора, — Гитлер сочетал в себе присущее безумцу — либо сверхчеловеческу — несомненно нормально общаться с другими людьми. Он либо гипнотизировал их, либо пугал, либо то и другое одновременно».

Замкнутость Муссолини тоже не была ни для кого секретом. «Никто его не понимает, — писал фашист Фернандо Меццасома, пытаясь объяснить парадоксальную натуру дуче. — Он поочередно бывает то наивен, то проникателен, то жесток, то кроток, то мстителен, то милосерден, то велик, то мелочен. Это, пожалуй, самый сложный и противоречивый человек из тех, кого мне довелось знать. Объяснить его невозможно».

Как-то раз сам Чиано был вынужден признать: «[Даже мне, кто, казалось бы, постоянно находится рядом с ним, подчас бывает трудно и порой невозможно, определить, что он на самом деле думает или чувствует». Итальянский диктатор честно признавался, что у него никогда не было близких друзей (причем в его глазах это было неоспоримой добродетелью). Возможно, он нарочно старался производить впечатление человека недоступного, замкнутого, будучи убежден в том, что великие люди не могут быть до конца поняты теми, кто интеллектуально ниже их.

Однако в отличие от закосневшего в своих убеждениях Гитлера, который на протяжении двух десятков лет с завидным постоянством воплощал в жизнь свои, пусть даже отталкивающие идеи, Муссолини был скорее подобен хамелеону и в зависимости от обстоятельств довольно легко менял мнение и союзников. Настоящий Муссолини, как полагает историк Денис Марк Смит, скрывался за чередой поз, ужимок и масок, многие из которых, однако, отража-

ют реальные черты его личности. Эта частая смена точек зрения не обязательно означает некую интеллектуальную ущербность, а скорее, то, что идеи имели для него второстепенную значимость. Похоже, он тогда менял мнение, если оно соответствовало какой-то новой ситуации или помогало ему делать политическую карьеру.

Связь между Гитлером и Муссолини, которую оба называли не иначе как «дружба», это еще одна загадка, которую не могли разгадать даже те, кто близко их знал. И хотя эти отношения с трудом поддаются объяснению, никто из тех, кто был близок к обоим диктаторам, не смог бы отрицать наличия между ними некоего взаимного притяжения, хотя порой и довольно противоречивого. Верно, Гитлер позволял себе колкости в адрес Муссолини за его спиной, когда в компании своих прихлебателей пародировал жесты дуче. Тот, в свою очередь, утверждал, что Гитлер пользовался руганями — с тем чтобы его щелки производили впечатление щелк живого человека.

И хотя Гитлер в целом был невысокого мнения об итальянцах, считая их ленивыми и недалекими людьми, его ближайшее окружение не раз становилось свидетелем проявлений его теплого отношения к Муссолини. Эта не поддающаяся объяснению преданность, которая, казалось, лишь возросла, когда в июле 1943 года дуче был низложен, оказалась тем более удивительна, если учесть смешанные чувства Муссолини по отношению к Гитлеру, а также сомнительную ценность Италии в качестве союзника по «оси».

До известной степени связь Гитлера и Муссолини коренилась в некой постанальгии и исторических прецедентах. В период так называемого Kampfzeit (времени борьбы) фашистская революция дуче произвела сильное впечатление на Гитлера. То были ранние годы его собственной борьбы за власть, когда перспективы политического успеха еще были весьма слабыми. Гитлер считал Муссолини политическим первопроходцем и в течение его восхождения к вершинам власти делал частые комментарии по поводу важности возглавляемого дуче движения. В некотором смысле Гитлер считал себя обязанным Муссолини.

«Было бы неразумно утверждать, будто события в Италии не оказали на нас влияния, — заметил он в одном из разговоров со своим ближайшим окружением в июле 1941 года. — Наверно, коричневая рубашка никогда бы не появилась, не будь до нее рубашки черной. Марш на Рим в 1922 году — одно из ключевых событий истории. Тот факт, что он имел место, более того, что он имел успех, подтолкнул к действиям и нас». По словам фюрера, восхождение Муссолини к вершинам власти было сродни «героическому эпосу». В другой раз Гитлер произнес следующее: «Всякий раз, когда я думаю об этом, у меня становится тепло на сердце».

То, что Муссолини одержал в Италии победу над коммунистами, также согревало Гитлеру душу. «Мы должны быть благодарны дуче за то, что он очистил Европу от этой заразы, — заявил Гитлер в 1941 году, вскоре после нача-

ла операции «Барбаросса», когда военная мощь Германии была брошена против Советской России. — Мы не имеем права забывать о той услуге, которую он оказал нам. Муссолини — крупномасштабная фигура. Место в истории ему уже уготовано». Дуче начинал свою политическую карьеру как социалист, хотя затем под давлением обстоятельств и отошел от социализма. Впрочем, Гитлер был готов простить ему это прегрешение.

В глазах фюрера Муссолини был своего рода экзотической птицей — мировым лидером его собственного уровня. Для Гитлера дуче был «тем единственным, с кем он мог говорить, как с равным, — пишет историк Денис Марк Смит, — и, возможно, по этой причине, тем едва ли не единственным человеком, к кому он питал симпатию». Иными словами, Гитлер воспринимал дуче как еще одного ницшеанского Сверхчеловека. «Довольно любопытно: Муссолини, обладавший гораздо более скромными ресурсами, был единственным, кого Гитлер считал равным себе, — пишет историк А.Дж. Тейлор, — и тем единственным, кого Гитлер воспринимал серьезно».

Гитлер с его тенденцией романтизировать классический мир полагал, что личность дуче — это своеобразный мост между посредственной современной Италией и бывшей славой Великого Рима. «Когда мы гуляли вместе с ним по садам виллы Боргезе, — признался как-то раз Гитлер кому-то из своего близкого окружения, — я сравнил его профиль с профилем римского бюста, и мне стало ясно, что передо мной

один из цезарей. Нет никакого сомнения в том, что Муссолини — наследник великих мужей древности». Что касается итальянского фашизма, то в глазах фюрера это было «спонтанное возвращение к традициям Древнего Рима».

Тем не менее в чувствах, которые фюрер питал по отношению к дуче, всегда присутствовал некий элемент воображения, который затмевал собой политический расчет и повергал окружающих в недоумение. «Фюрер просто обожает моего мужа, — заметила однажды Ракель Муссолини и была недалека от истины. — Когда он разговаривал о Бенито, будь то со своими сторонниками или сторонниками дуче, в его глаза блеснули слезы. Чиано заметил это во время разговора. Мой муж это тоже заметил. По его словам, фюрер был готов расплакаться, когда покидал Италию после своего визита в мае 1938 года». Порой эта странная слезливость Гитлера ставила в неловкое положение даже самого Муссолини. «Этот человек — невротик, — пожаловался дуче одному из своих министров во время встречи глав «оси» в 1941 году после очередной неудачной военной авантюры Италии. — Когда он сказал мне, что никто не разделяет моих страданий столь же глубоко, как и он, в его глазах блеснули слезы. По-моему, это явное преувеличение».

Тем не менее симпатии к Муссолини не мешали Гитлеру отдавать себе отчет в том, что для Германии союз с Италией скорее бремя, нежели выгода. «Государства “оси” должны понять очевидный факт, что они вынуждены тащить на себе Италию», — заявил Гитлер в мае 1943 года,

за несколько месяцев до низложения дуче. В последние месяцы жизни Гитлер даже проникся убеждением, что союз с Италией ускорил крушение Третьего рейха.

«Если оставить в стороне всякую сентиментальность и взглянуть на события трезво, — заметил он как-то раз в начале 1945 года, — то я должен признать, что мою непоколебимую дружбу с Италией и самим дуче следует отнести к моим ошибкам. Вполне очевидно, что союз с этой страной скорее сыграл на руку нашим врагам, а не нам. И он внесет свой вклад, если мы все-таки проиграем войну, в наше поражение. Моя привязанность к личности дуче не изменилась, но я жалю, что не прислушивался к разуму, когда сковал себя этой дорогой мне, но так много стоившей дружбой с Италией».

И тем не менее, несмотря ни на что, Гитлер отзывался о Муссолини с восхищением и теплотой, даже когда кинокамеры, снимавшие новости, и микрофоны были отключены. «Дуче — равен мне, — сказал Гитлер за несколько месяцев до его смерти. — Возможно даже, в чем-то он превосходит меня, особенно в своем стремлении действовать на благо своего народа».

* * *

Отношение Муссолини к Гитлеру было гораздо более сложным. Со временем оно претерпело изменения, отражая политические цели дуче и изменчивую судьбу обоих диктаторов. В начале 1930-х годов Муссолини, например,

не скрывал своего презрительного отношения к Гитлеру, считая его политическим выскочкой. Негативно относился он и к безумным расовым теориям фюрера. Вместе с тем дуче полагал, что сумеет использовать немецкого диктатора (равно как и его восхищение собой) в собственных целях, либо играя на страхах Запада перед Германией, либо заключив с Гитлером союз.

Со временем Муссолини проникся едва ли не благоговейным восхищением перед военной мощью Германии, равно как и перед неординарной личностью ее фюрера. Не удивительно, что дуче, который любил говорить, что в Италии слишком много гитаристов, зато слишком мало воинов, инстинктивно потянулся к силе, которая исходила от Гитлера.

«Ничто так не восхищало в Гитлере его итальянского союзника, как наличие у Германии мощной армии, — замечал Ойген Дольман, который как переводчик имел возможность не раз близко наблюдать обоих диктаторов. — Наверно, в этом и лежат фатальные истоки этой страшной дружбы, которая базировалась на фрейдистском сочетании любви и ненависти. Все, что имелось у фюрера — самолеты, танки, подводные лодки, бесчисленные дивизии, парашютисты, элитные части, — все это хотел бы иметь и дуче, несмотря на ограниченные ресурсы и полное отсутствие интереса и энтузиазма со стороны большей части итальянцев». Когда же разразилась Вторая мировая война, Муссолини не мог не завидовать военным успехам Гитлера — «тем единственным, которые он сам ценил и о которых мечтал», писал Чиано.

По словам супруги дуче, этот любовно-политический роман, который сам он был склонен рассматривать как «брак по расчету», вскоре начал давать свои горькие плоды. Как политическая фигура, Муссолини считал себя выше Гитлера, или, как выразился Чиано, «дьяконом диктаторов». Хотя дуче и был готов признать превосходство Германии в военной области, вместе с тем он полагал, что его опыт политического лидера Италии, равно как и его мнение, является бесценным залогом успеха германо-итальянского союза.

«Те, кто знал их обоих, — пиплет Денис Марк Смит, — включая немцев, единодушно заявляют, что, по их мнению, Муссолини как личность был куда более интересен — можно сказать даже, более умён — и, уж точно, менее отталкивающий, нежели Гитлер. Так что его самомнение до известной степени оправдано». (Долльман, например, признает, что находил Муссолини «более эрудированным, более человечным и более обаятельным из них двоих».)

Однако именно Гитлер диктовал политику стран «оси», точно так же как он диктовал протоколы многочисленных встреч между ним и дуче. «К нам никогда не относились, как к партнёру, скорее, как к рабам, — вспоминал Чиано. — Буквально каждый шаг предпринимался без нашего ведома. Даже самые фундаментальные решения доводились до нашего сведения уже после того, как были воплощены в жизнь». Дуче неизменно раздражало то, что Гитлер никогда не спрашивал его мнения по важным вопросам, ка-

сающихся стран «оси», более того, уведомлял Муссолини о своих планах лишь тогда, когда тот уже никак не мог на них повлиять.

«Гитлер демонстрировал удивительную верность Муссолини, — писал Алап Булок, специалист по Гитлеру. — Однако никогда не питал к нему доверия». Гитлер постоянно волновался, как бы Муссолини и Чиано, которого фюрер терпеть не мог, не сообщили о его планах врагам, что, впрочем, они иногда делали. В этом отношении Гитлер как-то раз позволил себе редкую шутку: «Любой меморандум, который я отправляю дуче, моментально попадет к англичанам. Поэтому я пишу в них лишь то, что полагается знать англичанам. Это был самый быстрый способ довести что-либо до их сведения». (Гитлер обвинял не лично Муссолини в этих утечках, а, скорее, близкое окружение дуче.)

Но даже когда стало ясно, что Гитлер, по словам того же Чиано, «втягивает нас в авантюру», у Муссолини не нашлось твердости, чтобы не дать себя в нее втянуть. В его симпатиях к Гитлеру было нечто иррациональное, чего никак не мог понять даже его собственный зять. «Дуче очарован Гитлером, — писал Чиано в своем дневнике в 1940 году, — и это восхищение затрагивает то, что является неотъемлемой частью его натуры: действие».

Это странное восхищение — гремучая смесь зависти, уважения и страха — помогает объяснить ту покорность, какую дуче демонстрировал в присутствии фюрера, покорность, которая тем более удивительна в свете того уваже-

ния, каким он сам пользовался у итальянцев. Будучи в своей стихии, Муссолини демонстрировал ту же силу, тот же магнетизм, что и Гитлер. Он с легкостью подавлял своих подчиненных. Не было секретом, что министры бегом пробегали расстояние в двадцать метров от дверей его кабинета, Sala del Maramondo, к его столу.

Согласно Монелли, дуче умел «наводить страх на окружающих, даже на самых смелых и уверенных в себе, причем самым удивительным образом. Люди приходили к нему в надежде поговорить с ним начистоту, в надежде, что он их выслушает, а все кончалось тем, что, столкнувшись с суровым выражением его лица, они могли, заикаясь, пролепетать лишь несколько слов. Обычно дуче принимал посетителей, сидя за письменным столом в своем огромном, полупустом кабинете в Палаццо Венеция. Любое мужество, даже имейся оно у того, кто входил под эти своды, мгновенно испарялось, пока он шел к столу в конце зала, ощущая на себе пристальный взгляд дуче».

Хотя Муссолини частенько расходился в мнениях с Гитлером по важным вопросам и нелюбезно отзывался о германском диктаторе за его спиной, ему ни разу не хватило мужества отстаивать свою точку зрения во время их личных встреч. Более того, во время них дуче, как правило, бывал удивительно немногословен.

«По мере того как итальянский диктатор все больше и больше нисходил до статуса гитлеровского вассала, — писал Пауль Шмидт, личный переводчик Гитлера, — он де-

лался все более молчаливым. Когда я мысленно оглядываюсь на эту постепенную перемену в его поведении во время их многочисленных личных бесед, я склонен думать, что Муссолини одним из первых понял, куда ведет избранный им путь, и, безусловно, в отличие от Гитлера задолго предвидел ту катастрофу, которая маячила перед ними обоими».

ГЛАВА 4

ОПАСНАЯ ИГРА

Хотя события в Италии и произвели на Гитлера глубокое впечатление, они ни в коем случае не вывели его из равновесия. Наоборот, его мозг уже лихорадочно работал, вырабатывая и формулируя новые решения.

*Йозеф Геббельс. Запись в дневнике от
27 июля 1943 года*

Хотя весь мир об этом не знал, переворот 25 июля подготовил подмостки для полного драматизма спектакля с участием Германии и Италии, хотя формально их союз оставался непоколебимым.

Когда вечером 25 июля известие о государственном перевороте в Италии достигло «Волчьего логова», Гитлер отреагировал на него бурно и яростно. Бадольо, новый глава правительства, тотчас попытался его успокоить, неоднократно подчеркнув, что Италия остается верна «оси», а Муссолини сложил с себя полномочия по собственному

желанию. Впрочем, Гитлер отказался его слушать. Он был уверен, что Бадольо ждет удобного момента, чтобы перейти на сторону врага. В своем штабе в Восточной Пруссии Гитлер вовсю поносил итальянцев, обвиняя их в вероломстве, и даже поклялся в течение нескольких дней, а то и часов отомстить новоявленному римскому правительству.

Одним быстрым импровизированным ударом он намеревался арестовать узурпаторов и восстановить у кормила власти низвергнутого диктатора еще до того, как правительство Италии сможет консолидировать свою власть над страной и распахнуть ворота перед врагом. Не секрет, что союзники, которые к этому моменту уже закрепились на Сицилии, говоря образно, давно точили свои копыта в Средиземноморском регионе, готовясь к высадке десанта на Апеннингах.

Хотя Гитлер, как друг и союзник Муссолини, воспринял переворот как личное оскорбление, под удар было поставлено не только его самолюбие, но нечто большее. Если случившееся в Риме произошло с ведома Рузвельта и Черчилля — а Гитлер в этом не сомневался, — то такой поворот событий представлял серьезную угрозу для Третьего рейха и требовал немедленных ответных действий. Согласно предполагаемому сценарию, который вселял в немцев ужас, вслед за свержением дуче с разрешения Бадольо должна была последовать высадка союзников на Апеннинском полуострове, по всей вероятности, в районе Генуи.

Англо-американский удар по северо-западной части Италии, примерно в 250 километрах к северу от Рима, ско-

рес всего, расколется полуостров на две части, что позволит союзникам быстро и почти без потерь взять контроль над страной. Это, в свою очередь, решит судьбу нескольких тысяч немецких солдат, дислоцированных на Сицилии и в южной Италии. Они будут отрезаны от линий тылового снабжения, а их арьергард поставлен под удар. Кроме того, это приблизит войну к границам Германии. Новая линия фронта в прямом смысле пройдет у самого порога Третьего рейха. Под угрозой окажутся такие стратегические пункты, как месторождения нефти и других полезных ископаемых на соседних Балканах. Более того, Гитлера и его командиров преследовал страх, что союзники воспользуются Италией в первую очередь в качестве трамплина для захвата Балкан.

Единственной силой, способной противостоять этой угрозе, была итальянская армия, однако, если Бадольо предпочтет сложить оружие перед врагом, ни единая душа не окажет англоамериканцам сопротивления. Что касается немецких частей, то в результате переворота они оказались в незавидном положении, не имея ни нужного количества живой силы, ни танков, чтобы успешно противостоять возможному натиску противника. 25 июля, в день свержения Муссолини, у немцев имелись в материковой части страны лишь три дивизии — 3-я танково-гренадерская в центральной части, в районе Рима, и две на юге. На Сицилии число немецких солдат достигало шестидесяти тысяч, однако в случае крупного морского десанта неприятелю не составит особого труда отрезать эти части от материка.

По этой причине Гитлер был склонен полагать, что переворот в Италии — это сигнал к началу гонки на выживание. По его словам, для того, чтобы разрушить планы Бадольо и союзников, Германии необходимо в срочном порядке организовать в Вечном городе контрпереворот, поскольку «союзники навсерьняка не станут терять понапрасну время и тотчас же нанесут удар». Задельствовав силу, чтобы вернуть к власти фашизм, Гитлер надеялся тем самым предотвратить капитуляцию Италии и ее неизбежные последствия. Найти дуче и вновь поставить его у руля власти — таковы были первоочередные задачи того момента.

Гитлер торопился, и эта спешка, которую невозможно было не почувствовать, была заразительна. Ею было наполнено все «Волчье логово», что отнюдь не прибавляло оптимизма гитлеровским высшим командирам. Среди них преобладало мнение, что обстановка в Италии в ближайшее время изменится самым радикальным образом — причем не известно, в какую сторону.

«Несмотря на заверения короля и Бадольо, — отметил 26 июля в своем дневнике Эрвин Роммель, — мы можем ожидать, что Италия выйдет из войны или же британцы попробуют осуществить высадку в северной части страны, в районе Генуи и Ливорно». В тот же самый день Мартин Борман отправил письмо супруге, в котором выражал свои опасения: «Случись так, что англичане высадятся уже сегодня, вся Италия тотчас свалится им в руки, а итальянцы повиснут у них на шее». Геббельс пророчествовал, что если

не предпринять решительных контрмер, например, немедленно не захватить Рим, то союзники нанесут удар уже в течение недели.

И тем не менее, словно бросая вызов логике событий, напряжение, которое последовало за внезапным исчезновением дуче, не было ничем нарушено в течение нескольких последующих дней. Июль подходил к концу, а обещанные Гитлером решительные действия так и не материализовались. Ни один немецкий танк не прогромычал гусеницами по разморенным от зноя площадям Вечного города, никакие силуэты парашютистов не нарушили голубизны итальянских небес.

Но и противники Гитлера тоже оказались на редкость нерасторопны. В конце месяца наспех сформированное правительство Бадольо так и не сдало Италии союзникам, как того поначалу опасался Гитлер. Хотя боевые действия на Сицилии продолжали идти полным ходом, а итальянские солдаты сражались бок о бок с немецкими (вероятно, даже не догадываясь о макиавеллиевских играх, что велись наверху), англо-американский экспедиционный корпус, предназначенный для высадки в материковой Италии, по-прежнему отсиживался на побережье Северной Африки.

Спустя неделю после переворота этот странный модуль вивенди, похоже, преобладал в отношениях между европейскими участниками «оси». И это несмотря на исчезновение дуче, чего никак нельзя было не заметить и чье местонахождение было предметом самых невероятных слухов и домыслов даже в ближайшем окружении Гитлера.

Чем же объясняется то спокойствие, что неожиданно снизошло на отношения между Германией и ее южным соседом? Хотя в тот период Гитлер и Бадольо, казалось, были готовы наброситься друг на друга, если хорошенько приглядеться к тому, что происходило за кулисами, то можно замстить ряд неожиданных осложнений, которые вынудили их отказаться от открытой демонстрации враждебности, хотя и не известно, на какое время.

* * *

«Когда я вернулся домой, меня тотчас же позвали к телефону. Звонили из штаба фюрера, — писал Геббельс в своем дневнике 26 июля, то есть на следующий день после персворота. — В известие, которое обрушилось на меня, верилось с трудом. Дуче сложил с себя власть, а его место на посту главы Италии занял Бадольо. Вся ситуация, было сказано мне, останея крайне непонятной. Те известия, которые мы получили, поступили по радио и передавались агентством «Рейтер». В штабе фюрера никто не мог сказать, что, собственно, произошло. Мне было лишь сказано, что я должен немедленно явиться к Гитлеру. Фюрер хотел бы оценить ситуацию с самыми близкими своими сотрудниками».

Эти настроения, упомянутые Геббельсом, а именно — неверие и растерянность в отношении событий 23 июля царили в штабе Гитлера еще несколько дней. Хотя ситуация в Италии ухудшалась на протяжении нескольких месяцев,

дворцовая революция, которую осуществил король Виктор Эммануил, была встречена с удивлением и ужасом высшими эшелонами нацистской иерархии, многие из них переоценивали способность дуче удерживать на плаву тонущий корабль итальянского фашизма. Что также немаловажно, кризис всколыхнул старые разногласия между Гитлером и его высшими командирами по поводу значения этого перелома и того, как на него должна реагировать Германия.

Серьезность ситуации отражают та поспешность, с какой нацистская верхушка получила приглашение явиться в «Волчьё логово», и то количество бесконечных совещаний, которые последовали за свержением итальянского диктатора. Среди нескольких десятков партийных бонз и начальников второго эшелона, что в это бурное время постоянно расхаживали по коридорам Ставки, были Йозеф Геббельс, глава люфтваффе Герман Геринг, маршал Роммель, который специально прилетел в Ставку из Греции, глава СС Генрих Гиммлер, министр иностранных дел Иоахим фон Риббентроп, у которого на тот момент, как назло, был грипп, и любимец Гитлера Альберт Шпеер, министр тяжелой промышленности.

«Всеми владело дурное настроение, — писал Рудольф Земмлер, помощник Геббельса, сопровождавший начальника в этой поездке. — Были приняты чрезвычайные меры предосторожности, усилена охрана. Диктатура учуяла для себя опасность».

Гитлер действительно учуял опасность и потому взялся за разрешение кризиса с завидной энергией. К тому моменту

ту, когда его подручные собрались в «Волчьем логове», он уже успел набросать четыре основных плана для нанесения по Италии ответного удара. Вместе взятые, они преследовали сразу несколько целей: силой свергнуть в Риме правительство Бадольо, вызволить дуче, восстановить его у кормила власти и обезопасить Южный фронт от наступления противника. Самую последнюю цель, которой никак не откажешь в важности, предполагалось достичь за счет оккупации Италии войсками вермахта, чтобы установить непрерывную линию обороны.

Два плана из четырех родились спонтанно, а именно: операция «Дуб», миссия по розыску и спасению Муссолини, и операция «Штудент» — вооруженный захват итальянской столицы и реставрация фашистского режима. Последний также предполагал арест короля Италии, Бадольо и ряда других ключевых фигур. (Гитлер намеревался оккупировать также и Ватикан, однако Гессельс и Риббентроп отговорили его от этого шага.)

Две другие операции были задуманы еще раньше — столь плачевны были отношения между странами «оси» — и теперь были просто пересмотрены в свете недавних событий. Одна из них, операция «Шварц», представляла собой не что иное, как план захвата Апеннинского полуострова. Операция «Ось», последняя из четырех, предполагала захват и уничтожение итальянского военного флота, лишь бы тот не попал в руки союзников и не был использован против Германии.

Само собой разумеется, что все четыре операции представляли собой нарушения условий паткового италио-германского союза, пусть даже он продолжал существовать лишь на бумаге. Однако контроль Бадольо над вооруженными силами страны мог поставить под удар лобой из предполагаемых маневров Германии. С другой стороны, рискованные ходы были для Гитлера не в новинку. В конце концов, разве не благодаря им он завоевал большую часть Европы? Даже если он не имел весомых подтверждений своим подозрениям, человек, чья армия подмяла под себя едва ли не весь континент, вряд ли бы стал предаваться бездействию, пока итальянцы за его спиной вели переговоры с врагом.

Разумеется, проблемы не заставили себя ждать. С одной стороны, исходившее от Гитлера требование немедленных действий тотчас натолкнулось на противодействие со стороны верхушки генералитета, которая ставила под сомнение саму возможность быстрых решений. «Вечером состоялось еще одно совещание у фюрера, — писал Геббельс в своем дневнике 27 июля, имея в виду очередную попытку сообща выработать оптимальное решение. — Он в очередной раз подчеркнул необходимость принятия безотлагательных мер против Италии или хотя бы против преступной римской камарильи». Однако, как не замедлил отметить гуру нацистской пропаганды, один из гитлеровских командиров не советовал пороть горячку. «Роммель полагает, что операция должна быть должным образом подготовлена, а все ее последствия тщательно просчитаны. Споры затянулись да-

леко за полночь. К сожалению, к единому решению так и не удалось прийти, поскольку число участников было слишком велико, около трех с половиной десятков человек».

* * *

Роммель оказался не одинок в своем мнении. Хотя такие фигуры, как Геббельс, Геринг и Риббентроп, заняли точку зрения фюрера, большинство генералов склонялись к тому, что для выполнения его грандиозных планов в Италии у Германии нет достаточного числа сухопутных войск. На этой довольно неопределенной стадии войны, когда немецкая армия столкнулась с наступательными действиями неприятеля как на Восточном фронте, так и на Сицилии, осторожные немецкие генералы не горели желанием ввязываться в авантюру в континентальной Италии. Кто поручится, что итальянская армия, объединив силы с враждебно настроенным населением, не сорвет всех планов Германии? В тот день эту точку зрения, например, высказал командующий флотом адмирал Дёниц. Он отстаивал ее, причем весьма жарко, еще на одном совещании.

«Если мы сейчас устраним итальянских лидеров, это может негативно сказаться на нас самих... если это делать, то нужно все хорошенько просчитать, — предостерегал Дёниц, скептически настроенный по отношению к плану Гитлера свергнуть новое итальянское правительство и восстановить фашистский режим. — Я сомневаюсь, что фашизм что-либо значит как для тех, кто выступает за продолжение

войны на нашей стороне, так и в целом для итальянцев. Вряд ли мы можем рассчитывать на то, что нам удастся навязать итальянцам свои условия... Все будет зависеть от того, насколько удачно будет выбран момент для действий против их нынешнего правительства».

Дёница мучили опасения. Ему казалось, что радикальные действия преждевременны. По его мнению, Гитлеру предпочтительнее сохранить союз с Италией на тот период, пока будет происходить наращивание численности немецких войск на территории страны. «Я полагаю, что время у нас еще есть и его можно использовать для укрепления наших позиций в Италии путем переброски туда еще нескольких наших дивизий».

Гитлер же был снедаем нетерпением. «Мы должны действовать немедленно, — заявил он Дёницу. — В противном случае англосаксы не замедлят нанести нам удар, например, оккупируют аэродромы. Фашистская партия на сегодняшний день пребывает в растерянности, однако, как только мы придем в Италию, воспрянет снова. Она одна-единственная сила, которая готова сражаться на нашей стороне. И потому мы должны ее восстановить. Все доводы в пользу осмотрительности несостоятельны, потому что в этом случае мы рискуем вообще потерять Италию, которая перейдет в руки к англосаксам». Фюрер высокомерно отмел все доводы адмирала, который советовал не спешить с ответным ударом. «Есть вещи, недоступные пониманию солдата, которые понятны лишь тому, в чьих руках политическая власть».

И все же, к великому раздражению Гитлера, и другие высокопоставленные чины, например, Кейтель, также высказали свои сомнения в целесообразности поспешных действий в рамках операции «Штудент» и предлагали постепенное усиление присутствия Германии на Апеннинском полуострове.

Еще больше оригинальных советов Гитлер получил от маршала Альберта Кессельринга, командующего немецкими войсками в Италии. Кессельринг, которого солдаты называли «улыбающийся Альберт», по натуре был оптимист, довольно редкое явление среди генералов. Кроме того, всем была известна его любовь к Италии. Кессельринг имел смелость предположить, что с Бадольо можно взять слово.

«Кессельринг полагает, что нынешнему итальянскому правительству можно доверять, — вспоминал Дёниц, — и поэтому он против всякого вмешательства в дела Италии с нашей стороны». В ответ на такое предложение Гитлер лишь мог закатыть глаза. «Кессельринг — неисправимый оптимист, — заявил фюрер парой месяцев ранее. — И мы, скажем так, должны воспринимать этот оптимизм с осторожностью, чтобы он не упустил того момента, когда на место оптимизму должна прийти суровость». По мнению Гитлера, вера Кессельринга в порядочность итальянцев была не чем иным, как невероятной и недопустимо опасной наивностью. Гитлер был неприятно поражен, узнав, что большая часть немецких дипломатов в Риме также были склонны доверять заверениям Бадольо в верности союзу с Германией.

Бесконечные дебаты, что велись в «Волчьем логове» несколько дней после переворота в Риме, сводились к решению одного-единственного вопроса: должна ли Германия на свой страх и риск немедленно предпринять решительные действия против нового правительства Италии, например, ввести в столицу войска и восстановить у власти фашистов, либо занять более осмотрительную, «поживем — увидим» — позицию? Первый вариант, если его успешно воплотить в жизнь, служил залогом того, что итальянцы не перебегут на сторону врага, что, впрочем, само по себе еще не давало никаких гарантий успеха. С другой стороны, если не торопиться, это давало время усилить немецкое присутствие на Апеннинах, что, в свою очередь, увеличивало шансы Гитлера на успех в случае, если Германии придется противостоять объединенным силам Италии и союзников, причем в не столь отдаленном будущем.

Помимо сомнений и тревог в том, что касалось положения на фронтах, у Гитлера имелись и другие причины противодействовать итальянскому перевороту, некоторые вполне очевидные, другие — не очень. Во-первых, переворот представлял для Германии серьезную проблему в том, что касалось его освещения в прессе. Потеря союзника на данном этапе войны могла отрицательно сказаться на общем состоянии немецкого духа. На главного агитатора и пропагандиста рейха Йозефа Геббельса легла непростая задача преподнести озадаченным немцам итальянский переворот в удобоваримом свете. Не зная, что еще предпри-

нять, он решил просто опубликовать сообщение об отставке Муссолини без каких-либо даже смутных намек на то, какой переполох она вызвала в «Волчьем логове».

Тем не менее круги пошли гораздо дальше, нежели границы рейха. Гитлер опасался, что измена Италии может подтолкнуть к тому же и других союзников Германии, таких, как Румыния и Венгрия. Осмелев, они поспешат прыгнуть с тонущего корабля стран «оси», чем еще больше ослабят способность рейха вести войну и лишат его доступа к месторождениям полезных ископаемых. «Если Италия рухнет, — писал Мартин Борман в письме супруге 23 июля, то есть за два дня до переворота, — это наверняка будет иметь последствия среди венгров, которые сами по себе вероломны, хорватов, румын и прочих».

Еще более злобещей была вероятность того, что итальянский переворот станет искушением для заговорщиков внутри самой Германии. (Сам того не зная, Гитлер счастливо избежал покушения на свою жизнь, запланированного заговорщиками на март 1943 года. Один немецкий генерал вместе со своими сообщниками спрятал бомбу с часовым механизмом на самолете, на котором фюрер вылетел из Смоленска в «Волчье логово». Бомба не взорвалась, и покушение не состоялось.) Переворот, отмечал Геббельс, «может вселить в некоторые преступные элементы в Германии уверенность в том, что они способны осуществить то же самое, что и Бадольо и его приспешники в Риме. Фюрер приказал Гиммлеру предпринять самые жесткие полицей-

ские меры в случае, если подобного рода угроза появится и у нас».

Было также очевидно, что у Гитлера имелись и личные мотивы спасти Муссолини и вновь поставить его у кормила власти или по крайней мере того, что он не останется. В 1938 году Гитлер дал в отношении дуче напыщенное обещание: «Если ему вдруг понадобится моя помощь или он окажется в опасности, то может быть уверен, что я не брошу его в беде, что бы ни случилось, даже если против него объединится весь мир». И вот теперь, летом 1943 года Гитлер был полон решимости сдержать свою клятву, хотя, по всей вероятности, у него имелись для этого гораздо более эгоистичные мотивы.

* * *

К несчастью для фюрера, с практической точки зрения имелся ряд факторов, которые, казалось бы, противодействовали поспешным решениям в отношении Италии. Как предполагали Дёниц и другие восначальники, успех авантюрного плана Гитлера повернуть назад стрелки римских часов во многом зависел от жизнеспособности фашистской партии. Без ее активной помощи любое грубое вторжение в итальянскую политику со стороны растерявших популярность нацистов могло спровоцировать волнения среди итальянцев и в итальянской армии. Гитлер судорожно пытался обнаружить в остатках обезглавленного режима хотя бы самые малые признаки жизнеспособности.

То, что он обнаружил, повергло его в уныние. Лишившись дуче, фашистская партия развалилась буквально на глазах. Более того, 27 июля кабинет Бадольо принял решение о ее роспуске. Гитлер отказывался понять, как политическая сила, которая на протяжении двух десятков лет доминировала в политической системе страны, могла в одночасье испариться. Тем не менее поступавшие из Рима известия не оставляли сомнений: фашизм в Италии доживал свои последние дни. Фашистский режим рухнул, и, похоже, навсегда.

Телеграммы от посла Макензена с места событий были подобны отчетам судебного коронера. 26 июля он пересекся с Дино Альфиери, занимавшим до переворота пост итальянского посла в Берлине, и тот сообщил ему, что фашистская партия «тихо сошла с политической сцены». (В конце концов Альфиери бежал в Швейцарию.) На следующий день Макензен предложил свое видение дальнейшего развития событий. «Фашистская партия, как показали события, рухнула вместе с Муссолини. Большинство фашистского руководства нанесло дуче смертельный удар и тем самым, само того не подозревая, совершило политическое самоубийство». (Макензен имел в виду заседание Большого фашистского совета, которое состоялось 24—25 июля, на котором Муссолини был вынесен вотум недоверия. Тем самым итальянские фашисты подготовили почву для переворота, который был осуществлен королем Италии при поддержке военных.)

Тем не менее Гитлера столь печальные известия, похоже, не смутили. «В полдень у меня состоялся длительный разговор с фюрером, — 28 июля писал в своем дневнике Геббельс. — Он полон решимости действовать, независимо какой ценой, возможно, путем умной импровизации, нежели на основе продуманного плана, который бы начал осуществляться с опозданием, а за это время положение в Италии только упрочилось бы... Сегодня он по-прежнему тешит себя иллюзиями относительно дуче и восстановления у власти фашистов».

Воистину это были иллюзии. Таинственное исчезновение Муссолини снова внесло диссонанс в планы Гитлера. Безусловно, дуче был ключевой фигурой, если фюрер задался целью реанимировать итальянский фашизм. Только вокруг него можно было сплотить партию и народ в целом — по крайней мере теоретически. Тем не менее немцы понятия не имели, где сейчас находится Муссолини и что, собственно, произошло 25 июля. Неужели ослабевший диктатор добровольно сложил с себя бремя власти? Или же его, как был склонен думать Гитлер, силой отстранили от управления страной? Германская разведка оказалась неспособна дать однозначные ответы на эти вопросы.

В том, что касалось дуче, итальянцы предпочитали водить нацистов за нос. Так, например, Кессельринг уже предпринял попытку выяснить местонахождение Муссолини. В понедельник, 26 июля, то есть на следующий день после переворота, он по отдельности встретился с Бадольо

и с королем, но так и не смог ничего узнать. Бадольо сказал ему, что Муссолини ради его же собственной безопасности находится под стражей, однако не сказал, где именно, добавив, что информацией располагает только король, и никто другой. Король, в свою очередь, изобразил полную несведомленность в том, что касалось местонахождения дуче, и предложил Кессельрингу обратиться за помощью к Бадольо.

Поскольку на тот момент союз между Германией и Италией формально продолжал существовать, Гитлер пытался прозондировать новое руководство Италии на предмет дальнейшей судьбы свергнутого диктатора. Удобный случай вскоре представился сам: день рождения Муссолини. Посол Макензен попросил аудиенции у короля. Встреча состоялась в Риме 29 июля. В этот день дуче исполнилось шестьдесят лет. Заготовив на всякий случай всжливое объяснение, нервничающий монарх в целом неплохо приготовился к мягкому допросу.

Когда Макензен задал ему вопрос, почему Муссолини не поставил Гитлера в известность о своем намерении уйти в отставку, Виктор Эммануил ответил, что это упущение, по всей видимости, объясняется, «нервным состоянием» дуче. Сказав такие слова, король пустился в пространные рассуждения о Цезаре двадцатого века, преданном собственными друзьями. Мол, вынеся Муссолини на заседании 24—25 июля вотум недоверия Большой фашистский совет, товарищи по партии нанесли дуче удар в самое сердце как

человеку и как лидеру страны, в результате чего он утратил волю к власти.

«В продолжительной беседе, которая прошла в теплой, доверительной обстановке, как и многие другие в течение этих двадцати лет, — поведал король Макензену, имея в виду свою встречу с Муссолини, которая состоялась 25 июля на вилле «Спавия», — он произвел на меня впечатление человека, оскорбленного до глубины души, который вынужден признать уму непостижимый факт: его отвергли “лучшие люди” партии. В тот момент дуче был примерно в том же положении, в котором оказался бы фюрер, случись так, что от него неожиданно отвернулись бы такие фигуры, как рейхсмаршал Геринг или доктор Геббельс. Дуче был сломлен предательством собственной партии».

Рассказ короля был выдумкой чистейшей воды, и все же доверчивый Макензен не имел видимых оснований ему не доверять. Когда посол спросил его, Виктор Эммануил отказался раскрыть секрет, где сейчас находится дуче, ограничившись лишь словами о том, что для его охраны приняты соответствующие меры. Впрочем, Макензен ответил уловкой на уловку. Воспользовавшись датой, немецкий посол хитро предложил лично преподнести дуче по поводу его юбилея подарок от Гитлера. Король отверг это предложение, однако сказал Макензену, что готов принять подарок от имени Муссолини, после чего проследит за тем, чтобы тот был ему передан.

Чтобы еще больше сбить немцев с толку, Бадольо вручил им копию письма, якобы вышедшего из-под пера само-

го дуче. Разумеется, немецкая сторона не могла сказать, что это, оригинал или подделка, однако уважительный тон, похоже, подтверждал слова короля о том, что Муссолини сложил с себя власть по собственной воле. Письмо было адресовано Бадольо и датировано 26 июля 1943 года, то есть днем позже переворота. В нем, в частности, говорилось: «Я бы хотел поблагодарить маршала Бадольо за его внимание к моей персоне... Хочу заверить маршала Бадольо в том, что я не только не желаю создавать для него никаких трудностей, но и готов всячески с ним сотрудничать».

Как отмечал Геббельс, это послание было на удивление мирным и вежливым. «Решающая вещь, — писал он в своем дневнике, — заключается в том, намерен ли фашизм или сам дуче предпринять в сложившейся ситуации хотя бы что-то... Невозможно с уверенностью сказать, подлинное это письмо или же фальшивка. Если подлинное, то это красноречивое подтверждение того, что у дуче нет никаких намерений вмешиваться в ход событий». Однако «если осуществленный Германией переворот породит совершенно новые обстоятельства, то дуче наверняка будет готов к активным действиям». По крайней мере немцам хотелось в это верить.

* * *

После того, как было сказано все, что требовалось сказать, после лихорадочных совещаний и напыщенных заявлений Гитлер так и не решился войти в Рим и свергнуть

правительство Бадольо. В самый последний момент фюрер пошел на попятную.

Причин для этого было много. Коллапс фашистской партии, неизвестное местонахождение дуче, недостаточное немецкое военное присутствие в Италии — все это остудило пыл фюрера. Нет, конечно, это еще не значит, что он резко изменил свое мнение или же ему изменила решительность. Нет, скорее, он отложил обещанный штурм Рима лишь затем, чтобы выиграть время. (По сути дела, Гитлер отсрочил все четыре главных плана действий по Италии. За исключением начальной фазы операции «Дуб», состоявшей в поиске местонахождения Муссолини. Подготовку трех других операций было разрешено продолжить. Гитлер решил хотя бы на время позволить немецким войскам, воевавшим на Сицилии, остаться на острове.)

Гитлер воспользуется этой мирной интерлюдией с тем, чтобы выяснить местонахождение дуче и попытаться его вызволить, а если получится, то вновь сплотить вокруг него остатки фашистской партии. Кроме того, дополнительное время было ему нужно и для переброски в северную Италию как можно большего количества немецких войск на тот случай, если отношения с бывшим партнером окончательно испортятся. Если же у Бадольо возникнут на этот счет вопросы, то можно будет сказать, что это подкрепление на случай возможных наступательных действий со стороны противника. А чтобы воплотить эти планы в жизнь и собрать необходимые силы, необходимо было перебросить

в Италию немецкие части с других фронтов, например, из Франции, а также, несмотря на всю его стратегическую значимость, с Восточного фронта. Эта новая ударная сила, получившая название Группа армий «Б», была поставлена под командование Роммеля, одного из фаворитов фюрера. (Создание Группы армий «Б» означало, что командование немецкими войсками в Италии поделили между Кессельрингом и Роммелем. Кессельринг командовал войсками в центральной и южной Италии. Роммель сохранил контроль над дивизиями Группы армий «Б», которые дислоцировались на севере страны.)

Такая гибкая стратегия давала Гитлеру свободу политического маневра. Он также надеялся, что появление в Италии Группы армий «Б» запугает режим Бадольо и правительство Италии откажется от планов капитуляции, если таковые у него имеются. Но даже такой подход при всей его осмотрительности — если сравнивать его с нанесением немедленного удара по итальянцам — был сопряжен с извешным риском. Немаловажно то, что никто в Германии не знал, как Бадольо, в чьих руках находился контроль над вооруженными силами Италии, отреагирует на появление на севере страны незваных гостей из-за Альп, даже если эти гости со всей их мощной военной техникой и попытаются обрядиться в одежды друзей.

«Несомненно, что этот кризис был создан на деньги англичан и американцев, — 27 июля писал Геббельс в своем дневнике, выражая первоначальные опасения фюрера

о том, что итальянский переворот был согласован с англосаксами. — Фюрер твердо убежден, что Бадольо, прежде чем предпринять решительные шаги, уже вступил в переговоры с врагом, англичане наверняка попытаются высадиться при первом же удобном случае, возможно, в районе Генуи, с тем чтобы отрезать немецкие войска, дислоцированные в южной Италии».

Это были вполне разумные предположения, и они не могли не вселять тревогу в нацистскую верхушку. К счастью для немцев, в них не было ни грана правды. (Итальянский переворот застиг союзников врасплох так же, как и Гитлера.)

Дуче сошел со сцены, и бремя ответственности за судьбу Италии неожиданно легло на плечи семидесятисемилетнего Виктора Эммануила III и его послушного *Caro del Governo*, маршала Пьетро Бадольо. Хотя король занимал трон вот уже более сорока лет, в последние два десятилетия фашистского режима он уступил пальму первенства своему более харизматичному партнеру Муссолини и, когда дело дошло до того, чтобы употребить власть, проявил себя не самым лучшим образом.

Король давно снискал себе репутацию человека, склонного осторожничать (по мнению некоторых, даже тогда, когда в том не было необходимости) и без надобности не раскрывать карты. Еще у него также имелась малоприятная привычка давать собеседнику возможность изложить свой взгляд на те или иные вещи, не высказывая при этом

собственного мнения до тех пор, пока для того якобы не наступал пужный момент. Нелобовь короля к репнительным действиям заставила Галеаццо Чиано как-то раз написать следующее: «Король в большей степени Гамлет, нежели сам Гамлет».

В свои семьдесят два года Бадольо имел за плечами долгую карьеру солдата, однако не имел ровным счетом никакого опыта как политик. В 1936 году как бывший глава Верховного командования он привел итальянцев к жестокой победе в Эфиопии, снискав себе тем самым славу национального героя. С равным успехом, говорили циники, за годы фашизма маршал сумел сколотить себе скромное состояние.

Его звезда начала клониться к закату в 1940 году, когда вторжение Муссолини в Грецию обернулось катастрофой и диктатор в припадке гнева сместил Бадольо с занимаемого поста. Тем самым маршал превратился в стороннего наблюдателя того, как страна катится в пропасть. Утешение по этому поводу он искал в вине, говорят, будто он каждый день выпивал бутылку шампанского, убивая время за карточным столом или в дремоте. Несмотря на все свое честолюбие и жажду власти, Бадольо оказывал королю знаки уважения и воздерживался от репнительных действий, не заручившись предварительно монаршим согласием.

Оказавшись в одной упряжке, оба в полной мере проявили присущую каждому нерешительность. Хотя оба страстно мечтали о том, чтобы как можно скорее вырваться

из железных объятий «оси», ни тот, ни другой не смогли выработать четкую стратегию, как быстро и с минимальными потерями выйти из войны. Хорошо это или плохо, но до переворота ни король, ни Бадольо не предпринимали серьезных попыток тайком сдать свою страну союзникам и скоординировать свои военные планы с генералом Дуайтом Эйзенхауэром.

Ответственность за упущение целиком и полностью возлагать на них нельзя. Истины ради следует сказать, что они еще при дуче пытались выйти на контакт с Западом, однако, как выяснилось, западные державы были не заинтересованы в перемирии со страной «оси». «Безоговорочная капитуляция» — таковы были условия. И хотя ни та, ни другая сторона толком не знали, что значит эта зловещая фраза, король и Бадольо не спешили принять столь жесткие и унижительные условия.

Даже когда арестовали Муссолини, новый итальянский режим не торопился идти на контакт с союзниками, а предпочел прозондировать ситуацию на предмет сепаратного мира. Причиной тому — надежда, что они еще смогут договориться с Гитлером и выйти из войны, не навлекая на себя карательных мер со стороны немцев.

«Среди итальянцев распространено мнение, что Германия позволит их стране выйти из войны и занять нейтральную позицию, — вспоминал Фридрих фон Плеве, работавший в дипломатической миссии Германии в Риме, — а также, что будет подписано соглашение о выводе немец-

ких войск с территории Италии». Дуче, который понимал Гитлера лучше других своих соотечественников, никогда не предавался столь наивным фантазиям, что в известной степени объясняет его бездействие в течение нескольких месяцев, предшествовавших его свержению.

В отличие от него король и Бадольо тешили себя несбыточными надеждами или по крайней мере полагали, что это следует делать. К концу июля Бадольо вступил в контакт с Гитлером и предложил встречу на высшем уровне между фюрером и королем. «Я был убежден, — вспоминал Бадольо, — что немецкое правительство следует поставить в известность о том, что Италия хочет мира. Это был тот самый шаг, который Муссолини так и не осмелился сделать в Фельтре 19 июля. И хотя не похоже, что немецкая сторона на него согласится, я тем не менее хотел бы сказать ей, что мы не можем продолжать войну».

Итальянцы хотели бы, чтобы такая встреча произошла на их земле, вполне обоснованно опасаясь, что стоит им вступить на германскую землю, как их тотчас же закуют в наручники. Однако Гитлер, который на протяжении всей предыдущей недели пытался дать выход своей ярости по поводу вероломства союзника, с ходу отменил любую возможность оказаться за столом переговоров с теми, кто сверг дуче.

Если первая реакция фюрера на свержение дуче была крайне резкой, то же самое можно сказать и про союзников. И тот факт, что новый режим публично поклялся в

верности «оси», только подлил масла в огонь. Это становится предельно ясно из речи, произнесенной Уинстоном Черчиллем.

«Решение итальянского правительства и народа остаться под германским игом, — заявил Черчилль, выступая 27 июля перед Палатой общин, — никак не влияет на общий ход войны... Единственным следствием может быть лишь то, что в течение ближайших месяцев Италия будет вся в шрамах и дыме пожарищ от одного конца страны до другого. Мы не станем мешать итальянцам, если можно так выразиться, немного повариться в собственном соку и развести пламя в печи до таких размеров, чтобы это ускорило процесс капитуляции».

Кулинарные сравнения вряд ли вдохновили итальянцев, которые в своем стремлении ублажить нацистов внесли смятение в умы союзников. (Бескомпромиссный подход западных стран, бросавший тень сомнения на сотрудничество между англосаксами и итальянцами, был одной из причин, по которым Гитлер решил прибегнуть к вторжению в Италию. Без помощи других государств Италия не представляла для немцев серьезной угрозы.)

По этой причине к середине недели Италия поставила себя в неловкое, если не откровенно опасное положение. С одной стороны, она навлекла на себя гнев Гитлера, с другой — столкнулась с равнодушием со стороны западных держав. Неожиданно король и Бадолье поняли, что оказались в изоляции. С предельной очевидностью было ясно, что их

переговоры с Германией затянутся на несколько месяцев, и это при том, что ждать поддержки со стороны Запада не приходится. Что еще хуже, единственный итальянец, который умел находить с фюрером общий язык — Муссолини, — был удален с политической сцены их же собственными руками.

Впрочем, были и такие вещи, за которые итальянский дуумвират должен был быть благодарен судьбе. переворот прошел гладко, дуче удалось упрятать с глаз подальше, а большая часть фашистских лидеров либо сидели за решеткой, либо вели себя тихо и покорно. Более того, многие десятки бывших членов фашистской партии писали Бадольо покаянные письма в надежде завоевать его благосклонность.

«Король нанес решительный удар по их вождю, — вспоминал Бадольо, — и их партия рухнула в одночасье, без всякого сопротивления. 26 июля вы не встретили бы в Риме ни единого человека с фашистским значком на груди. Фашизм пал, как гнилая груша». Не менее важно и то, что смена правительства представлялась благословением для итальянского народа. В глазах немалого числа итальянцев Муссолини и его приспешники были главным источником всех несчастий, свалившихся на их страну.

И тем не менее такой успех настораживал. Слишком легко и быстро король и Бадольо добились поставленных целей. Как и Гитлеру, им плохо верилось в то, что фашистская партия, насчитывавшая в своих рядах 4 миллиона человек, сдалась без всякого сопротивления. Бадольо, который на всякий случай ввел в стране сразу после переворота

военное положение, постоянно опасался возможных попыток вернуть фашизм — либо путем фашистского контрпереворота, либо путем интервенции со стороны немецкой армии, либо тем и другим одновременно. К концу июля эти опасения лишь усилились, когда итальянцам стало известно, что к северным границам Италии стягиваются части вермахта — та самая Группа армий «Б» под командованием Роммеля. Напряжение достигло таких масштабов, что 28 июля король приготовился покинуть Рим.

Увы, под удар была поставлена не только безопасность короля. Было ясно, что союзники, которые уже закрепились на Сицилии, и Германия, чьи войска вот-вот вторгнутся в северную Италию, в ближайшем будущем столкнутся лоб в лоб, и не где-нибудь, а на территории Италии, и это столкновение станет катастрофой для итальянского сапога.

Избежать такого развития событий было для короля да и всех итальянцев задачей номер один, а для этого следовало держать хотя бы одного из противников как можно дальше от своих границ. союзников, которых вскоре встретят как освободителей, остановить было невозможно. Поэтому единственное, что оставалось, это попытаться не допустить вторжения в северную Италию немецкой пехоты и танков, которые Гитлер намеревался перебросить через Альпы. Достичь этого можно было двумя способами — путем дипломатических переговоров или силой. Впрочем, если вспомнить воинственное настроение фюрера, первый путь вряд ли представлялся возможным.

Однако в критические дни сразу после переворота король и Бадольо не сделали ничего для того, чтобы сорвать вторжение в Италию частей Группы армий «Б». Кое-кто из генералов Бадольо советовал ему однозначно заявить о разрыве с Германией, тем более что для того, чтобы закрепить на севере страны, немецкой армии требовалось время. Осторожный маршал и не менее осторожный король даже не стали рассматривать такую возможность. Более того, оба делали все для того, чтобы избежать любых действий, способных спровоцировать немцев, предпочитая поддерживать выгодную, как им обоим казалось, неопределенность в отношениях с партнером по «оси». Раздавая заверения в верности, они надеялись прийти к соглашению с Гитлером, а если не смогут, это позволит рассчитывать на военную помощь Запада.

Позднее Бадольо заявил в самооправдание следующее: мол, летом 1943 года итальянская армия была слишком слаба и деморализована, чтобы успешно противостоять немцам. Заявление, не лишённое истины. Даже при самых благоприятных условиях итальянские вооруженные силы не шли ни в какое сравнение с вооруженными до зубов частями вермахта, которые превосходили их по части боевой подготовки, вооружений и боевого командования. Не способствовало успеху и то, что значительная часть итальянских подразделений были дислоцированы во Франции и на Балканах.

Трудно предположить, что было бы, рискуя Бадольо оказать Гитлеру вооруженное сопротивление. Однако одно

можно утверждать с большой долей вероятности. Его бездействие позволило нацистам взять под свой контроль ключевые альпийские перевалы — горные ворота в северную Италию — и использовать их для переброски на полуостров своих армий, как то имело место в августе и последующие месяцы.

* * *

Получив от Гитлера отказ, король и Бадольо в конце июля решили предпринять пробные шаги по сближению с англо-американцами. Новый министр иностранных дел, Рафаэле Гварилья, сменивший на этом посту Чиано, был опытным дипломатом. Он прибыл в Рим 29 июля из Турции, где до этого момента находился в качестве посла, и взял в свои руки инициативу по сближению с бывшими противниками. Уже на следующий день он отправился в Ватикан, где встретился с британским посланником при Святом престоле, сэром д'Арси Осборном. (Как независимое государственное образование Ватикан имел собственный дипломатический корпус.) Осборн отнесся к позиции Гварильи с сочувствием, однако ответил, что ничем не может ему помочь, поскольку его шифры безнадежно устарели.

«Британский посол, — вспоминал позднее Бадольо, — поставил нас в известность о том, что, к сожалению, секретные шифры, которыми он располагал, устарели и наверняка известны немцам, и потому он не советует нам пользоваться ими для того, чтобы связаться с его прави-

тельством. Американский представитель сказал, что у него вообще нет никаких пифров».

Тогда это вряд ли было понятно, но этот случай стал для итальянцев своего рода дурным знаменем: в ближайшие недели Италию ждали мучительные и противоречивые переговоры.

В июле 1943 года европейские страны «оси» начали сложную и опасную игру, и ее широкие рамки были очерчены уже в первую неделю после переворота в Риме. И Гитлер, и Бадольо прекрасно понимали необходимость сохранения хотя бы видимости их союза и, чтобы выиграть время, старались не выставлять напоказ свои истинные чувства, чтобы не обострять отношения друг с другом. Немцы воспользовались этой передышкой для того, чтобы укрепиться в Италии, а заодно прозондировать союзника на предмет его дальнейших намерений, тем более что в нацистском лагере кое-кто полагал, что в отношении Италии хороша политика кнута и пряника, и если она не захочет покориться по-хорошему, то можно употребить и силу.

Итальянцы же тем временем пытались выторговать для себя приемлемые условия у союзников, не будучи до конца уверенными, в какой момент их тайные переговоры будут сорваны немецкой интервенцией либо фашистским мятежом внутри страны, хотя после ареста Муссолини его партия и попала под запрет.

Надо сказать, что страхи нового режима перед Гитлером были вполне оправданы. Хотя фюрера и удалось отговорить

от жестких мер по отношению к правительству Бадольо; он по-прежнему теплил себе надеждой на восстановление в Италии фашистского режима во главе с Муссолини, разумеется, при условии, что местонахождение дуче будет в конце концов обнаружено, а самого диктатора удастся спасти прежде, чем его выдадут союзникам в качестве самого знаменитого военнопленного. Эта задача была возложена на генерала Штудента и Отто Скорцени, причем в ближайшие несколько недель фюрер будет лично, причем сгорая от нетерпения, следить за их успехами.

ГЛАВА 5

«СОН СЕГОДНЯ НОЧЬЮ ОТМЕНЯЕТСЯ»

В Берлине... были мобилизованы даже прорицатели и астрологи. Похоже, инициатива обратиться за помощью к «ясновидящим» исходила от Гиммлера.

Отто Скорцени. Тайные миссии Отто Скорцени

Поздно вечером в понедельник 26 июля, когда Гитлер и его генералы обсуждали, каков должен быть их следующий шаг, а новое правительство в Риме приходило в себя от собственной смелости, Отто Скорцени и генерал Курт Штудент заперлись в небольшом кабинете в «Волчьем логове», пытаясь разработать первую стадию операции «Дуб». Так называлась операция по поиску и спасению свергнутого итальянского диктатора. Ситуация осложнялась еще и тем, что эти двое также отвечали за небольшой блицкриг против

Рима, арест правительства Бадольо и видных антифашистов в среде итальянской армии. На тот момент Гитлер грозился в самые ближайшие дни воплотить в жизнь второй план, известный как операция «Штудент», хотя позднее и отложил его на неопределенное время, прежде чем окончательно от него отказаться.

26 июля генерал Штудент, который находился на юге Франции, в Ниме, получил приказ в срочном порядке явиться в «Волчье логово», где тем же вечером встретился с фюрером. «Я выбрал вас и ваших парашютистов для выполнения крайне важного задания, — сказал Гитлер пятидесятитрехлетнему генералу, командовавшему воздушно-десантными войсками вермахта. — По распоряжению итальянского короля дуче был свергнут и отправлен в отставку». Бадольо, продолжал Гитлер, вскоре перейдет на сторону врага, и тогда немецкие дивизии на Сицилии и юге Италии будут отрезаны и попадут в западню. Чтобы сорвать планы Бадольо, Штудент должен немедленно перебросить в Рим большую группу парашютистов и быть готовым в любую минуту взять город под свой контроль. «Одно из специальных поручений, — добавил Гитлер, — заключается в том, чтобы разыскать и освободить моего друга Муссолини. В противном случае его, вне всякого сомнения, передадут в руки американцам».

В качестве ударной силы Штудент имел в своем распоряжении 2-ю парашютную дивизию, элитное подразделение численностью в 20 тысяч человек, которую он пла-

нировал как можно скорее перебросить с юга Франции в Рим. Штудент намеревался использовать этих вымуштрованных, закаленных боями солдат, считавшихся одними из лучших в Третьем рейхе, для захвата Вечного города, разумеется, в том случае, если Гитлер даст добро на проведение операции «Штудент». При необходимости генерал мог рассчитывать на силы 3-й танково-гренадерской дивизии, поскольку это моторизованное соединение уже находилось в центральной Италии.

Кроме того, парашютистов можно использовать для совместных действий с флотом, для того чтобы вырвать из заключения дуче, если тот, конечно, найдется, будь то на суше или на море. Скорцени убедил Штудента добавить к парашютистам несколько десятков бойцов из батальона «Фриденваль», вверенного ему боевого подразделения СС, дислоцированного в Берлине. Скорцени и Штудент решили, что вылетят в Рим рано утром и тотчас приступят к поискам. «Что касается остального, — добавил Штудент, — то все будет видно на месте».

Попрощавшись с генералом, Скорцени вскоре после одиннадцати вечера позвонил в батальон «Фриденваль» своему заместителю, тридцатилетнему лейтенанту Карлу Радлю. «Нам поручено важное задание, — сказал он ему. — Получен приказ выступить завтра утром, большего пока сказать не могу. Мне нужно кое-что обдумать. Перезвоню позже. Единственное, что могу сказать, — сон сегодня ночью отменяется... Приведите в готовность транспорт, придется

брать с собой снаряжение. Подберите пятьдесят человек — только лучших, чтобы каждый из них хотя бы немного знал итальянский... Все должно быть готово к пяти часам утра... Я перезвоню вам, как только узнаю подробности». Обосновавшись в Чайном домике «Волчьего логова», Скорцени провел следующие несколько часов, попивая черный кофе и решая, какие припасы и снаряжение понадобятся для выполнения туманного задания, опрометчиво данного Гитлером. По мере наступления ночи Скорцени все сильнее заваливал поручениями своего заместителя, ответственного за организацию действий в Берлине, в обязанности которого входило проследить за своевременной утренней отправкой снаряжения и людей.

Это было сложной задачей для Радля, все еще не имевшего понятия, в чем заключается суть операции. Ему оставалось только выполнять получаемые каждые полчаса поручения Скорцени, что он с трудом успевал делать. Помимо сбора многочисленного оружия — пулеметов, снарядов и так далее, — ему было приказано выбрать сорок командос из «Фриденгала». Ко всему прочему, он должен был привести десять офицеров разведки из Амт VI (Шестого отдела) Главного управления Имперской безопасности (РСХА). Амт VI являлся отделением внешней разведки РСХА — приблизительный аналог американского ЦРУ, хотя последнее в то время еще не существовало под таким названием. Перед теми десятью офицерами стояла задача помочь Скорцени в поисках дуче.

Чтобы не возбуждать подозрений у итальянцев, посылая в Рим особое подразделение СС, Скорцени отдал Радлю приказ, чтобы эти люди облачились в форму немецких парашютных войск и имели при себе фальшивые удостоверения личности. Эта хитрость позволяла людям Скорцени смешаться с парашютными войсками Штудента, которые в это же самое время должны были прибыть в Рим, их присутствие никоим образом не было секретом для итальянцев. Каждый из фриденгальцев должен был взять с собой также и гражданский костюм.

Приказы Скорцени были один другого страннее. Для начала он велел Радлю отдать приказ всем командос перед отправлением покрасить волосы в черный цвет. Предположительно, это необычное указание давало людям Скорцени возможность, передвигаясь по Риму в гражданской одежде, сойти за итальянцев. Позднее Гиммлер взял на вооружение эту идею, придуманную Скорцени. Радль счел идею покраски волос абсурдной и решил под собственную ответственность проигнорировать этот приказ, хотя и захватил на всякий случай краску с собой в самолет. По непонятным причинам он также получил приказ раздобыть несколько монашеских одеяний и упаковать их вместе с остальным снаряжением.

* * *

Рано утром 27 июля Скорцени и Штудент сели в двухмоторный самолет «хейнкель-111», чтобы вылететь в Рим.

За штурвалом крылатой машины сидел личный пилот Штудента, знаменитый ас Гейдрих Герлах. (Никому не известный в то время, Герлах позднее сыграл решающую роль при спасении Муссолини.) На время выполнения миссии Скорцени намеревался пасть чужую личину, выдавая себя за генеральского адъютанта. А поскольку Штудент был генералом авиации, а Скорцени гауптштурмфюрером СС, то это решение потребовало и соответствующей смены костюма. За столь короткое время подходящую форму люфтваффе раздобыть не удалось, и Скорцени был вынужден влезть в летную форму, которая буквально трещала на нем по всем швам. «Я был вынужден облачиться в комбинезон, который был мне страшно мал, — вспоминал Скорцени, чей рост был под метр девяносто, — а на голову надел пилотку люфтваффе».

Проведя в воздухе несколько часов, их самолет наконец пересек Апеннинские горы в центральной Италии — в ближайшие недели этот район приобретет для Скорцени и Штудента особую важность, — после чего, чтобы не быть обнаруженным самолетами вражеской авиации, сбросил высоту до трехсот метров над землей. Этот вынужденный маневр был еще одним малоприятным напоминанием очевидного факта, что баланс сил в этом регионе начал меняться в пользу западных держав. Во вторник в половине второго пополудни «Хейнкель-111» совершил посадку на аэродроме на окраине Рима, преодолев за пять с половиной часов полета расстояние в тысячу миль.

В Риме стояла жара. Когда Скорцени вышел из самолета, горячая волна средиземноморского воздуха поставила его перед малоприятной дилеммой. «Когда мы приземлились в Риме, — вспоминал он, — я хотел поскорее избавиться от подбитого мехом летного комбинезона, но тут же вспомнил, что под ним нет формы офицера люфтваффе. Поскольку адъютант генерала Штудента в форме офицера войск СС выглядел бы более чем странно, мне ничего не оставалось, как продолжать париться в комбинезоне».

После посадки Скорцени и Штудент быстро доехали до Фраскати, древнего городка на северном склоне Альбанских Холмов, примерно в пятнадцати километрах к юго-востоку от Рима. На протяжении столетий этот небольшой живописный городок, славящийся своими виноградниками, прекрасным белым вином, а также разбросанными по склонам гор патрицианскими виллами, привлекал к себе римских императоров, пап и средневековых князей. Летом 1943 года здесь располагался штаб маршала Альберта Кессельринга, главнокомандующего немецкими силами в Италии, известный как Oberbefehlshaber Sud. В течение следующих полутора месяцев здесь будет также располагаться штаб тайной операции «Дуб».

Ночью Штудент и его новоявленный «адъютант» прозондировали Кессельринга и его штаб на предмет возможных слухов в отношении местонахождения пропавшего диктатора.

Кессельринг, у которого, как правило, были неплохие отношения с итальянцами (он на протяжении полутора лет

довольно тесно сотрудничал с ними), заявил, что не располагает никакой информацией о событиях 25 июля или о судьбе Муссолини. Скорцени же было интересно узнать, что один из офицеров маршала недавно обсуждал тему дуче с генералом итальянской армии. Последний утверждал, давая при этом слово чести, и никак не меньше, что ни он, ни другие высокопоставленные чины не имеют о местонахождении Муссолини ни малейшего понятия.

В глазах Скорцени подобное заявление представлялось крайне маловероятным. «Мы еще посмотрим, насколько можно доверять таким утверждениям», — заявил он, не догадываясь, что за его спиной стоит сам Кессельринг.

«А я им верю, — сердито изрек маршал. — Я не вижу никаких оснований не верить слову чести итальянского офицера. И вам бы тоже следовало верить ему, гауптштурм-фюрер».

Скорцени почувствовал, что слова маршала вогнали его в краску.

«Услышав это, я решил на будущее никогда больше не торопиться высказывать свое мнение», — вспоминал он позднее».

Как и другие высокопоставленные нацистские чины, наутро после переворота Кессельринг нанес визит в «Волчьего логова», однако как уже говорилось выше, пятидесятилетний командир люфтваффе отнюдь не разделял озабоченности фюрера развитием событий в Италии. «Похоже, на Кессельринга они произвели благоприятное впечатле-

ние! — возмущался Геббельс в своем дневнике. — Он полагает, что Бадольо намерен продолжать войну всеми средствами, какие только имеются в распоряжении итальянцев. Судя по всему, Кессельринг не понял, что это просто был разыгран хорошо поставленный спектакль».

Гитлер был того же мнения. Раздраженный наивностью своего главнокомандующего в Италии, он приказал Скорцени не слишком распространяться о целях своей миссии в разговорах с Кессельрингом, равно как и с немецкими дипломатами в Риме. «Все должно быть в строжайшей тайне, — заявил фюрер, имея в виду операцию «Дуб». — Ни командующий нашими войсками в Италии, ни наш посол в Риме не должны ничего знать о вашем задании, поскольку они не владеют ситуацией, создавшейся в Италии, и могут наделать всевозможных ошибок». Такую же лекцию о необходимости секретности Гитлер прочел и Штуденту.

Как оказалось, пессимизм Гитлера был вполне оправдан. Практически все его «ключевые фигуры» в Италии — от маршала Кессельринга до посла Макензена и военного атташе, генерала Энно фон Рингелена — были склонны верить Бадольо, заверявшего Германию в своей верности странам «оси». Тайный приказ Гитлера предполагал двойной обман. Фюрер не только пытался держать в секрете от Бадольо свой дьявольский план относительно судьбы Италии. Он делал все для того, чтобы в неведении оставались свои же немецкие высшие чины, которым он не вполне доверял.

Впрочем, секрет этот хранился не слишком хорошо. К концу июля практически каждый немец в Риме, если он занимал более-менее высокий пост, уже был в курсе планов фюрера хотя бы в общих чертах. Более того, Кессельринг и фон Ринтелен оказались втянуты в операцию «Штудент» с самого начала: без их помощи генерал Штудент был просто не в состоянии осуществить свой дерзкий план — арестовать короля Виктора Эммануила и других заговорщиков, на чьей совести было свержение дуче. Оба военных выступали против похищения короля и делали все, что в их силах, для срыва операции, прямо или косвенно ставя Штуденту палки в колеса. (Одержимость Гитлера секретностью этого периода порой приводила к непредсказуемым последствиям. Например, 2 августа Ринтелен нанес визит Гитлеру в «Волчье логово» с намерением отговорить его от проведения операции «Штудент». Но прежде чем ему удалось встретиться с фюрером, Вильгельм Кейтель предупредил Ринтелена, что поднимать эту тему запрещено. По словам Кейтеля, Гитлер пришел бы в ярость, узнав, что Ринтелен посвящен в тайну!)

Кессельринг догадывался, что фюрер пытался обнаружить местонахождение дуче, однако Штудент и Скорцени прилагали все усилия к тому, чтобы он ничего не узнал. «Хотя этот безумный план и держали от меня в секрете, — писал позднее Кессельринг, — естественно, вскоре я о нем узнал, поскольку все основные нити так или иначе были в моих руках».

То, что Кессельринг ошибался, доверяя новому итальянскому режиму, было наглядным свидетельством того, как лицемерные заявления Бадольо были способны обмануть даже самые скептические умы Германии. Хотя та степень наивности, какую демонстрировал Кессельринг, была редким явлением среди немецкого генералитета, маршал был не одинок в своих иллюзиях относительно планов Италии. Даже мрачный Эрвин Роммель и тот порой впадал в неоправданный оптимизм. «Нельзя исключать, — писал он жене 30 июля 1943 года, — что новое итальянское правительство будет и далее сражаться на нашей стороне».

* * *

Вскоре на арену действий прибыла нацистская «кавалерия» в лице 2-й парашютной дивизии люфтваффе, приземлившейся в Риме в течение следующих нескольких дней. Так получилось, что она прибыла без согласия итальянцев, которых заверили, что вскоре она будет переведена на Сицилию или в южную Италию, что, несомненно, было откровенной ложью.

Вечером 28 июля Радль и командос из батальона «Фриденваль» приземлились на небольшом аэродроме в городке Пратика ди Маре, примерно в двадцати пяти километрах к югу от столицы. (Они сделали крюк, залетев во Францию 27 июля, и в Италию вылетели на следующий день.) Переодетые в форму парашютистов, фриденвальцы на первое время расквартировались неподалеку от аэропорта. Скор-

цени прибыл 29 июля. Особо не вдаваясь в подробности, он сообщил своим людям, что в скором времени их позовут для выполнения важной операции — это была косвенная отсылка к операции «Дуб» и операции «Штудент».

Эсэсовцы слугали Скорцени, обливаясь потом. «Люди стояли на летней жаре под южным солнцем, — вспоминал Радль. — Терпеть жару не было сил. У Скорцени распухла губа, потому что на ней выскочил пузырь». Он прервал свою речь лишь тогда, когда один из солдат упал в обморок. Скорцени это жутко разозлило. «Если кто-то из вас считает, что не может принимать участие в этом задании, и желал бы вернуться домой, он должен мне лично сказать об этом, — заявил он. — Мы можем использовать только самых лучших, самых крепких, тех, кто готов рисковать собственной жизнью. Потому что это самое главное».

После этой вдохновляющей речи Скорцени и Радль отправились во Фраскати, где у них на одной из вилл располагался штаб, частью которого была и ставка Кессельринга. Штудент расположил здесь же и свой штаб 11-го корпуса ВДВ. Пока они туда сходили, Радль всю дорогу умилялся пасторальными сценами, мелькавшими за окном автомобиля: и серыми осликами, трусившими вдоль дороги, и играющими у обочины детьми, и женщинами с кувшинами на плечах, и яркими товарами торговцев фруктами, и виноградниками, что тянулись слева и справа от дороги.

Лишь присхав во Фраскати, Радль узнал о существовании операции «Дуб». А когда узнал, то пришел в заме-

шательство. Обсудив ее подробности, они со Скорцени согласились с тем, что обнаружить местонахождение Муссолини будет не так-то легко. «Что касается наших действий, — вспоминал Скорцени, — то мы даже не мечтали ни о каком освобождении, а час “ноль” казался нам чем-то очень далеким».

В последующие дни и недели расследование было сосредоточено на обстоятельствах исчезновения дуче. С этой целью Скорцени развернул бурную деятельность по сбору информации в Риме — то есть там, где Муссолини видели в последний раз. Хотя позднее нацистская пропаганда и утверждала обратное, Скорцени выполнил свою миссию отнюдь не в одиночку. В Италии поисками и освобождением дуче занималась целая группа. Помимо генерала Штудента, формально отвечавшего за операцию «Дуб», Скорцени и Радль работали в тесном взаимодействии с офицером разведки Герхардом Лангтутом. (Каждая крупная немецкая часть — дивизия, корпус, армия, группа армий — имела свой штаб. Один из офицеров штаба занимался разведкой и имел группу подчиненных. Его обязанности состояли в сборе сведений о противнике: он отслеживал его передвижения, численность, определял цели разведки и т.д.) По совету Гимmlера Скорцени также прибегал к помощи двух сотрудников разведки РСХА, обосновавшихся в Вечном городе, — Герберта Каплера и Ойгена Долльмана.

Каплер был полицейским атташе при немецком посольстве. Этот голубоглазый тридцатилетний офи-

цер, чье лицо сохранило следы от полученных во времена бурной студенческой молодости шрамов, в свое время прошел интенсивную шпионскую подготовку. Более того, главная его задача в Риме заключалась в слежке за итальянской полицией. Его более невинные интересы якобы включали в себя розы, собак и этрусские вазы. Причем последние он активно коллекционировал. Кроме того, по его собственным словам, он якобы обожал Рим, куда приехал в 1939 году. Как заметил Скорцени, который обычно старался принизить роль других в операции «Дуб», Каплиер «командовал организацией, которая, похоже, могла оказать нам немало услуг».

Дольман был не так прост. Этот сорокадвухлетний офицер Общих СС (Allgemeine SS) жил в итальянской столице уже давно и исполнял роль личного шпиона Гимmlера в высшем свете столицы. Прекрасно владея итальянским языком, этот красавец блондин нередко выполнял обязанности переводчика для высших чинов стран «оси» и присутствовал на многих важных встречах между Гитлером и дуче. Кроме того, считалось, что он confident Евы Браун. Что отличало Дольмана от большинства его братьев по СС — по крайней мере внешне, — это безукоризненные манеры, начитанность, умение ценить произведения искусства и культуры, как итальянской, так и общемировой. В целом его жизнь в Риме была полна приятных вещей, с легким привкусом интриги, чему в немалой степени содействовали тщательно культивируемые им знакомства с политическими и аристократическими кругами Вечного города.

Первая встреча Скорцени с Капплером и Долльманом состоялась во Фраскати вечером 27 июля 1943 года (то есть тем же вечером, когда Кессельринг отчитал Скорцени). «Кессельринг обосновался во Фраскати, этом излюбленном гнездышке римских князей и кардиналов, — вспоминал Долльман. — Насколько я помню, 27 июля я получил приглашение на обед. Не успел я туда прибыть, как генерал-фельдмаршал Кессельринг с серьезным выражением лица, ему совсем не свойственным, представил меня высоченному мужчине в подбитой мехом летчицкой куртке, которая совершенно не вязалась с теплым летним вечером. Этот гигант, чье лицо пересекал шрам, протянул мне свою гигантскую руку».

В какой-то момент вечера Скорцени заперся с Долльманом и Капплером в комнате и посвятил их в честолюбивые планы, родившиеся в недрах «Волчьего логова». «После пары вводных слов, — вспоминал Долльман, — Скорцени с серьезным видом предупредил меня и Капплера, чьи собственные шрамы завязтого дуэлянта покраснели от предвкушения, что мы не должны никому говорить то, что он нам сейчас расскажет, включая самого Макензена и сотрудников посольства... Вскоре мы услышали из уст Скорцени, что он явился в Италию, чтобы найти и освободить дуче».

Скорцени также поведал им про «блиц» против Рима (по крайней мере этой операции еще никто не отменял). Гитлер настроен решительно, пояснил он. Фюрер намерен аресто-

вать короля, Бадольо и ряд высших офицеров итальянской армии, а также так называемых предателей из числа высокопоставленных членов фашистской партии, которые вынесли Муссолини на Большом фашистском совете вотум недоверия. Всего в ходе нескольких неожиданных рейдов предполагалось арестовать около пятидесяти человек, перевезти их на ближайший аэродром и переправить в Германию, где окончательно решится их судьба. (Согласно нескольким отчетам, командос Скорцени большую часть недели провели в поездках по окрестностям Рим, знакомясь с расположением города и осматривая различные здания и министерства, которые должны быть стать целями операции «Штудент».)

Капшлер и Долльман вряд ли пришли в ужас от подобных признаний. Потому что всего днем ранее, 26 июля, истеричный министр иностранных дел Риббентроп направил в немецкое посольство в Риме требование арестовать всех тех, к кому вели нити государственного переворота. Капшлер, чей отдел состоял из трех служащих и нескольких секретарш, якобы отреагировал на требование Риббентропа недовольной гримасой.

И хотя они предпочитали помалкивать об этом в присутствии Скорцени, поскольку тот был агентом и эмиссаром Гитлера, оба эсэсовца были отнюдь не в восторге от планов фюрера. И даже тот факт, что Капшлер и Долльман друг друга недолюбливали, не мешал им быть солидарными в том, что касалось сумасшедшей идеи вернуть к власти дуче

и реанимировать фашистский режим. В глазах Долльмана Муссолини был «политическим трупом».

Кто же касается Капшлера, тот был убежден, что фашизм себя изжил и его невозможно снова навязать итальянцам. Последних он «сравнивал с ребенком, которому было мучительно после того, как он отведал невкусного супа, — вспоминал советник посольства Фридрих фон Плевс, — и его ничем не заставить отведать еще хотя бы одну ложку». Но после нескольких тщетных попыток разубедить начальство — Капшлер, например, даже летал к Гиммлеру, чтобы лично высказать свои возражения, — Капшлер и Долльман были вынуждены подчиниться приказам сверху и по мере возможности оказывали помощь гиганту австрийцу.

Долльман вскоре вновь встретился со Скорцени в кабинете у Капшлера, который Скорцени фактически прибрал к рукам. «В очередной раз, — писал позднее Долльман, — я бы совершил героический поступок, если бы открытым текстом сказал этому человеку, что я думаю о его планах насчет Рима. Разумеется, я воздержался. Я даже показал ему на карте города, где находятся различные министерства и королевские дворцы, и даже с видом, будто открываю ему страшную тайну, показал, где находится плохо охраняемый вход во дворец у подножия Квиринала». Согласно одному из сотрудников немецкого посольства, именно Долльман и Макензен под давлением Гитлера составили список потенциальных жертв похищения.

Капшлер был не в восторге от присутствия в Риме Скорцени — он воспринимал это как вторжение на свою терри-

торию и сомневался в осуществимости его двойной миссии. Вместе с тем Капpler был добросовестным нацистом и привык исполнять приказы. Проницательный гестаповский сыщик, которому помогал его владевший итальянским языком заместитель, тридцатилетний Эрих Прибке, вошел в историю как одна из ключевых фигур операции по поиску дуче. Хотя Капpler и не имел в своем распоряжении многочисленных подчиненных, за годы жизни в Италии он обзавелся обширными связями и, в принципе, знал, кто из итальянцев отнесется к миссии Скорцени с сочувствием. Не исключено также, что он оплачивал услуги итальянских полицейских, помогавших ему в поиске. С самого начала расследования он активно пытался выйти на след пропавшего диктатора. По словам генерала Штудента, «на протяжении всей поисковой операции Капpler и его разведслужба оказывали нам самую что ни на есть лучшую помощь».

Вот такая пестрая компания занималась поисками Муссолини в Риме. Вне итальянской столицы Гитлер задействовал все имевшиеся у него ресурсы спецслужб и полиции Третьего рейха. В 1943 году объединенной разведслужбы еще не существовало. Сбором разведданных занимались, в основном, две организации-конкуренты: военная разведка, абвер, во главе с адмиралом Канарисом, и отдел внешней разведки РСХА. Между ними царила жесточайшая конкуренция, каждая добивалась благосклонности фюрера, который, в свою очередь, поощрял вражду своих спецслужб.

Поскольку жизнь дуче, по всей вероятности, висела на волоске, было решено не стесняться в выборе средств, даже тех, что пахивали мистикой. В своих отчаянных попытках добиться хоть каких-то результатов нацисты начали прибегать к помощи астрологов, ясновидящих и прочих лиц, якобы наделенных сверхъестественными способностями. «В Берлине... тем временем мобилизовали армию прорицателей и астрологов, — вспоминал Скорцени. — Если не ошибаюсь, идея обратиться к ним за помощью исходила от самого Гиммлера».

Увы, имелось одно «но». Многие из этих так называемых экспертов в свое время были арестованы и по приказу Гитлера брошены в концлагеря — как раз за то, что практиковали свое магическое искусство. Массовые репрессии имели место в 1941 году, вскоре после странного инцидента с участием Рудольфа Гесса, в ту пору заместителя главы нацистской партии. В мае того года Гесс совершил загадочный полет в Великобританию (он был сбит в небе над Шотландией) якобы для того, чтобы договориться о мире между Германией и Великобританией. Увы, попытка провалилась, и Гесс был в конечном итоге арестован.

Нацисты были уверены, что Гесс решился на эту авантюру по совету некоего астролога. «После случая с Гессом, — вспоминал офицер разведки СС Вильгельм Хеттль, — по приказу Гитлера началась повсеместная “охота на ведьм”, и большая часть прорицателей, ясновидящих и гадалок были брошены в концлагеря. Так что Гиммлер был вынуж-

ден впоследствии прочесать собственные лагеря, прежде чем смог собрать команду астрологов и магов».

Вальтер Шелленберг, возглавлявший летом 1943 года внешнюю разведку СС, так писал позднее о дилемме, с которой столкнулись тогда нацисты. «В начале августа, — вспоминал он, — Гитлер отдал распоряжение найти и освободить Муссолини. Мы же не имели ни малейшего понятия о том, где тот находится. И тогда Гиммлер был вынужден обратиться к знатокам “окультирных наук”, арестованным вскоре после полета Гесса в Англию. Он запер их в загородном доме на берегу Ваннзее. Этим шарлатанам было поручено вычислить местонахождение Муссолини (что, между прочим, обошлось моему отделу в приличную сумму, ибо эти, с позволения сказать, “ученые” имели ненасытный аппетит в том, что касалось хорошей еды, хороших напитков и хорошего табака)».

В дополнение к так называемой Ваннзейской группе за услугами обратились к астрологу Вильгельму Вульфу, который в то время был на свободе. По его словам, 28 июля в дверь его дома постучали двое представителей гестапо. «Слава Богу, что мы вас нашли! — воскликнул один из них. — Мы ищем вас вот уже несколько дней». Вульфа быстро доставили в Берлин, где он предстал перед генералом СС Артуром Нёбе, главой уголовной полиции. Астролог полагал, что он в очередной раз арестован, однако оказалось, что Нёбе, «главным образом, интересовало, где находится Муссолини». Вульф был в замешательстве. «Индийская

астрология, — писал он позднее, — предлагает методику расчетов такого рода. Я сам не раз прибегал к ней за время своей практики».

И армия ясновидящих взялась за работу. Как будет показано ниже, информация, которую они совместными усилиями предоставили, оказалась, как это ни удивительно, на редкость точной.

* * *

Тем временем в Риме Скорцени и его агенты были вынуждены полагаться на куда более прозаические методы расследования. Впрочем, свобода их действий была существенно ограничена необычным характером порученного им дела. «Вести поиски было крайне нелегко», — писал позднее Штудент. Поскольку операция «Дуб» относилась к разряду секретных, а дипломатические отношения между партнерами стран «оси» висели на волоске, тактика выкручивания рук была неприемлема.

Официально Рим оставался дружественной территорией, и Гитлера это вполне устраивало, поскольку служило его интересам. Поэтому, несмотря на всю важность возложенной на них миссии, Скорцени и его помощники при всем желании не могли прибегать к силовым методам, что были в ходу у СС. Например, они не могли позволить себе вломиться в правительственные учреждения, перервать документы, силой вытряхнуть из чиновников необходимые им сведения.

Здесь требовались гораздо более тонкие подходы. Например, можно было сыграть на старой дружбе. Скорцени ничуть не сомневался в том, что в итальянской армии и в правительстве остались те, кто сочувствовал дуче. Этих людей — военных, чиновников, бюрократов — следовало прозондировать мягко, ненавязчиво. И если игра на струнах верности фашизму не приносила результатов, их следовало подкупать, ибо известно, что деньги развязывают языки. Скорцени привез с собой в Рим пять тысяч фунтов фальшивыми британскими банкнотами для того, чтобы платить информаторам. Безусловно, эти поддельные деньги наверняка воспринимались как настоящие теми, кто получал их в обмен на полезные крохи информации. Нацисты также прослушивали итальянские радиостанции в надежде услышать какую-нибудь важную оговорку.

Пока Скорцени и его команды искали зацепки в Риме, они имели прекрасную возможность прощупать настроения итальянцев. И того, что они наблюдали, было достаточно, чтобы Гитлер, который все еще лелеял мечту о возрождении фашизма, мучился жестокой изжогой. С момента переворота прошло всего несколько дней, но от фашизма практически не осталось и следа.

25 июля, в день, когда был арестован Муссолини, король Виктор Эммануил и Бадольо выступили по радио с обращением к нации, чтобы сообщить известие о смене режима. Примерно в 11 часов вечера по римскому времени ко-

роль в буквальном смысле огорошил итальянцев, сообщив им, что принял отставку дуче и всего кабинета. А спустя двадцать минут эфир прорезал голос Бадольо: «Итальянцы, по требованию его величества короля-императора я принял на себя военное правление страной со всеми властными полномочиями. Война будет продолжена. Италия, в чьи провинции вторгся враг, чьи города лежат в руинах, — сохранит верность данному слову [то есть верность немцам] в духе славных традиций древности».

По вечернему Риму, как, впрочем, и по всей стране, прокатилась волна всеобщего ликования. Люди пели на улицах и плакали, не стесняясь выразить свою радость по поводу того, что времена фашизма кончились, и вслух проклинали Муссолини. Как и Гитлер, многие полагали, что свержение диктатора — это предлюдия к миру. Хотя Бадольо и заявил, что страна останется верна союзу с гитлеровской Германией и продолжит сражаться против союзников, веселые римляне пропустили это заявление мимо ушей.

На следующий день толпы людей устремились на улицы города. Римляне ликовали, врывались в кабинеты организаций фашистской партии, чтобы перевернуть их вверх дном. Имели место случаи рукоприкладства по отношению к партийным функционерам, которым не хватило мудрости пересидеть это всеобщее ликование где-нибудь в укромном месте. «По виа Национале просхала машина, волоча за собой на цепи бюст Муссолини, — вспоминал Фридрих фон Плевс, — и мальчишки колотили по нему палками и что-то

радостно выкрикивали. Просхал трамвай, на боку которого красовалась надпись: «Трагический карнавал окончен!».

«Улицы в центре города были запружены ликующими толпами, — вспоминал позднее один итальянский журналист. — От радости людьми владело едва ли не головокружение. Наконец они вновь обрели жизнь, какую почти успели забыть. В людских сердцах тотчас поселилась надежда, что едва ли не сразу наступят лучшие времена. Люди — сначала для пробы, чтобы посмотреть, что за это будет, выкрикивали проклятия в адрес Муссолини и фашизма, и, к их великому удивлению, с ними за это ничего не случилось». Подобные сцены происходили по всей стране.

Физического насилия почти не наблюдалось. Скорее, людской гнев был направлен на символы ненавистного режима. Сразу после переворота в буквальном смысле тысячи бюстов и фотографий дуче были порушены и сорваны, а также эмблемы фашизма и другие напоминания о днях правления Муссолини. Когда Скорцени прибыл в Рим, в витринах многих магазинов красовались фото новых героев — короля Виктора Эммануила и Бадольо.

Увы, всеобщее ликование схлынуло столь же быстро, как и началось. Когда Бадольо взял в свои руки бразды правления страной, многие простые итальянцы надеялись на быстрый выход Италии из войны. «Как достичь мира, — писал позднее сам Бадольо, — об этом люди как-то не задумывались. Никто не остановился, чтобы задаться этим вопросом. Люди не спорили на эту тему, они восприни-

мали мир как нечто само собой разумющееся». Увы, к их великому разочарованию, новый режим, который опасался вечных угроз как изнутри, так и извне, в течение всего августа продолжал неустанно подчеркивать свою верность Гитлеру. Случалось также, что, когда следовало предпринять репрессивные меры, в своем рвении режим Бадольо даже превосходил фашистов.

Вступив в должность, Бадольо ввел в Риме военное положение, а также принял иные меры к тому, чтобы запутать возможные подрывные элементы. (По сути дела, король и Бадольо боялись левых радикалов так же, как и фашистов. В их понимании левые представляли собой серьезную угрозу монархии, а Виктор Эммануил отчаянно хотел сохранить ее в неприкосновенности.) В девять вечера наступал комендантский час, в результате которого римские улицы пустели. Было также запрещено собираться группами больше трех человек. Многие итальянцы получили длительные тюремные сроки за то, что в глазах их самих было лишь мелким правонарушением, если не дарованным им свыше правом.

Паутина лжи, сплетенная королем и премьер-министром, заставляла буквально всех гадать относительно характера нового правительства — и нацистов, и союзников, и даже самих итальянцев. Буквально в первые дни после переворота Виктор Эммануил и новоявленный глава кабинета умудрились оттолкнуть от себя всех, кому было небезразлично будущее Италии.

Бадольо между тем держал ухо востро, и вскоре до него дошли слухи о намерении Гитлера свергнуть его правительство и вернуть к власти дуче. И хотя он отнесся к этой угрозе со всей серьезностью — а режим Бадольо относился со всей серьезностью к любой угрозе, — он не посмел портить отношения с Гитлером и вместо того, чтобы встать в оскорбленную позу, предпочел, не слишком это афишируя, принять превентивные меры. Например, укрепил службу безопасности нового режима с тем, чтобы затруднить для Скорцени выполнение миссии по аресту заговорщиков из черного списка Гитлера. Кроме того, в последующие недели он делал все для того, чтобы ввести поисковую группу в заблуждение.

Его стратегия в отношении последней была двойкой. Чтобы быть на шаг впереди немцев, Бадольо постоянно перемещал дуче из одного места в другое. Кроме того, он постоянно пытался сбить нацистов со следа, подсовывая им через надежных офицеров итальянской военной разведки заведомо ложную информацию. Кстати сказать, итальянская военная разведка — Servizio Informazione Militare (SIM) — считалась одной из лучших в мире. И хотя эта тщательно продуманная и подброшенная немцам дезинформация вряд ли была способна целиком сорвать их миссию, считалось, что она существенно ее затруднит, позволив Италии выиграть время, столь необходимое для того, чтобы договориться с союзниками о капитуляции. Похоже, что ни Гитлер, ни Бадольо не верили в прочность итало-германского союза, который, по их мнению, должен был вот-вот дать трещину.

Безусловно, Скорцени вскоре обнаружил, что Рим буквально полнится слухами о Муссолини. Кос-кто из сотрудничавших с немцами информаторов заявлял, что дуче якобы содержится в клинике для умалишенных в Швейцарии. Другие утверждали, что он покончил с собой или по крайней мере серьезно болен. Разумеется, немцам ничего другого оставалось, как тщательно проверять достоверность всех этих едва ли не фантастических версий, многие из которых специально подсовывались им итальянскими агентами. «Тем не менее, — вспоминал Скорцени, — нам удалось доподлинно установить, что во второй половине дня 25 июля дуче приезжал на виллу к королю и с того момента его никто больше не видел».

Как красочно выразился генерал Штудент: «Могло показаться, будто Муссолини исчез с лица земли».

ГЛАВА 6

ОДИССЕЯ БЕНИТО МУССОЛИНИ

И когда я сидел, погруженный в размышления, у себя в комнате, мне в голову впервые закралось сомнение. Что это — защита или арест?

Б. Муссолини

Муссолини мог лишь смутно догадываться о том, на какие невероятные тайные ухищрения пустились Гитлер и режим Бадольо в последующие после переворота дни. Тогда его, безусловно, в первую очередь волновало собственное положение.

Первый удар судьба нанесла ему 25 июля, когда король вызвал дуче к себе, чтобы сообщить, что итальянский народ более не нуждается в его услугах. Сразу после этой аудиенции, примерно в шесть двадцать вечера Муссолини спустился по ступенькам королевской резиденции — виллы «Савойя», направляясь к поджидавшему его автомобилю — черному «альфа-ромсо», припаркованному чуть дальше, на другой стороне подъездной дороги. По всей видимости, он еще не оправился от свалившегося на него известия о том, что коротышка король одним взмахом кропечной ручки отменил диктатуру и поставил во главе нового кабинета маршала Бадольо.

Но какие бы мысли ни кружились вихрем в голове дуче в тот момент, их неожиданно прервало появление фигуры в военной форме. Это был капитан карабинеров Паоло Виньери.

«Его Величество возложил на меня заботу вашей персоны, — заявил он Муссолини, который на секунду задумался над его словами, а затем направился дальше к поджидавшему его автомобилю. — Нет, — возразил капитан. — Нам туда». Дуче обернулся и, к своему великому удивлению, увидел, что Виньери указывает на карету «скорой помощи».

Сначала Муссолини попробовал высказать свое несогласие — мол, он предпочитает собственный автомобиль и ему не нужна никакая конспирация, — однако в конце концов подчинился. Садясь в машину, он вновь на секунду задумался, правильно ли он поступает, — внутри каре-

ты «скорой помощи» сидели несколько вооруженных охранников. Тем не менее он заставил себя сесть в машину, где опустился на носилки для тяжелобольных, и карета «скорой помощи» на головокружительной скорости понеслась по улицам Рима. «Меня охраняли полицейские в штатском, вооруженные пистолетами-автоматами, — вспоминал дуче. — Мы сломя голову неслись на такой скорости, что в иные моменты казалось, что машина вот-вот перевернется».

Пока Муссолини трясся в тесном кузове «скорой», ему и в голову не пришло, что это арест. Присутствие вооруженной до зубов охраны вслило в него странную уверенность в том, что столь серьезные меры безопасности приняты исключительно ради его собственного блага. «Я пребывал в уверенности, что, как и обещал король, мою персону будут тщательно охранять».

Спустя полчаса, то есть около шести вечера, Муссолини привезли во двор казармы карабинеров на Виа Квинтино Село. Несмотря на откровенно неприветливый прием, оказанный ему на вилле «Савойя», он продолжал цепляться за роль сурового диктатора, не желая расставаться с привычными замашками. Выйдя из машины, дуче принял характерную позу: гордо вскинул подбородок и уперся руками в бедра. Со стороны могло показаться, будто он явился сюда с инспекцией. Его провели в офицерскую столовую, где он просидел около часа. Затем его вновь посадили в карету «скорой помощи» и перевезли в другую казарму, на сей раз кадетскую, на Виа Леньяно, куда он прибыл в семь вечера.

Здесь его отвели на второй этаж и, приставив к нему охранника, усадили ждать в кабинете коменданта. Минуты ожидания растягивались в часы, и постепенно Муссолини начал догадываться, что, собственно, происходит. «И когда я сидел, погруженный в размышления, в этой комнате, мне в голову впервые в голову закралось сомнение. Что это — защита или арест?» Он обратил внимание на популярный фашистский лозунг, написанный огромными буквами на стене казармы: «Верь, борись, подчиняйся!» Наверняка в тот момент он воспринял его как насмешку.

Позднее тем же вечером, примерно в час ночи 26 июля, к дуче явился посетитель в лице генерала Эрнесто Фероне. Генерал прибыл к экс-диктатору с сообщением. Муссолини взял в руки зеленый конверт со штампом «Военное министерство» и вытащил из него написанную от руки записку. Записка была от Бадольо.

«Нижеподписавшийся глава правительства, — говорилось в ней, — ставит в известность Вашу Светлость, что все, что меры, принятые в отношении вашей персоны, приняты в ваших собственных интересах, ибо до нас дошла подробная информация о готовящемся против Вас заговоре. Мы весьма сожалеем об этом и считаем своим долгом сообщить Вам, что мы готовы отдать приказ о Вашей охране со всем положенным вам уважением в любом выбранном вами месте».

Ага, теперь кое-что проясняется, наверняка подумал дуче. Успокоенный посланием Бадольо, которое на первый

взгляд гарантировало ему немалую долю свободы, Муссолини продиктовал ответ своему старому недругу. В своем письме он поблагодарил Бадольо за его труды, добавив, что хотел бы, чтобы его отвезли в загородную резиденцию Рокка делла Камината. Это внешне напоминавшее средневековую крепость сооружение находилось в его родной Романье, неподалеку от Форли.

«Я хочу заверить маршала Бадольо, — сказал он, обращаясь к Фероне, который дословно записывал все, что ему говорилось, — что я, пусть даже лишь в память о том, что мы когда-то вершили вместе с ним в прошлом, не стану создавать для него никаких трудностей, но буду всячески с ним сотрудничать». Дуче также добавил, что по достоинству оценил готовность Бадольо и дальше сражаться на стороне Германии. Свое письмо он закончил следующими словами: «Я выражаю искреннюю надежду на то, что успех будет сопутствовать тому серьезному делу, которое маршал Бадольо берет на себя по приказу и от имени его величества короля, чьим верным слугой я был на протяжении двадцати одного года и продолжаю им оставаться».

Тон послания был примирительный. Муссолини воздержался от выражения своих истинных чувств по поводу переворота, с момента которого не прошло и суток, равно как не стал выражать свою озабоченность по поводу того, что его содержат в казарме. Тон письма был таким пассивным, что Бадольо на следующий день отправил его копию нацистам в подтверждение того, что дуче примирился со

своей судьбой. Это было то самое письмо, которое заставило Геббельса озадаченно чесать голову 27 июля. «Он хочет, чтобы его отвезли в Рокка делла Каммината, чтобы он там отдыхал», — писал озадаченный Геббельс в своем дневнике, добавляя, что если только это письмо не подделка, оно свидетельствует о том, что у дуче больше нет ни малейших намерений как-то вмешиваться в ход событий.

Позднее Муссолини пытался объяснить свою пораженческую позицию тем, что послание Бадольо якобы ввело его в заблуждение. «Это послание не имеет себе равных по вероломству во всей истории, — писал он. — Оно было призвано убедить меня в том, что слово короля относительно моей личной безопасности будет сдержано и кризис будет разрешен в рамках существующего режима, то есть фашизма».

Пока Муссолини мучился бездельем в кадетской казарме, куда не проникали почти никакие новости из внешнего мира, он, судя по всему, еще цеплялся за надежду, что созданная им партия переживет смену режима. Низложенный диктатор отказывался верить, что его старый фельдмаршал попытается уничтожить фашизм, о чем он позднее писал с горечью: «Бадольо слишком часто, слишком громко и прилюдно выражал свою преданность партии... Он получил от нее огромные почести и немалые деньги. Я был готов к чему угодно, но только не к предательству, к которому он шел вот уже многие месяцы».

Вечером 27 июля, пока Штуденг и Скорцени во Фраскати беседовали с Кессельрингом, Муссолини узнал, что его в оче-

редной раз перевезут в новое место, и решил, что это будет Романья. «Я не стал задавать вопросов, — вспоминал он, — убежденный в том, что целью моего ночного путешествия будет Рокка делла Каммината». Однако, взглядываясь в щели опущенных штор, он вскоре понял, что машина едет в другом направлении. Когда он заинтересовался у одного из сопровождающих, куда его везут, ему было сказано, что планы якобы изменились. Как вскоре выяснилось, Муссолини везли в Газте, небольшой портовый городок на западном побережье Италии, примерно в девяносто километрах к юго-востоку от Рима.

В Газте на пристани имени тестя Муссолини Констанцо Чиано его уже поджидал адмирал Франко Мауджери, соролятилетний глава морской разведки. (Мауджери впоследствии участвовал в движении Сопротивления в дни немецкой оккупации Рима и в 1946 году был назначен главой Генерального штаба ВМФ Италии.) Ветеран обеих мировых войн, сухопарый, седовласый Мауджери был ранее тем же днем извещен о том, что на него пал выбор «сопровождать некую важную персону». Впрочем, Мауджери тотчас догадался, кто этот его таинственный подопечный. Местом назначения, было сказано, является крошечный островок Вентотеппе, расположенный напротив Неаполя, в нескольких десятках километров от побережья. Экипаж корвета «Персефона» в количестве восьмидесяти человек уже получил инструкции по выполнению задания.

Примерно в два часа ночи 28 июля к пристани имени Чиано подъехал сопровождавший Муссолини конвой из

шести машин. На берегу их уже поджидал Мауджери, а с ним еще несколько офицеров. В ожидании высокопоставленного пленника все как один нервно курили и пытались отвлечь себя ни к чему не обязывающими разговорами. Конвой опоздал на два часа, и Мауджери уже начал волноваться. Впрочем, стоило ему увидеть дуче, как часы ожидания были забыты. Однако внешний вид Муссолини обескуражил даже такого бывалого морского волка, как Мауджери.

«Лицо Муссолини даже в тусклом свете портовых фонарей было зеленым и каким-то землистым, — писал Мауджери в своем дневнике, описывая события, участником которых ему выпало стать. — Его огромные, гипнотические, змсиные глаза, казалось, светились откуда-то из темноты. Лицо заросло трехдневной щетиной». На дуче по-прежнему были все тот же синий костюм, правда, теперь изрядно помятый, в который он облачился по случаю аудиенции у короля, а также белая рубашка с коротким рукавом, черный галстук и фетровая шляпа.

«Как это не похоже на высокомерного, кровожадного головореза на балконе дворца», — подумал про себя Мауджери, оглядывая Муссолини с головы до ног. Он ненавидел дуче за то, что тот сделал с Италией, и вместе с тем не мог не испытать сочувствия к фигуре низвергнутого диктатора, что предстала перед ним в эти минуты.

Мауджери почтительно отдал салют, после чего повел пленника в трюм «Персефоны», в пустую каюту командира корабля, лейтенанта-командера Таццари. Вскоре корвет

отчалил от берега, взял на курс на Тирренское море и в пять пятнадцать утра бросил якорь у берегов Вентотене. Двоє сопровождающих Муссолини, генерал Саверио Полито и полковник Пелаги, сошли на берег, чтобы найти для важного пленника приличествующее тому место содержания. В это с трудом верится, однако никому и в голову не пришло заранее изучить остров, чтобы определить, годится ли он в качестве тайной тюрьмы для Муссолини или нет.

Дожидааясь возвращения охраны, Мауджери рискнул спуститься в трюм и проверить, как там Муссолини, с которым он не имел контакта с того самого момента, как корвет покинул порт Гаэты. Хотя Мауджери не получал приказов заручиться расположением дуче, любопытство взяло верх.

Войдя в каюту, он обнаружил в углу спящего охранника. Муссолини не спал и, как только дверь открылась, тотчас поднял глаза. Мауджери поздоровался с ним и спросил, не хочет ли он чашечку кофе. Муссолини ответил, что вместо кофе предпочел бы получить некоторую информацию. Например, известны ли адмиралу примерные размеры острова.

Мауджери попытался вспомнить скромные пропорции Вентотене и, пока морщил лоб, заметил, как губы дуче впервые скривились в улыбке.

«Ясно! — воскликнул дуче. Впрочем, голос его по-прежнему был надтреснутым и усталым. — Это маленький островок».

И Мауджери понял, что Муссолини провел мысленную параллель между Вентотене и другим крошечным остро-

вом — Святой Елены, куда в свое время были сосланы Наполеон Бонапарт после поражения при Ватерлоо в 1815 году. Не секрет, что дуче восхищался Наполеоном. (Муссолини вполне мог подумать об острове Эльба, на котором Наполеон находился в ссылке.)

Затем последовали вопросы.

«Это корвет, я правильно понял?» — осведомился Муссолини тоном, не допускающим возражений.

«Да», — подтвердил Мауджери. Вопрос этот показался ему глупым, если учесть, что дуче в течение многих лет был главнокомандующим военного флота. За время своего диктаторства Муссолини одновременно занимал огромное количество постов, в том числе был главнокомандующим трех главных родов войск.

Беседа тем временем продолжилась, в основном, на тему итальянского флота и морских сражений, до тех пор, пока не вернулись Полито и Пелаги. Они сообщили Мауджери, что их разведка окончилась плачевно. На острове присутствует немецкий гарнизон, и это одна из причин, делающих дальнейшее пребывание здесь нежелательным. По предложению Пелаги «Персефона» взяла курс на соседний остров Понца, такой же крошечный островок, что и Венготене, лежащий примерно в сорока километрах к северо-западу. (Считалось, что когда-то Понтинские острова, к которым относились Венготене и Понца, были обиталищем легендарной волшебницы Цирцеи из гомеровской «Одиссеи».)

Когда Полито и Пелаги вновь сошли на берег, Мауджери вернулся в каюту дуче. На этот раз стоило ему войти, как тот вскочил ему навстречу.

«Адмирал, в чем причина этих бесполезных страпствий? — жестко спросил дуче, буравя Мауджери взглядом. Было видно, что он возбужден, хотя и старался держать себя в руках. — Почему меня наказывают таким страпсным образом? Начиная с воскресенья, я практически отрезан от мира. Я не имею известий от своих родных. Я сижу без гроша в кармане. Моя единственная одежда — та, что на мне. Я хочу знать, чем заслужил подобное обращение. Почему со мной обращаются, как с каким-то преступником? Ведь из письма, присланного мне Бадольо, следовало, что я отнюдь не под арестом. Просто по отношению ко мне приняты меры безопасности, чтобы оградить меня от возможного заговора».

После этих слов дуче достал из кармана смятый листок бумаги — то, что осталось от письма Бадольо, и зачитал его Мауджери. Наивность дуче слегка позабавила адмирала. «Это был эвфемизм, не более того, — подумал он про себя. — И кому, как не Муссолини, это было знать? В свое время он сам не раз точно так же “обеспечивал охрану” неугодных ему людей».

Муссолини между тем продолжал возмущаться. Он напомнил Мауджери о том, что в течение двух десятков лет стоял у руля Италии, что сам потерял в войне сына. Ему было обещано, что его в целости и сохранности доставят в

Рокка делла Камминате, и вот теперь, похоже, о данном ему обещании все забыли.

«Некрасиво так со мной обращаться, — заявил он. — Некрасиво и неразумно. Это наверняка не понравится Гитлеру, а ведь он питает по отношению ко мне сильнейшие дружеские чувства. Происходящее может получить нежелательные последствия. И вообще не понимаю, чего им бояться? Как политик я кончен. Меня предали. Я прекрасно знаю, что моя политическая карьера закончена».

В конце концов Муссолини слегка поостыл, и между ним и Мауджери вновь завязалась беседа. В какой-то момент Мауджери сказал своему собеседнику, что союзники настоятельно советуют Италии, если та хочет получить выгодные условия капитуляции, изгнать с полуострова немцев. Похоже, что дуче был с этим согласен. «Мы должны скинуть с себя эти оковы, — поддакнул он и кивнул. — Мы обязаны им сказать, что ведем войну вот уже три года, что мы потеряли целиком весь наш торговый флот и почти весь военный, что некоторые наши города полностью и частично разрушены. Мы должны сказать им, что они бессильны нам помочь. Другого пути для нас нет». Возможно, Мауджери этого не знал, но именно эти слова Муссолини намеревался высказать в лицо Гитлеру во время их личной встречи в Фельтре 19 июля.

«Германия — это стальной трос, — красочно пояснил дуче, что было в его духе. — Мы, итальянцы, конопляный канат — мы более эластичны, более упруги, если на нас

надавить. Стальной же трос, стоит его резко натянуть, моментально лопнет».

«Возможно, Ваше Превосходительство, мы в Италии замахнулись на вещи, которые нам не по росту», — заметил Мауджери.

«Верно, — согласился Муссолини, переходя на свою излюбленную тему. — У нас, итальянцев, все дело в характере. Все другие качества — выносливость, трезвый расчет, ум, — все это у них есть. Чего у них нет, так это характера. Понадобятся долгие годы воспитания и ужасные испытания, выпавшие на нашу долю». Муссолини уже давно критиковал итальянцев за их мягкотелость и любовь к приятным вещам, за отсутствие у них бойцовских качеств, которыми сполна были наделены их соседи по ту сторону Альп.

Вскоре Полито и Пелаги вернулись с вылазки на остров Понца. Это был небольшой, в форме полумесяца остров протяженностью миль пять. Разведчики объявили, что сумели таки отыскать для Муссолини подходящее место: скромный домишко в деревушке Санта-Мария, известный среди местных жителей как Дом Раса. Надо сказать, что выбор оказался весьма своеобразный. Ранее этот дом служил местом заключения Раса Иммуру, эфиопского князька, захваченного в плен в 1936 году во время итало-абиссинской войны. На острове он содержался по личному приказу дуче. (Понца, как и Вентотене, давно служил местом ссылки и заключения.)

Примерно в десять утра Муссолини в лодке переправили на Понца, где его отвели к небольшому серому строению

с зелеными ставнями. «Ко мне подошел Полито, — вспоминал позднее дуче, — и, указав на выкрашенный зеленой краской дом, наполовину закрытый огромными рыбацкими лодками, сказал: “Это ваше временное жилище”. Тем временем по какой-то невдомой мне причине все окна и балконы домов, как по команде, распахнулись, и в них столпились мужчины и женщины, вооруженные биноклями, которые следили за тем, как наша лодка приближается к берегу. В считанные мгновения весть о нашем прибытии разнеслась по всему острову».

Помимо проблем с обеспечением безопасности, Дом Раса на Понца не шел ни в какое сравнение с шикарными виллами, к которым привык дуче. Согласно одному донесению, вся обстановка дома сводилась к железной кровати (без постельных принадлежностей), старому грязному столу и стулу.

«Ваше Превосходительство, нас не предупредили о вашем прибытии на Понца, — оправдывался Марини, местный карабинер, которому было поручено присматривать за бывшим диктатором. — Лично я узнал об этом всего час назад».

«Не переживайте, капрал», — успокоил его Муссолини. Чуть позже он отправил Марини раздобыть для него матрац, простыни и подушки.

Именно в таких спартанских условиях 29 июля 1943 года, то есть на следующий день после прибытия на Понца, дуче отметил свое шестидесятилетие — вернее, если не счи-

тать приставленную к нему охрану, встретил его в полном одиночестве. По случаю такого события он удостоился от карабинеров подарка — четырех персиков. Муссолини согласился принять этот дар лишь после того, как Марини заверил его, что скромный подарок этот не слишком разорителен для жителей островка.

«Дни на Понца тянулись медленно, — вспоминал дуче. Он был полностью отрезан от внешнего мира. Ему было запрещено читать газеты или слушать радио. — На Понца я осознал всю низость заговора, с помощью которого от меня избавились. Я был убежден, что все это приведет к капитуляции Италии, а меня самого передадут в руки врагу».

ГЛАВА 7

ГИТЛЕР БЕРЕТ ДЕЛО В СВОИ РУКИ

Снова и снова во время совещаний он настаивал на том, что следует приложить все усилия к тому, чтобы найти пропавшего дуче. Он заявил, что судьба Муссолини — это кошмар, который давит на него денно и нощно.

*Альберт Шнейер о навязчивой идее
Гитлера найти Муссолини*

В начале августа, пока в Риме уже полным ходом шли засекреченные поиски Муссолини, партнеры по «оси» продолжали посматривать друг на друга с опаской и подозрением. Такой взгляд исходил и из итальянской столицы, и из Восточной Пруссии. Трудность для каждой из сторон

заключалась в том, как повернуть свои тайные дела, не спровоцировав при этом вторую сторону на открытые враждебные действия. Ни немцы, ни итальянцы не были готовы сбросить маски добросердечных партнеров и обнажить свои истинные намерения. Нравилось им это или нет, но бывшие друзья, несмотря на охлаждение отношений, не решались разорвать последние нити, которые все еще связывали их между собой.

Впрочем, отношения были уже не те. Пресловутая «ось» Берлин—Рим, некогда заставлявшая неприятеля трепетать от страха, похоже, доживала свои последние дни, превратившись в игру, в серию хитроумных взаимных интриг и обманов в духе Макиавелли — игру, которую ни одна из сторон не хотела бы проиграть.

Режим Бадольо уже начинал побаиваться неминуемого эндшпиля. В Риме гитлеровские ищейки вынюхивали едва ли не каждый камень итальянской столицы, каждый ее закоулок в надежде выйти на след пропавшего дуче. На севере страны через Бреннерский перевал в Италию входили все новые и новые немецкие части, причем делали это, даже не спросив формального разрешения у нового правительства, которому ничего другого не оставалось, как закрывать на это глаза, делая хорошую мину при плохой игре. А ведь уже в первую неделю августа на территорию Италии прибыли около 30 тысяч немецких солдат.

Официально они прибывали сюда как товарищи по оружию и в большинстве своем не проявляли враждебности по

отношению к итальянцам. Тем не менее каски некоторых из них украшал провокационный лозунг «Да здравствует дуче!», намалеванный яркой краской. Новое правительство, которое делало все для того, чтобы как можно скорее уничтожить идейное наследие фашизма, вряд ли видело в этой солидарности с бывшим диктатором обнадеживающий знак.

Не сумев в конце июля установить контакт с союзниками при посредстве Ватикана, Рафаэле Гварилья, новый министр иностранных дел Италии, предпринял еще один шаг к миру. 2 августа он отправил эмиссара по имени Ланца д'Аджета, члена итальянской миссии при Святом престоле, в Лиссабон, в нейтральную Португалию, чтобы там войти в контакт с союзниками через их представительство в этом городе. Несмотря на двусмысленное положение Италии, Бадольо, как, впрочем, и король, пребывал в уверенности, что либо он сам, либо его эмиссары рано или поздно сумеют убедить союзников, чтобы те пересмотрели свое жесткое требование «безоговорочной капитуляции». (В начале августа итальянцы послали еще двух эмиссаров. Один из них, Альберто Берно, отправился в Северную Африку, в Танжер, чтобы установить связи с англичанами. Другой, промышленник-миллионер Альберто Пирелли, поехал в Швейцарию, чтобы выяснить, согласятся ли нейтральные страны способствовать переговорам между Италией и союзниками.)

Увы, его оптимизм был неоправдан. Отказ выполнить это требование плюс вечные метания нового режима гро-

зили затянуть мирный процесс гораздо дольше, нежели он первоначально рассчитывал. С одной стороны, покидая Рим, д'Аджета так и не получил полномочий вести переговоры от лица итальянского правительства, все, что он мог сделать, это известить союзников о намерении Италии снять с себя союзнические обязательства перед Германией. «Д'Ажета (sic!) с начала и до самого конца ни словом не обмолвился об условиях мира, — писал Черчилль Рузвельту после лиссабонской встречи. — Вся его история — это не больше чем мольба спасти Италию от немцев и от себя самой, причем сделать это как можно быстрее».

Ну а поскольку в затылок Италии дышали гитлеровские части, король и Бадольо, похоже, не торопились переходить на другую сторону. И хотя истина нам до конца не известна, есть все основания предполагать, что оба пытались тянуть время в тщетной надежде на то, что Гитлер изменит свою позицию и позволит Италии в одностороннем порядке выйти из «оси».

Со своей стороны, Черчилль был готов сделать итальянцам поблажку. «Бадольо признает, что ведет двойную игру, — писал Черчилль 7 августа в записке Энтони Идену, министру иностранных дел. — Однако его собственные интересы и настроение итальянцев склоняют меня к тому, что обманутым в конце концов окажется Гитлер. Полагаю, учитывая трудность его положения, мы должны пойти на небольшие уступки».

Тем временем на другом конце Европы, в Восточной Пруссии, Гитлер продолжал нервно расхаживать по коридорам «Волчьего логова». Ожидание того, чем все закончится, для фюрера было столь же невыносимо, как и для итальянцев. К этому времени Гитлер уже расстался с мечтой похитить Бадольо и королевскую семью, после чего захватить Рим. Фюрер считал, что именно силовое решение раз и навсегда решит проблему верности европейского союзника Германии. Эта идея лила ему на душу бальзам — частично по личным причинам, частично потому, что Гитлер не сомневался, что она сработает. Не удивительно, что он постоянно грозился воплотить ее в жизнь.

Но, как говорится, нет худа без добра. Ситуацией в Италии можно воспользоваться с тем, чтобы взбодрить поникший боевой дух немцев, потому что, если верить Гсббельсу, «кое-кто пребывает в состоянии, близком к панике». Увы, несмотря на все мольбы министра пропаганды, Гитлер не нашел, чем их утешить. Итальянский кризис поставил его перед неразрешимой загадкой.

«Сейчас не лучшее время выступать с обращением к немецкому народу, — признался фюрер в разговоре с одним из своих приближенных. — Я не в состоянии высказывать сейчас мои взгляды относительно положения в Италии. Если я сейчас отзовусь о нем положительно, то тем самым окажу поддержку кругам, которые даже сейчас замышляют предательство. С другой стороны, я не могу выступить про-

тив нынешнего итальянского правительства по всем хорошо известным причинам военного характера. Вместе с тем я не могу закрывать глаза на эту проблему, поскольку в противном случае это было бы расценено как знак внутренней и внешней слабости. Как только итальянский вопрос прояснится — все равно, в какую сторону, — я тотчас же смогу выступить перед немецким народом».

Увы «прояснение итальянского вопроса» оказалось не столь легким делом. В течение всего августа этот самый вопрос и спасение Муссолини не давали Гитлеру ни минуты покоя во время его бесконечных совещаний в «Волчьем логове». «После того, как глава Италии был низложен и бесследно исчез, — вспоминал Альберт Шпеер, — Гитлер, казалось, проникся к нему поистине мифической верностью. Вновь и вновь во время совещаний он заводил речь о том, что дуче необходимо спасать. Нужно срочно обнаружить его местонахождение. Как-то раз он заявил, что судьба Муссолини — это кошмар, который давит на него денно и ночью».

* * *

К счастью для Муссолини, поисковая группа, работавшая в Риме, постепенно начала выходить на его след. Обратившись за помощью к одному из своих итальянских контактов, Герберт Капpler, представитель гестапо при посольстве Германии, выяснил, что вечером 25 июля дуче был доставлен в казарму карабинеров на Виа Леньяно.

«Среди итальянских чиновников, с которыми общался наш полицейский атташе, — вспоминал Скорцени, — был один капитан карабинеров, как здесь называют воспизированную полицию, который, похоже, в глубине души до сих пор поддерживает фашистский режим. В ходе разговора этот человек сделал одну важную оговорку: скорее всего, дуче привезли в казарму карабинеров в карете «скорой помощи». Мы проверили эту информацию и в конечном итоге выяснили, в какой части здания и на каком этаже держали пленника». Увы, плохие вести заключались в том, что к тому моменту, когда они это узнали, Муссолини уже переехали в другое место.

Но даже до того, как это стало известно, им помог случай. В течение нескольких дней после исчезновения дуче немцам удалось отыскать двух очевидцев, причем соотечественников, чьи рассказы подтверждали друг друга. Один из них, инженер люфтваффе по фамилии Дессауэр, судя по всему, обратил внимание на конвой машин, проследивший по улицам Гаэты в тот вечер, когда Муссолини передали адмиралу Мауджери и поместили на борт корвета «Персефона». Эта история совпадала с рассказом офицера германского флота, который сказал, что видел, как дуче входил на борт судна в Гаэте.

По словам адмирала Дёница, который был частым гостем в «Волчьем логове» в период исчезновения Муссолини, получив эти многообещающие известия, Гитлер начал активно участвовать в расследовании. (Он уже потребовал,

чтобы его держали в курсе всех новостей.) Когда Дёниц в начале августа прибыл в Ставку фюрера для участия в совещаниях, он отметил для себя, что Гитлер временно отложил другие, не менее настоятельные дела с тем, чтобы допросить потенциальных свидетелей. Первым в их списке был Дессауэр, которого генерал Штудент самолетом переправил в Растенбург, чтобы Гитлер мог допросить его лично.

«Во второй половине дня летчик-инженер Дессауэр имел беседу с фюрером, — писал Дёниц в дневнике 2 августа. — Он доложил, что видел кавалькаду машин, охраняемую карабинерами, хотя самого дуче не видел». (Для удобства многие записи флотских чинов приписывались Дёницу. Впрочем, отдельные записи действительно принадлежали Дёницу.)

Судя по всему, это был тот самый конвой, который доставил Муссолини из кадетской казармы в Риме на пристань имени Констанцо Чиано в Гаэте в ночь с 27-го на 28 июля. В конце дня Гитлер приказал привести к нему свидетеля-моряка. «В ходе вечернего совещания был отдан приказ немедленно и без лишнего шума доставить морского офицера Лауриха из Гаэты через Берлин в Ставку фюрера. Этого офицера упомянул в своем рассказе Дессауэр как еще одного свидетеля». Гитлер, ухватившись за их показания, моментально сузил географию поисков. «Вскоре поступило распоряжение, что операция “Дуб” будет ограничена островом Венготене».

Венготене. Именно в этой точке поиски дуче начали отклоняться от верного курса. В те минуты, когда Гитлер до-

прашивал Дессауэра, Муссолини маялся от безделья, сидя в Дома Раса на острове Понца (примерно в сорока километрах от Вентотене). Главным источником версии Вентотене — как наверняка было сказано Гитлеру — был морской офицер Лаурих, служивший на немецкой базе в Гаэте. Судя по всему, эту информацию он получил от одного знакомого итальянца, тоже морского офицера, с которым успел подружиться за время пребывания в Гаэте. Встреча Лауриха с Гитлером состоялась лишь через несколько дней.

Вскоре к версии Вентотене присоединился и шеф СС Генрих Гиммлер. Пятого августа Дёниц получил из «Волчьего логова» сообщение о том, что «согласно дополнительной информации, полученной от рейхсфюрера СС, в качестве цели операции “Дуб” следует рассматривать только остров В». Правда, оставалось непонятно, что подтолкнуло Гиммлера к такому выводу.

Что, однако, странно, оба острова — и Вентотене, и Понца — в целом подходили под описание места содержания дуче, на которое указывали гиммлеровские ясновидящие. Немецкий астролог Вильгельм Вульф в конце июля заявил, что дуче находится к юго-востоку от Рима, на расстоянии не более ста километров от столицы. Ваннзейская группа — если верить Вальтеру Шелленбергу — оказалась еще более точна в своих выводах: некий Магистр Звездного Маятника заявил, что Муссолини держат на острове к западу от Неаполя, хотя, разумеется, и не сказал, на каком именно.

Хотя Вентотене был заведомо ложной версией, которую вполне могла нарочно подбросить Гитлеру итальянская разведка, этот остров завладел воображением немцев на несколько недель.

* * *

Даже гоняясь за тенью дуче, Гитлер продолжал спорить со своим окружением относительно надежности режима Бадольо, чьи истинные намерения вызывали у нацистской верхушки серьезные разногласия. Так, например, Йодль и Дёниц время от времени были склонны проявлять благодушие в том, что касалось нового правительства в Риме. Впрочем, в одном проникательности фюрера следует воздать должное: внутренне чутье подсказывало ему, что Бадольо наверняка попытается вести двойную игру.

«Во время дневного совещания у фюрера генерал Йодль доложил, что итальянцы полностью прекратили сопротивление нашим мерам, — писал Дёниц 3 августа. По всей видимости, Йодль хотел сказать, что итальянцы не предпринимали никаких действий к тому, чтобы воспрепятствовать вводу немецких войск в северную Италию. На Гитлера этот аргумент не подействовал. — Во время обсуждения причин такого бездействия фюрер высказал точку зрения, что итальянцы нарочно тянут время, чтобы договориться союзниками прежде, чем пойти на открытый разрыв с Германией. Йодль и [Дёниц] предположили, что, возможно, итальянцы находятся в бедственном положении и потому склонны по-

лагаться на нас. Думается, нужно подождать, пока ситуация окончательно не прояснится».

Впрочем, Гитлер, у которого на тот момент не имелось веских доказательств ни местонахождения Муссолини, ни вероломства Бадольо, не был готов нанести удар. «Операции “Ось”, “Дуб” и “Шварц” решено отложить», — писал Дёниц. Это, в свою очередь, означало, что со спасением дуче решили не спешить, равно как и с планами Гитлера подчинить Италию силой, хотя приготовления ко всем операциям по-прежнему шли полным ходом.

Эту нерешительность очень хорошо выразил генерал-фельдмаршал Кейтель в письме жене. «Помимо разрушительной бомбардировки Гамбурга, — сообщал он в своем письме от 3 августа, — мне почти нечего рассказать, потому что все находится в подвешенном состоянии и нам остается лишь ждать дальнейшего развития событий в Италии. Бадольо заверяет нас, что продолжит войну и что якобы только на этом условии он согласился принять пост. Где Муссолини, никто не знает».

* * *

Последнее предложение Кейтеля не совсем соответствовало действительности. К тому моменту немцы прониклись уверенностью, что имеют неплохое представление о том, где находится дуче, а именно — на острове Венготене. Более того, 6 августа Гитлер вызвал небольшую панику у себя в «Волчьем логове» тем, что заявил, будто итальянцы го-

товы вывезти Муссолини с острова на борту эсминца. Это известие не только привело самого фюрера в бешенство, но и стало причиной долгого спора между ним и Дёницем по поводу того, как предотвратить этот шаг, избежав одновременно открытой конфронтации с военным партнером, чтобы не повредить целостности «оси».

Дёниц, который весь август провел, мечась между Берлином и «Волчьим логовом», находился в своем берлинском кабинете, когда 6 августа в 1.45 пополудни получил это известие. «Адмирал в штабе фюрера, — писал он, — докладывает, что рейхсфюрер СС [Гиммлер] прислал информацию о том, что итальянцы держат наготове эсминец, чтобы в случае чрезвычайной ситуации “вывезти ценный предмет”». «Ценным предметом» был Муссолини. Так его называли во всех донесениях.

«Эсминец якобы стоит на рейде в Гаэте. Фюрер требует, чтобы Дёница поставили в известность и чтобы адмирал провел проверку местоположения итальянских эсминцев. Превентивные меры следует принять незамедлительно. Фюрер предлагает задействовать субмарины». Через четверть часа Гитлер направил Дёницу уже более конкретное распоряжение: «Адмирал в штабе фюрера докладывает по телефону, что фюрер не имеет возражений против блокады гавани В немецкими подлодками».

Этот приказ поставил Дёница перед дилеммой. Безусловно, немецкий флот мог попытаться заблокировать гавань Вентотене, как того требовал Гитлер, в 4 часа пополудни.

«Незаметно блокировать гавань, даже подводной лодкой, невозможно, потому что это означало бы, что она стоит прямо у входа в гавань. Кроме того, ему известно, что нет таких средств, которые бы могли обезвредить стоящий на рейде эсминец, не привлекая к себе внимания. Исходя из этих соображений, Дёниц возражает против блокады — не потому, что она невозможна в принципе, а с тем, чтобы заранее не раскрывать наши намерения. Если итальянцам станет известно о наших планах, они наверняка тайком вывезут с острова “ценный предмет”, например, на моторной лодке куда-нибудь в другое место».

Дёниц также указал Гитлеру на очевидную вещь: любые попытки воспрепятствовать итальянцам вывезти Муссолини будут автоматически означать разрыв союзнических отношений. «Единственное военное решение проблемы заключается в попытке силой помешать итальянцам в осуществлении их планов, однако этот шаг имел бы серьезные последствия, и принимать такое решение не входит в круг полномочий Дёница». На самом же деле решение было не военным, а политическим, и принимать его или нет — было прерогативой Гитлера.

Дёниц ждал, что на это ответит фюрер. Ответ пришел лишь в 6.30 вечера. «Ответ от адмирала в штабе фюрера: фюрер подумает над этим вопросом».

Как выяснилось, Гиммлер был близок к истине.

Во второй половине дня 6 августа, в тот самый день, когда Гитлер и Дёниц спорили по поводу осуществимости блокады гавани Вентотене, адмирал Мауджери получил приказ

о том, что он должен сопроводить дуче в новое место. «Мы должны перевезти Муссолини в более безопасное место, нежели Понца, — сообщил ему адмирал Рафаэле де Куртен, новый министр по делам флота, — туда, где немцам его ни за что не достать». Выбор пал на остров Маддалена, расположенный к северо-востоку от северной оконечности Сардинии. Тем же утром на Маддалену вылетел офицер карабинеров, чтобы провести рекогносцировку местности.

Позднее Бадольо утверждал, что остров Понца стал надежным местом для содержания дуче по причине слухов, которыми полнился Рим. «Его перевели на остров Понца, — вспоминал позднее Бадольо, восстанавливая цепочку событий, — но через несколько дней мы были вынуждены перевезти его на Ла Маддалену, потому что весь Рим знал, где он находится, и открыто говорил на эту тему, поэтому существовало опасение, что немцы попробуют его освободить, нанеся *coup de main*».

Вечером 7 августа Мауджери вернулся в Гаэту, где вошел на борт FR22. Это был эсминец, спущенный на воду двадцать лет назад, который в своей предыдущей жизни носил более экзотическое название — «Пантера» и принадлежал французам. («Пантера» имела интересную историю. В ноябре 1942 года в Тулоне французы затопили ее, чтобы она не досталась немцам. В марте 1943 года ее подняли итальянцы и переправили в Италию, где она получила название FR22. Ее судьба закончилась плачевно — 9 сентября 1943 года итальянцы затопили ее на рейде Специи по

тем же причинам, что и французы.) Судно бросило якорь у берегов острова Понца в 11.30 вечера. Вскоре на его борт доставили Муссолини, разумеется, под вооруженной охраной, численность которой возросла до восьмидесяти карабинеров и полицейских. «Пантера» отправилась в путь по лазурным водам Тирренского моря к острову Маддалена, расположенному менее чем в двухстах пятидесяти километрах к северо-западу от Понцы. Что касается Мауджери, то он в очередной раз оказался лицом к лицу с дуче.

На сей раз ему показалось, что тот выглядит чуть лучше. Более того, в глазах пленника он заметил «прежний блеск». Увы, откровенно хуже смотрелся помятый синий костюм, который Муссолини был вынужден носить все это время. Было видно, что бывший диктатор рад возможности поговорить и на протяжении нескольких часов не закрывал рта, радуясь тому, что заполучил внимательного собеседника.

Когда же Мауджери поведал, что итальянцы опасаются спасательной операции со стороны немцев, дуче ответил, что эта идея ему крайне неприятна. «Это самое унижительное, что они могут сделать со мной, — заявил Муссолини, убежденный в том, что следующим шагом станет фашистское правительство в изгнании. — Подумать только! Полагать, что я перееду жить в Германию и при поддержке немцев создам правительство в изгнании! Нет, нет и еще раз нет! Этого никогда не будет!»

В какой-то момент Мауджери выразил свое удивление по поводу того, что фашистский режим рухнул в одночасье, что

его «оказалось возможным свергнуть всего за пару часов, причем для этого даже не потребовалось усилий. Никто даже не попытался встать на его защиту, никто не пошел на баррикады с именем Муссолини на устах, никто не стал размахивать фашистским флагом». У дуче, а он понимал, что его собеседник говорит правду, моментально нашелся с готовый ответ.

«Это лишь очередной пример того, что у итальянцев напроць отсутствует характер, — заявил Муссолини. — И тем не менее то, чего сумел достичь фашизм, не осталось втуне. Есть многое такое, что невозможно уничтожить, что нельзя отрицать или отвергать... Пройдет время, и о фашизме вспомнят и начнут по нему тосковать. По-настоящему он никогда не умрет». Дуче с пафосом продолжал вещать о негибасмой силе фашизма, и Мауджери отметил про себя, как изменилось его лицо. Оно сделалось похоже на «знаменитую римскую маску — выдвинутый вперед подбородок, горящие глаза, — которую мы лицезрели, когда он выступал с балкона перед толпами людей».

Вина за упущения и недостатки фашистского режима, пояснил его основоположник, лежит на самих итальянцах. Они просто до него не доросли. «Итальянцы слишком себялюбивы, — жаловался он Мауджери, — слишком циничны. Им не хватает серьезности... Вот у немцев все по-другому: те с готовностью подчинились нацизму и строгой дисциплине. Для них это в порядке вещей. Они еще даже не осознали, что такое индивидуализм. Вот почему Гитлеру было гораздо легче, чем мне. Немцы — природенные нацисты, из итальянцев же фашистов еще надо было сделать».

Новой тюрьмой Муссолини стала симпатичная вилла в мавританском стиле с видом на море, расположенная на окраине городка Маддалена, на южном берегу одноименного острова. Построенный в середине девятнадцатого века неким англичанином по имени Джеймс Вебер, этот небольшой двухэтажный особняк уютно примостился между невысоких холмов в окружении соснового леса. Охрану места заключения дуче, как только тот прибыл на остров, круглосуточно обеспечивали около ста человек, карабинеров и полицейских.

«Этот дом был словно построен специально для меня, — вспоминал дуче. — Он был расположен за чертой города, на холме, в окружении сосен. В свое время его построил англичанин по имени Вебер, который только по ему одному ведомой причине выбрал в качестве своего обиталища самый голый и пустынный остров к северу от Сардинии. Был ли он шпионом? Очень даже может быть». (Жители острова, очевидно, придерживались иных взглядов на первого владельца виллы. В конце XIX — начале XX века городской совет решил назвать в честь Вебера (он умер в 1877 году) одну из улиц. В муниципальных архивах Вебер описывался как человек «с чувством чести, сын прославленного генерала Вебера, который подобно байроновскому Чайльд Гарольду любил одиночество, любил остров, а в своем доме устроил библиотеку, которой мог бы гордиться любой город».)

К тому моменту, когда туда прибыл Муссолини, остров был еще более голым и пустынным, нежели век назад. Большинство его жителей — а на острове располагалась итальянская военная база — были эвакуированы после того, как войска союзников подвергли его массированной бомбардировке. Так что все население острова составляли лишь моряки и рыбаки.

«Знойные дни тянулись медленно и однообразно. Никаких новостей из внешнего мира не поступало», — вспоминал Муссолини, который большую часть времени проводил на террасе, глядя поверх гавани на горы Сардинии, либо прогуливался по сосновому лесу в сопровождении одного из охранников. Он также продолжал записывать мысли в некоем подобии дневника, который вел с момента своего падения, в основном, разрозненные заметки и псевдофилософские размышления. Приведем несколько отрывков.

«Что касается благодарности, то в этом отношении животные выше людей, наверно, потому, что наделены не разумом, а инстинктами».

«Этим утром солнце тщетно пытается пронзить серую толщу туч, что движутся с востока. Море напоминает свинец».

«Массы всегда готовы низвергнуть вчерашних богов, даже если пожалеют об этом завтра. Что касается меня, то о возвращении не может быть и речи. Моя кровь, мой безошибочный голос подсказывают мне, что моя звезда закатилась навсегда».

«В течение всей моей жизни у меня не было так называемых “друзей” и я всегда спрашивал себя, что это, благо или

недостаток? И вот теперь я уверен, что это хорошо, что нет никого, кто был бы вынужден страдать вместе со мной».

Дуче также получил специальной почтой посылку. «Единственным сюрпризом для меня стал подарок фюрера, — вспоминал Муссолини, — прекрасно изданное полное собрание сочинений Ницше в двадцати четырех томах с дарственной надписью. Истинное чудо немецкого книгоиздательства». Ницше, который, помимо всего прочего, был автором таких фашистских лозунгов, как «Живи опасно!», был любимым философом обоих диктаторов. Этот запоздавший подарок ко дню рождения прибыл в огромных размерах ящике и сопровождался письмом от Кессельринга, в котором, в частности, говорилось: «Фюрер будет искренне рад, если великие труды немецкой литературы доставят вам, дуче, удовольствие и вы сочтете их выражением тех теплых чувств, которые питает к вам вождь Германии».

Это был тот самый подарок, который Макензен, посол Германии в Риме, пытался лично вручить Муссолини 29 июля, в день его шестидесятилетнего юбилея, когда встречался с королем Италии. Не желая обострять отношения с немцами, итальянские власти согласились передать Муссолини подарок фюрера. «Он постоянно спрашивал об этом подарке, — вспоминал Бадольо, — пока не получил личное подтверждение от самого Муссолини».

Во время своего пребывания на Маддалене, дуче поинтересовался у генерала Саверио Полито, исполнявшего на тот момент обязанности главного охранника, почему его

просьба доставить его в Рокка делла Камминате была оставлена без внимания. На что Полито ответил, что загородная резиденция дуче в Романье не соответствует требованиям безопасности. Префект Форли, один из чиновников, на которых была бы возложена ответственность за охрану дуче, если бы того поместили в загородную резиденцию, якобы недавно поставил Бадольо в известность о том, что он не уверен, что смог бы оградить бывшего диктатора от разъяренной толпы». (Это объяснение было не так уж далеко от истины. Тем не менее тот факт, что немцы вели активные поиски бывшего диктатора, был еще одной веской причиной отказать Муссолини в его просьбе.)

Когда же Муссолини только презрительно фыркнул в ответ на такое объяснение, Полито попробовал нарисовать ему яркую картину антифашистских настроений, царивших среди итальянцев. «По всей стране проходят демонстрации ненависти в ваш адрес, — сказал Полито. — В Анконе я видел, как ваш бюст валялся на полу в общественном туалете».

ГЛАВА 8

НАЛЕТ НА САНТО-СТЕФАНО

Похоже, нужно как можно раньше осуществить операцию «Дуб». Генерал убежден, что Муссолини находится на Санто-Стефано.

Запись из архива ВМФ Германии, 9 августа 1943 года

Даже играя в Тирренском море в странные прятки с участием Муссолини, на дипломатическом уровне немцы

и итальянцы изо всех сил старались соблюдают приличия. 6 августа «ось» Берлин—Рим провела свою первую после переворота конференцию. Хотя ни Гитлер, ни Бадолье не присутствовали на однодневном совещании в Тарвизио, в северной Италии, они использовали его для того, чтобы хорошенько пощупать друг друга на предмет дальнейших намерений. Вполне естественно, что атмосфера переговоров была натянутой, если не откровенно холодной.

Как иначе расценить «величественное появление» немецкой делегации — ее возглавляли министр иностранных дел Иоахим Риббентроп и глава ОКВ маршал Вильгельм Кейтель, которая прибыла в город на бронепоезде, щедро «украшенном» пулеметными стволами, зенитными орудиями и напичканном эсэсовцами. Не удивительно, что многие итальянцы подумали, что немцы явились лишь для того, чтобы запугать их силой оружия. Итальянскую сторону представляли министр иностранных дел Рафаеле Гварилья и генерал Витторио Амброзио, занимавший примерно тот же пост, что и Кейтель. (Кстати сказать, оба, и Амброзио, и Гварилья, были в числе тех, кто подлежал аресту в соответствии с планом операции «Штудент».)

Согласно многим свидетелям, среди немцев царила настоящая паранойя. «Мы должны оставить все наши секретные документы и ключи к шифрам на немецкой земле, — объявил Риббентроп перед отъездом в Тарвизио. По крайней мере так пишет его переводчик Пауль Шмидт. «Мы не можем исключать вероятность того, что эти разбойники

попытаются по совету англичан или американцев похитить нас, когда мы приедем к ним».

«Несколько эсэсовцев сидели рядом с нами в вагоне с автоматами наготове, — вспоминал Шмидт. — И когда мы прибыли в Тарвизио, они тотчас образовали защитный кордон вокруг вагона-салона, в котором должны были состояться переговоры». Генерал Вальтер Варлимонт, член немецкой делегации, прибывшей в Тарвизио, так вспоминал о распоряжении Гитлера: «Ни при каких обстоятельствах мы не должны были есть и пить то, что прежде не попробовали представители принимающей стороны». Надо сказать, что Гитлера все лето преследовал страх, что итальянцы могут покушаться на жизни его эмиссаров.

Риббентроп, с самого начала объявивший, что его целью было «обсудить ситуацию, которая возникла в результате произошедших в Италии изменений и имела определенные политические и психологические последствия», не сделал ничего, чтобы хотя бы частично снять царившую между сторонами напряженность. Сделав первое свое заявление, он попросил у Гварилья «разъяснений» недавних событий — вежливый и сдержанный способ потребовать у итальянской стороны ответа на то, куда и как исчез Муссолини и почему распущена фашистская партия.

Однако Гварилья ни на йоту не отошел от официального сценария, согласно которому имевшая место 25 июля смена режима — это внутреннее дело Италии и никоим образом не влияет на отношения внутри «оси». «Было бы неразум-

но, — заявил хитрый неаполитанец, имея в виду роспуск фашистской партии, — доверять управление страной людям, на чьей совести свержение дуче».

Здесь мы опять сталкиваемся со старым мифом — тем более правдоподобным, поскольку он содержит элемент истины, — который был скормлен немцам несколькими днями ранее, во время аудиенции Макензена и короля Италии. Мол, Муссолини утратил власть по причине предательства его собственных подчиненных в Большом фашистском совете. Такие люди, хитро подчеркнул Гварилья, недостойны того, чтобы стоять у руля страны.

В какой-то момент Риббентроп, которому Гитлер поручил прозондировать Бадольо на предмет его истинных намерений, спросил, что называется, в лоб у второй стороны, намерена ли она вести мирные переговоры с союзниками. Гварилья, который именно этим и занимался, не моргнув глазом, заявил Риббентропу, что никаких переговоров не ведется. Немцы не стали продолжать эту тему.

Так получилось, что Риббентроп был не единственным, кто потребовал объяснений. Амброзио, глава итальянского Верховного командования, решил выудить из Кейтеля признание, почему в северной Италии вдруг наблюдается такая мощная концентрация немецких войск.

«Амброзио потребовал ответа, почему через Бреннерский перевал в страну течет нескончаемый поток немецких подразделений, — вспоминал Ойген Долльман, выступавший на переговорах в роли переводчика, — на что

его немецкий коллега ответил встречным вопросом: по какой причине Италия выводит свои части из Греции и с Балкан? Взаимное недоверие росло, и разговор постепенно начал вестись на повышенных тонах. Кейтель и Амброзио даже не заметили, как начали орать друг на друга, словно на плацу, и я уже приготовился услышать фатальные слова “дуче”, “предательство”, “верность “оси”, которые в любой момент могли взорвать воздух подобно залпу прапнели».

Положение Амброзио было довольно двусмысленным. Когда после вторжения союзников на Сицилию итальянцы просили у Германии оружия и помощи, они были обескуражены скупостью Гитлера. И вот теперь, когда Италия решила в тайне от союзника искать мира, для них было важно удалить с ее территории чужие войска, Гитлер же неожиданно проявил несвойственную ему щедрость. И хотя итальянцы были не в силах поставить заслон на пути мощного потока немецких дивизий, им удалось поднять на переговорах еще одну болезненную тему.

Темой этой было возвращение итальянских солдат, сражавшихся на чужих фронтах. В свете итальянского решения перейти в войне на другую сторону было бы вполне разумно отозвать их на родину, где они пригодились бы в предстоящих сражениях с новым врагом — то есть с нацистской Германией. Разумеется, итальянцы никак не могли объяснить эту свою просьбу такими причинами. Вместо этого они выдвинули следующий довод: солдаты нужны для обороны Италии. В ответ Кейтель заявил, что обсудит этот вопрос с Гитлером.

В целом же можно сказать, что конференция провалилась. Единственное, что объединяло обе стороны, это взаимная подозрительность и то, что они обе к моменту ее завершения «были опьянены собственной ложью и вероломством». Впрочем, Риббентроп еще не закончил плести интриги. Словно для того, чтобы еще больше усилить атмосферу абсурда происходящего в Тарвизио, немецкий министр иностранных дел в некотором смысле запустил в итальянскую сторону бомбу, заявив, что встреча на высшем уровне между Гитлером и королем Италии должна состояться не где-нибудь, а на немецкой земле!

«Главы обеих стран должны были встретиться на земле Германии, — не без сарказма вспоминал Долльман, — подобно овечкам, мирно пощипывающим травку, с тем чтобы раз и навсегда покончить с непониманием и взаимными подозрениями». Это следовало понимать так: Гитлер примирился с кончиной фашистского режима и теперь был готов к сотрудничеству с правительством Бадольо как законным представителем власти в Италии.

С итальянской точки зрения это новое предложение, на первый взгляд вполне разумное, попахивало чем-то неприятным и угрожающим. Бадольо сразу после переворота уже запрашивал о подобной встрече, однако получил от Гитлера отказ. Может, это в характере фюрера задавались вопросом итальянцы, столь резко поменять настроение всего за несколько дней? Что-то не очень похоже. В свете все более

и более агрессивного поведения фюрера, сама мысль о том, чтобы сесть с ним за стол переговоров, наверняка вызывала легкую дрожь у нового итальянского режима.

Причем это вполне обоснованно. Подобное предложение вполне могло быть первым шагом Германии в ее попытке похитить короля, как, впрочем, и самого Бадольо, который также получил приглашение участвовать в такой встрече. «Как бы там ни было, — вспоминал Долльман, — Гварилья с макиавеллиевским мастерством сохранил самообладание, заявив, что это решать Риму, прекрасно зная, что текущие переговоры с Западом исключали любую возможность согласия».

Перед тем, как покинуть Тарвизио, Риббентроп взялся завершить еще одно незавершенное дело, на первый взгляд не имевшее прямого отношения к итальянцам. Дело это касалось Макензена, послапника Германии в Риме. Как уже было видно ранее, Макензен проявил крайнюю близорукость, не заметив, казалось бы, очевидных сигналов готовящегося переворота. И вот теперь наступил момент ответить за это упущение. Как только конференция завершилась, Риббентроп вызвал к себе Макензена, который также присутствовал в Тарвизио, чтобы сообщить ему неприятное известие: посла отзывают в Германию, причем немедленно.

Макензена отозвали без всякого предупреждения. Когда он поднялся на подножку вагона поезда, отбывающего в Германию, в руке у него был лишь портфель.

3 августа Гитлер выразил сомнение в необходимости похищения Муссолини, сказав, что с этим можно повре-

менить. Тем не менее после Тарвизио операция по поиску и освобождению дуче вновь оказалась в списке первоочередных задач. Разумеется, тогда нацисты понятия не имели, что дуче буквально у них под носом посадили на борт эсминца и перевезли на остров Маддалена у побережья Сардинии. Гитлер все еще сделал ставки на Венготене, крошечный островок к западу от Неаполя.

8 августа адмирал Дёниц наконец допросил морского старшину Лауриха — того самого свидетеля, которого Гитлер вызвал несколькими днями ранее, и заставил его дать обещание «абсолютной секретности» в том, что касалось пропавшего дуче. На следующий день оба вылетели в Восточную Пруссию, в Ставку Гитлера. Там Дёниц принял участие в совещании (один, без Лауриха), слушая, как фюрер поносит вероломных итальянцев.

«Был сделан обзор текущей обстановки на фронтах, — отмечал Дёниц, — за которым последовало обсуждение ситуации в Италии. Вступление наших войск на итальянскую землю было отмечено возросшим числом несчастных случаев, правда, в основном, мелких. Недоверие нарастает. Фюрер убежден, что король Италии и правительство Бадольо замышляют измену».

Однако главное событие произошло вечером. Именно тогда Лаурих, скромный унтер-офицер военного флота, оказался в обществе Адольфа Гитлера и военно-политической верхушки Третьего рейха. «После того, как обсудили обстановку на фронтах, — писал Дёниц, — унтер-офицер

флота Лаурих выступил с донесением перед горсткой избранных». Кроме самого фюрера, к ней принадлежали Дёниц, Риббентроп, Геринг, Гиммлер и еще несколько дипломатов и высших военных чинов. В числе последних мог быть и генерал Штудент, которого Гитлер немедленно вызвал из Италии к себе в Ставку.

Свидетельства Лауриха произвели на Гитлера впечатление (как уже говорилось выше, Лаурих заметил, как Муссолини поднимается в Гаэте на борт корвета, а затем получил от своего знакомого итальянца, морского офицера, информацию о том, что бывшего диктатора перевозят на Вентотене). Как писал все тот же Дёниц, «фюрер отпустил его со словами “Отлично, мой мальчик”. После чего последовало длительная дискуссия по поводу операции “Дуб”».

Фокус поиска сместился к небольшому островку Санто-Стефано — скале вулканического происхождения, выступавшей из воды примерно в миле к востоку от Вентотене. Внешне Санто-Стефано напоминал огромный валун, который какой-то великан забросил в море. Он был практически гол, если не считать странного вида тюрьмы в форме подковы, которая появилась здесь в восемнадцатом веке. Именно эта тюрьма, по всей вероятности, и завладела воображением фюрера.

В целом Гитлер уже созрел для того, чтобы дать добро операции «Дуб». «Чем раньше она начнется, тем лучше, — отмечал Дёниц в своем отчете о совещании, состоявшемся вечером 9 августа. — Все убеждены в том, что Муссоли-

ни содержится на Санто-Стефано. Именно по этой причине операция ограничится этим островом. Аэрофотосъемка показывает, что единственный доступ к острову, а именно — вырубленные в камне ступени и дорогу — можно легко взять под контроль. Остальная часть береговой линии представляет собой утесы высотой более 15 метров».

Следующий шаг состоял в том, чтобы составить детальный план операции. «Долго обсуждался вопрос о том, что предпочтительнее — сбросить парашютный десант или же произвести высадку на берег с моря. Дёниц склоняется к тому, чтобы высадиться в ночное время на неохраняемом участке побережья, ибо только подобная тактика гарантирует успех. Альтернативный вариант, если высадка на берег окажется неудачной, предполагает использование парашютистов и поддержку со стороны самолетов люфтваффе. Фюрер подчеркнул необходимость прикрытия операции силами нескольких субмарин».

Операция усложнялась с каждой минутой. Гитлер, например, начал подумывать о том, как вырвать из заключения дуче, не нарушив при этом целостности «оси», задача явно не из легких. Чтобы избежать открытой конфронтации с бывшим партнером, он был готов отрицать какую-либо причастность Германии к операции по освобождению Муссолини и возложить ответственность на итальянских фашистов. «Не исключено, что при данных обстоятельствах нам придется, по крайней мере временно, отрицать любую причастность флота и военно-воздушных сил с тем,

чтобы создать впечатление, что это содеяно руками местных фашистов».

Гитлер, который 25 июля грозился ввести в Рим немецкие танки, в последующие дни начал проявлять осмотрительность. Отношения между странами «оси» превратились в «игру», и фюрер осторожничал, не спеша без надобности раскрывать свои карты.

Обсудив в общих чертах план спасения Муссолини, Гитлер вновь пустился в разглагольствования. «По мнению фюрера, итальянцы запятнали себя несмываемым позором, так жестоко и несправедливо обойдясь с дуче после того, как он в течение двадцати лет вел Италию в будущее, и все это время его имя превозносили и стар, и млад, — писал Дёниц. — Фюрер считает, что столь горькая участь постигла дуче по причине их тесных уз дружбы, что связывали их все эти годы. Фюрер также склонен полагать, что на нынешнее итальянское правительство полагаться нельзя, и по причине недавних событий опасается нового предательства».

* * *

Спустя два дня, 11 августа, Гитлер был готов обсудить подробный план спасения Муссолини. Во время послеобеденного совещания он продолжал метать громы и молнии в адрес режима Бадольо. «Итальянцы боятся показать свои истинные намерения до тех пор, — заявил он, — пока поездка Гранди в Лиссабон или встреча между Черчиллем и Рузвельтом в Канаде не принесут результатов. Переговоры

итальянцев с Западом идут полным ходом. И они примут любые посулы англосаксов при условии, если будет гарантировано правление королевского дома. Эти переговоры не что иное, как измена. С нами они поддерживают отношения лишь для того, чтобы выиграть время». (Рузвельт и Черчилль встретились в Канаде на Квебекской конференции (кодовое название «Квадрант». Ее повестка дня, помимо отношений с Италией, включала и другие вопросы.)

Гитлер имел в виду Дино Гранди, инициатора так называемой резолюции Гранди и одну из ключевых фигур при вынесении вотума недоверия Муссолини на заседании Большого фашистского совета. Немцы полагали, что Гранди по поручению Бадольо готовится к поездке в Португалию для переговоров с союзниками о сепаратном мире. Как будет показано ниже, подозрения Гитлера относительно намерений Гранди были далеко не беспочвенны.

Безрезультатная встреча в Травизио, которую обе стороны сочли крайне неудачной, лишь подлила масла в огонь подозрений фюрера. «В отличие от предыдущих встреч, — заявил он, — на встрече в Травизио итальянцы не обращались к нам за военной помощью и вообще не проявляли никакой активности». Что не удивительно, ведь на тот момент Бадольо меньше всего желал видеть на итальянской земле новые немецкие части!

В тот вечер Гитлер и его советники обсуждали детали операции «Дуб». В совещании принимали участие адмирал Дёниц, Гиммлер, Риббентроп, генерал Альфред Йодль

(одна из ключевых фигур Генштаба), генерал Штудент и офицер флота Герхардт фон Кампц.

Присутствовал на вечернем совещании плана и Эрвин Роммель, но, судя по всему, он сумел покинуть его прежде, чем дело дошло до обсуждения деталей плана похищения дуче. Чему сам Роммель был несказанно рад. «Во время вечернего заседания, — писал он в своем дневнике 11 августа, — фюрер продолжал рассматривать аэрофотоснимки Вентотене, острова, на котором содержали дуче. Он велел остаться Дёницу и Штуденту, чтобы обсудить с ними освобождение Муссолини. Надеюсь, это задание обойдет меня стороной. Я не вижу в нем ничего хорошего».

Как только Роммель ушел, Гитлер и его генералы приступили к обсуждению подробностей плана по захвату Санто-Стефано. Предполагалось, что в этой комбинированной операции с участием флота и самолетов люфтваффе будут задействованы несколько сот парашютистов и моряков.

«Во главе операции мы ставим генерала Штудента», — заявил Гитлер. Хотя его целью номер один был Санто-Стефано, план был составлен довольно гибко и оставлял возможность для других операций.

«Мы ограничим нашу операцию высадкой на Санто-Стефано, — пояснил Гитлер. — Липь в том случае, если мы не найдем там Муссолини, но нам станет известно его местонахождение, мы тотчас произведем высадку парашютистов в ином месте. Соответственно, следует продумать участие в операции военно-морских сил. В этих целях необходимо

оговорить специальные шифрованные названия для Вентотене (иначе говоря, для Санто-Стефано) и Понца».

Хотя и с опозданием, Понца тоже был включен в список возможных целей. (Напомню, что именно на этом острове итальянцы прятали Муссолини в первые десять дней после переворота, с 28 июля по 7 августа). То, что на Понца наконец обратили внимание, произошло благодаря стараниям работавшей в Риме группы. Тем не менее неясно, как Скорцени и другие ее участники сумели раздобыть такие сведения, а также почему Гитлер вдруг решил включить остров в список. Спустя много лет Штудент утверждал, что Герберт Каплер еще в самом начале расследования проследил перемещения Муссолини, которые и привели его к Понца — по всей видимости, после того, как немецкий морской офицер видел его на Гаэте, однако Гитлер, по его словам, отказывался в это верить. Заместитель Скорцени, Карл Радль, утверждал, что один из «агентов», работавший в группе по поиску Муссолини, якобы получил информацию от одного итальянского бакалейщика, поставлявшего продукты на остров. (Скорцени также упоминал некоего итальянского торговца. Однако он утверждает, что этот человек получил данную информацию от какой-то женщины с материка, чей любовник был карабинером, находившимся на острове Понца. Последний, очевидно, написал ей письмо, в котором намекнул на то, что на острове находится Муссолини.) Согласно Радлю, это открытие имело место в первые десять дней августа.

Однако внутренний голос подсказывал Гитлеру, что Муссолини содержится на Санто-Стефано. Именно поэтому он настаивал на том, чтобы операцию возглавили парашютисты Штудента. «После того, как начнет светать, с планеров произведут высадку от ста до двухсот парашютистов, за которыми со стороны моря придут дополнительные подкрепления. При необходимости парашютисты расчистят для них путь в глубь острова».

Предполагалось, что, как только Муссолини освободят, солдаты Штудента покинут остров на кораблях военно-морского флота под командованием Камптца, который, по словам Штудента, «зареккомендовал себя как отважный капитан во время операций в Средиземном море». (Камптц удостоился в 1940 году Рыцарского креста.) Что касается дуче, то он покинет остров самолетом, затем на аэродроме Пратика ди Маре в окрестностях Рима пересядет на другой самолет, который безотлагательно доставит его в Германию. Неясно, однако, какая роль во время этой операции отводилась Муссолини и его команде.

Гитлер неустанно подчеркивал важность соблюдения строгой секретности. Примером тому может служить германская радарная станция на Вентотене. Накануне операции Гитлер распорядился частично эвакуировать персонал, чтобы заменить его оперативниками, которые были в курсе готовящейся высадки. «Радарной станции “Вюрцбург” на Вентотене должен быть отослан секретный приказ не принимать в этот день сигналы других самолетов. По этой

причине часть персонала должны сменить те, кто получили специальные инструкции. Персонал станции следует допросить об обстановке на острове, особенно о кабелях, радиостанциях, о прочих вещах, а также о слухах среди местного населения». («Вюрцбург» — это тип радиостанции, а не название немецкого города.) Гитлер также предложил провести на острове тайную разведывательную операцию.

Для осуществления этих мер и окончательной доработки плана потребуется еще несколько дней. «Дальнейшие приготовления и окончательные инструкции последуют чуть позже, — писал Дёниц, — а окончательный приказ отдаст лично фюрер».

Тем не менее отдельные вопросы оставались по-прежнему без ответов. Например, что произойдет, если Муссолини на острове не окажется и операция закончится провалом? Не расколется ли окончательно эта неудача «ось» и не спровоцирует ли широкомасштабные военные действия между итальянской и германской армиями на территории Италии, где военные приготовления Гитлера были еще далки до своего завершения?

По мнению адмирала Дёница, который постепенно превратился в главного советника Гитлера, на эти опасения можно было закрыть глаза. Самым важным по-прежнему оставалось то, что у кормила власти стоял Адольф Гитлер. Более того, на Дёница произвело огромное впечатление то, с каким напором, по его мнению, фюрер решал так называемый итальянский вопрос. Адмирал даже счел нужным отметить этот факт в анналах германского флота.

«От фюрера исходит поразительная энергия, — с пафосом писал он в своем дневнике. — Его несокрушимая уверенность, его прозорливость в оценке ситуации в Италии — все это однозначно свидетельствует о том, что по сравнению с фюрером мы ничто, что наши знания и та картина, которую мы видим со своей ограниченной точки зрения, ущербны и однобоки. Любой, кто полагает, будто он в чем-то превосходит фюрера, по меньшей мере наивен, если не откровенно глуп».

Пока Гитлер ломал голову над тем, как ему выволить Муссолини, союзники продолжали теснить войска стран «оси». К началу августа уже было очевидно, что крупномасштабное наступление Гитлера на Восточном фронте, которое он развернул за несколько недель до описываемых событий, с треском провалилось. Русские перешли в не менее крупномасштабное контрнаступление, неуклонно вытесняя части вермахта на запад. Всего за несколько недель немецкая армия лишилась всех завоеванных ранее плацдармов.

На Сицилии, где немецкие и итальянские части ещё сражались бок о бок, с тем чтобы отбросить армию союзников назад, они также были вынуждены отступать под ударами американских и британских частей. Военные советники Гитлера все еще спорили о том, должны ли немецкие части стоять на Сицилии до конца или же их стоит отвести в континентальную Италию. Шаткий союз между Римом и Берлином мешал немцам произвести объективную оцен-

ку ситуации. В минуты, свободные от обсуждения плана по спасению Муссолини, Дёниц и генерал Йодль продолжали спорить по поводу Сицилии. Йодль придерживался мнения о необходимости вывода немецких войск с острова, полагая, что положение немецких частей на Сицилии с каждым днем становится все сложнее, и если случится так, что Гитлер порвет отношения с Италией или же итальянцы перейдут на сторону союзников, то немцев ждет неминуемая катастрофа.

Дёниц с пеной у рта опровергал его точку зрения. Он был готов до последней капли крови сражаться за каждую пядь сицилийской земли, чтобы не позволить союзникам высадиться в Италии и ни на шаг не подпустить их к такому стратегически важному району, как Балканы.

«Эвакуация, — писал он 11 августа, — означала бы утрату этой стратегически важной позиции и потому в нынешних неясных условиях совершенно недопустима. На нее можно пойти лишь в крайнем случае, когда иного выхода не будет». Роммель разделял его позицию. Гитлер прислушивался к этим спорам, однако излагать свою точку зрения не спешил. «В отношении Сицилии и южной оконечности Италии Гитлер воздерживается от окончательных решений, однако хотел бы иметь в своем распоряжении несколько разных точек зрения, в зависимости от того, как будут развиваться события», — отмечал Дёниц.

Что касалось необходимости защищать Италию от вторжения войск союзников, то Гитлер не хотел связывать себя

жесткими планами и потому тянул с эвакуацией немецких частей с острова. Позднее генерал Вальтер Варлимонт утверждал, что, поскольку Гитлер опасался дать итальянцам повод выйти из «оси», он не спешил выводить с Сицилии немецкие части, с тем чтобы тем самым не подтолкнуть итальянцев к разрыву союза с Германией. Варлимонт отмечал также, что Дёниц разделял эту точку зрения, в том числе по причине морской стратегии.

* * *

Тем временем в Германии, до которой пока не докатывались залпы далеских сражений, немцы были вынуждены иметь дело с катастрофическими последствиями массовой бомбардировки Гамбурга. Более того, они имели все основания полагать, что следующим на очереди будет Берлин.

3 августа Вильгельм Кейтель в письме супруге без каких-либо обиняков советовал ей бежать из Берлина, который, по его мнению, в самые ближайшие дни станет жертвой вражеской авиации. «Гамбург обернулся для нас катастрофой, — писал он. — Прошлой ночью был еще один тяжелый воздушный налет. Та же самая участь неминуемо ждет и Берлин. Именно поэтому я настоятельно прошу тебя как можно скорее уехать из города... Боюсь, что начнутся пожары, которые вскоре распространятся на целые районы, в подвалы домов потекут потоки горячей нефти, будут гореть фосфор и другие вещества».

Похоже, что могущественный Третий рейх был не в состоянии защитить собственную столицу от праведного гнева авиации союзников. Именно по этой причине в течение августа немцы начали массовый исход из города. Всего из столицы было эвакуировано около миллиона мирных жителей, в основном женщин и детей.

Перед лицом этой и новых катастроф пасовал даже такой ловкий и умелый пропагандист, как Йозеф Геббельс, которому стоило все больших и больших трудов поддерживать в согражданах боевой дух. В этих условиях потеря Италии была просто недопустима, ведь в противном случае Германия лишилась бы своего основного союзника.

ГЛАВА 9

ТАЙНА ОСТРОВА МАДДАЛЕНА

У Скорцени имелись воображение и хорошие идеи. Он сумел тайком провезти на остров одного из своих офицеров, который бегло говорил по-итальянски, переодев его простым матросом.

Генерал Штудент. Мемуары

В конечном итоге немцы так и не совершили высадки парашютистов на Санто-Стефано. Где-то в середине августа, когда план высадки на этот крохотный скалистый островок рядом с Венготене все еще находился в стадии обсуждения, всплыли новые данные, согласно которым, Муссолини там уже не было. Гитлеру крупно повезло, что пресловутый де-

сант так и не состоялся, потому что нога дуче никогда не ступала на Санто-Стефано.

Последней подсказкой немцы обязаны Герхарду фон Камптцу, морскому офицеру, на которого было возложено командование военно-морскими силами во время операции по захвату острова. Если верить генералу Штуденту, Камптц по чистой случайности встретил в Риме своего старого флотского приятеля, который на тот момент служил офицером связи на итальянской морской базе на острове Маддалена. К великому удивлению Камптца, Гельмут Хунеус поделился с ним весьма любопытными слухами. Поговаривали, что на Маддалене сейчас содержится некая важная персона — не кто иной, как Бенито Муссолини.

Камптц, не теряя времени даром, отправился на Маддалену провести собственное расследование, а когда вернулся в Рим, тотчас же доложил генералу Штуденту о том, что сумел выяснить. В свою очередь, генерал посадил Камптца на самолет, и они вдвоем 16 августа вылетели в «Волчье логово». Вот как выглядит эта история в пересказе адмирала фон Дёница.

«Во время одного из его визитов на Маддалену, — отмечал Дёниц, — до Камптца дошли слухи о том, что какое-то время назад на Маддалену прибыли крейсера и привезли дуче. Сейчас тот обитает на вилле, расположенной в непосредственной близости от морской базы, где его охраняют дено и ночью. Камптц под каким-то предлогом попросил, чтобы ему выделили автомобиль, потому что хотел проверить достоверность этих слухов».

То, что он услышал дальше, повергло его в шок.

«Итальянский начальник ответил ему, что ввиду присутствия на острове дуче единственный имеющийся на морской базе автомобиль отдан в исключительное пользование командиру карабинеров». Ввиду присутствия дуче? Болтливый итальянец сам не заметил, как выдал тщательно оберегаемый секрет. «Фон Камптц тотчас доложил об услышанном Штуденту, который посадил его на самолет, и они вместе вылетели в Ставку Гитлера».

Гитлер был заинтригован. «Фюрер приказал, чтобы захват виллы на острове Маддалена включили в план операции “Дуб”. Произвести этот захват будет несложно. В гавань постоянно заходят немецкие корабли с соседней Корсики, что создаст элемент неожиданности». В этой фразе особенно интересно слово «включили». Из него напрашивается вывод, что операция «Дуб» предполагала наличие нескольких целей, с тем расчетом, что дуче окажется на одном из предполагаемых островов.

* * *

Тем не менее проводить на данном этапе операцию по похищению дуче было бы преждевременно. Более того, прибыв вместе с Камптцем 16 августа в «Волчье логово», Штудент обнаружил, что у Гитлера имеется собственная версия относительно местонахождения Муссолини, а именно — что дуче содержится на борту военного ко-

рабля в порту Специи, что на северо-западном побережье Италии. Эта информация якобы поступила от Эрвина Роммеля, который незадолго до этого побывал на севере страны, где некий «надежный» источник по секрету сообщил ему о местонахождении Муссолини. (15 августа Роммель находился на совещании стран «оси».) (Скорцени утверждал, что информация эта исходила от одного итальянского морского офицера. Ни он сам, ни его заместитель не упоминали Роммеля в связи с ней.)

«Он [Гитлер] был убежден, что Муссолини находится в Специи, — вспоминал Штудент. — Он почему-то считал, что итальянское правительство намеревалось передать его врагу в качестве военного преступника». По словам Штудента, имелись две причины, почему Гитлер был склонен доверять информации Роммеля. С одной стороны, версия о том, что дуче увезли на военном корабле, не противоречила собственному убеждению Гитлера, что итальянское правительство готовится сдать бывшего диктатора врагу. С другой, немаловажную роль играл и сам Роммель. В те дни Лис Пустыни имел немалый вес в Ставке Гитлера. Более того, фюрер намеревался поручить ему командование всем итальянским театром военных действий, как только в этом возникнет необходимость. Роммелю уже было поручено командовать Группой армий «Б», которая уже перемещала свои части на территорию Италии через альпийские перевалы. Правда, командование над немецкими войсками на юге страны по-прежнему оставалось в руках Кессельринга.

На тот момент Штудент не знал, во что ему верить. В принципе, версия о том, что дуче находится в Специи, не противоречила иным разведанным, которые к этому времени успели собрать немцы. По словам Радля, одному из агентов, работавших на группу Скорцени в Риме, удалось установить, что в середине августа дуче увезли с Понтийских островов на военном судне, правда, куда — неизвестно. Кроме того, по имевшимся данным, итальянцы усилили охрану порта Специи, отчего могло показаться, что они явно что-то там прячут. Штуденту не давал покоя вопрос, не водят ли итальянские спецслужбы за нос немецкую разведку.

«Такое нельзя было исключать, — писал он позднее. — Слухи о том, что Муссолини держат в Специи, вполне могли распространяться самими итальянцами, чтобы сбить нас с толку». Но, будь это даже так, Штудент и его новый партнер и подчиненный эсэсовец Отто Скорцени были обязаны рассмотреть и этот вариант. Вдруг им впрямь выпадет малоприятное задание похитить дуче из его тюрьмы на борту корабля в порту Специи? «В течение суток мы всеми способами пытались решить эту проблему, — вспоминал Скорцени. — Почему-то Верховное командование было убеждено: нет ничего проще похитить человека с борта военного крейсера, причем так, чтобы команда судна ничего не заметила».

Впрочем, нельзя сказать, что они не смыкали по этому поводу глаз. Сделав несколько телефонных звонков, Шту-

депт установил, что информация Роммеля — не что иное, как отвлекающий маневр. По словам генерала, у люфтваффе в Специи было несколько офицеров. К некоторым из них обратились за помощью, но они так и не смогли найти никакой информации, которая бы подтверждала факт пребывания дуче в Специи. «Было ясно, что Муссолини там нет», — решил Штудент. (Муссолини никогда не было в Специи.) (Присутствие немцев по всей Италии, пусть даже в небольших количествах, оказалось весьма полезно на всем протяжении расследования.)

В отличие от Специи остров Маддалена был в числе первых кандидатов в списке возможных мест содержания дуче. Правда, на тот момент Штудент был занят тем, что планировал по настоянию Гитлера операцию по захвату Италии, и потому перепоручил проверку Скорцени. «Тот ухватился за новое задание с рвением и потрясающей энергией, — вспоминал Штудент. — И вскоре получил результаты».

* * *

Скорцени не пришлось долго уговаривать. Более того, рослый австриец ничуть не сомневался в собственных силах. Отличительной чертой его внешности был длинный шрам, след дуэли, оставшийся с дней его учебы в Венском университете, который протянулся через всю левую половину лица. Для Скорцени этот уродливый шрам был символом чести. «То, что благодаря рапире я познал боль, — за-

метил он как-то раз с присущей ему склонностью к легкому позерству, — научило меня не бояться страха. Точно так же как во время дуэли все ваше внимание должно быть сосредоточено на том, чтобы нанести удар в голову противника, точно так же и во время войны. Незачем терять время на разного рода выкрутасы. Главное — решить, какова ваша цель, и решительно наброситься на нее».

Впрочем, что касается сбора разведданных и спецопераций, Скорцени был отнюдь не профессионалом по этой части. Большую часть войны он провел в рядах войск СС в качестве офицера инженерных войск, ремонтируя на линии фронта танки и грузовики. (Войска СС входили в состав ведомства Гимmlера и, главным образом, участвовали в боях на фронтах Второй мировой войны. Гитлер считал их своими наиболее «политически лояльными» элитными войсками.) Получив на Восточном фронте зимой 1941—1942 годов ранение, он вернулся в Германию, где его определили в ремонтное депо в Берлине, где, казалось, ему самой судьбой было уготовано просидеть до конца войны. «В резервных частях ощущалась нехватка офицеров инженерных войск, — писал он позднее, — однако мне казалось, что могу принести больше пользы иным образом. Сама мысль о том, что я просижу всю войну дисциплинированным офицером инженерных войск, угнетала меня».

Так получилось, что, пока Скорцени скучал по настоящему делу в столице рейха, немцы искали человека, который бы возглавил недавно созданную диверсионную груп-

пу, известную под названием «Батальон “Фриденгаль”», по имени небольшого городка в окрестностях Берлина, где он был расквартирован. Название этого места переводится как «долина мира». Созданная в рамках гиммлеровских СС, эта диверсионная группа должна была стать аналогом знаменитых диверсионных групп англичан, чьи подвиги во время войны к 1943 году успели стать легендой. На роль командира вновь созданной группы СС искали офицера с боевым опытом, а также знанием техники. По имеющимся данным, первым кандидатуру Скорцени предложил Эрнст Кальтенбруннер, возглавлявший на тот момент РСХА. Скорцени он знал еще с довоенных дней, когда оба жили в Вене.

В апреле 1943 года, то есть за несколько месяцев до свержения Муссолини, Скорцени принял командование диверсионной группой и имел встречу со своим непосредственным начальником, майором Вальтсером Шелленбергом, возглавлявшим тогда зарубежную разведку СС (шестой отдел РСХА) (РСХА состояло из семи отделов. Батальон «Фриденгаль» имел наименование «группа S» VI отдела.)

«Честно говоря, — писал позднее Скорцени, — я почти ничего не понял из того, что было мне сказано. С другой стороны, я только вступал в неведомый мне ранее таинственный мир». Насколько он мог судить, в задачи нового подразделения входила организация диверсий. Группа уже существовала в зачаточном состоянии, и Скорцени было поручено расширить ее, реорганизовать и, таким образом, вдохнуть в нее новую жизнь. Новое поручение сопровождало

ждалось повышением в чине. Вскоре Скорцени уже был гауптштурмфюрером СС.

Естественно, он считал, что вверенное ему подразделение в первую очередь будет задействовано для совершения диверсий в тылу врага, на территории Советского Союза либо на территориях, оккупированных американскими или британскими войсками. Откуда ему было знать, что его первым реальным заданием станет операция против итальянцев, главных союзников рейха. Впрочем, необычный характер операции «Дуб» ничуть не остудил его рвения. Будучи фанатично преданным делу нацизма эсэсовцем, а также движимый личными амбициями, Скорцени задался целью во что бы то ни стало выполнить задание фюрера: разыскать дуче и любой ценой живым доставить его в Германию.

* * *

В середине августа 1943 года Скорцени попытался разгадать загадку острова Маддалена. Первым делом он потребовал себе минный тральщик и несколько раз прошлся вокруг острова, расположенного в нескольких милях от северной оконечности Сардинии. Появление в том районе немецких кораблей было обычным делом. Вероятно, Скорцени решил, что его небольшой круиз не возбудит подозрений со стороны итальянцев.

Расположенный в проливе Бонифацио, узкой полоске моря, разделяющей Корсику и Сардинию, остров Мадда-

лена имеет неправильную треугольную форму и площадь около двенадцати квадратных километров. Пока Скорцени огибал его скалистые берега, он то и дело окидывал взглядом красноватые утесы и даже украдкой сделал несколько фотоснимков гавани и других интересных ему мест, включая так называемую виллу «Вебер», небольшой особняк на горе с видом на море. Построенная среди небольшой сосновой рощи, вилла эта расположена в пятистах метрах от крошечного городка Маддалена на южном побережье острова.

Вилла «Вебер» фигурировала в кое-каких слухах, которые в то время достигли ушей немцев, например, ее упоминал капитан Хунеус. Однако Скорцени не знал, насколько достоверна эта информация и не является ли она очередной приманкой, подброшенной хитрыми итальянцами, чтобы сбить немцев со следа дуче. Дело осложнял и тот факт, что Маддалена окружена многочисленными островами и островками самых разных форм и размеров. Хотя основные версии вели в район Сардинии, другие указывали на то, что Муссолини на Маддалене нет, хотя его прячут где-то поблизости. Например, когда Скорцени нанес визит в Палау, на северо-восточном побережье Сардинии (напротив Маддалены), командир расположенной там немецкой зенитной батареи заявил, будто слышал о том, что дуче выздоравливает в монастыре в соседней сардинской деревушке Санга-Мария. По всей видимости, он имел в виду рыбацкий городок Санга-Мария Наварресе на восточном побережье острова.

Все версии приходилось проверять и перепроверять, однако самой многообещающей по-прежнему оставалась Маддалена. Для того чтобы узнать, находится Муссолини на этом острове или нет, Скорцени предложил провести тайную операцию с участием лейтенанта Роберта Варгера, единственного члена его диверсионной группы, свободно говорившего по-итальянски.

«В своем замысле, — не стесняясь, признавался впоследствии Скорцени в открытой манере того времени, — я сделал ставку на любовь итальянцев к заключению пари». Чтобы обернуть немцам на пользу эту якобы свойственную итальянцам склонность, Варгер был отправлен на остров под видом простого немецкого моряка, переводчика капитана Хунсуса, который в то время выполнял там обязанности офицера связи. Истинная же работа Варгера заключалась в том, чтобы проводить как можно больше времени в местных барах. Предполагалось, что, как только речь пойдет о дуче и его судьбе, Варгер, притворяясь в стельку пьяным, должен вступить в разговор и заявить, что Муссолини или давно мертв, либо серьезно болен. Если же кто-то из итальянцев начнет возражать, Варгер должен был предложить ему заключить пари.

По мнению Скорцени, кое-кто из местных жителей наверняка был в курсе местонахождения дуче, если, конечно, тот находится на острове. Так что если вдруг Варгеру повезет, то какой-нибудь итальянец клонет на его уловку.

Впрочем, в плане Скорцени имелся один изъян. Варгер вообще не брал в рот ни капли спиртного. Он был един-

ственным испьющим во всей диверсионной группе. «Лишь после того, как мы убедили его, что это его долг как солдата, — вспоминал позднее Скорцени, — мне удалось уговорить его нарушить принципы».

Перед тем, как отправиться на Маддалену, Варгер прошел короткий курс употребления спиртных напитков, после которого он явно почувствовал себя не в своей тарелке.

«У Скорцени имелись воображение и хорошие идеи, — писал позднее Штудент. — Он сумел тайком провезти на остров одного из своих офицеров, который бегло говорил по-итальянски... Одновременно с этим он по моему личному поручению исследовал возможности операции по хищению дуче».

* * *

Запустив в действие операцию «Варгер», Скорцени решил провести аэрофотосъемку острова. 18 августа его «хейнкель-111» вылетел из римского аэродрома Пратика ди Марсе, произвел дозаправку в Павсании на Сардинии, после чего поднялся на высоту 5 тысяч метров и совершил разведывательный полет. Это была двухмоторная крылатая машина, средних размеров бомбардировщик с остекленной кабиной, которая предоставляла отличный обзор.

Скорцени втиснулся на переднее сиденье и с помощью фотоаппарата сделал несколько снимков Маддалены с воздуха. Для этого ему пришлось лечь лицом вниз в тесное пространство рядом с сиденьем пилота. (Когда «хейнкель-111»

нес на своем борту полный экипаж, это место обычно занимал стрелок, который сидел за пулеметом, установленным в носу кабины). Скорцени окинул взглядом раскинувшееся внизу лазурное море. Из состояния задумчивости его вывел голос второго стрелка, прозвучавший по бортовому радио.

«Внимание! Сзади нас два вражеских самолета! — крикнул тот. — Это англичане!»

Пока легчик совершал маневр, Скорцени машинально схватился за гашетку переднего пулемета. Самолет на мгновение выпрямился, однако затем ушел в резкое пики. Бросив взгляд на пилота, Скорцени понял, что их самолет оказался в опасности.

«Обернувшись, — вспоминал он позднее, — я увидел перекопшенное от ужаса лицо пилота, пытавшегося вывести самолет из пике. Взглянув в иллюминатор, я понял, что что-то не в порядке с двигателем. Мы с бешеной скоростью падали вниз, и было похоже, что надежды остановить падение уже не оставалось».

Скорцени вновь схватился за пулемет и приготовился к удару о воду. Еще миг, и сорвавшийся с высоты в 5 тысяч метров самолет рухнул в лазурные воды Средиземного моря. От удара Скорцени потерял сознание, а когда пришел в себя, то почувствовал, что его кто-то тащит вверх. Надо сказать, что экипажу самолета удалось довольно успешно покинуть кабину через аварийный выход. Тем временем порожженная кабина быстро наполнялась водой. И тут Скорцени вспомнил, что его фотоаппарат и портфель остались

в самолете. Он тотчас принял решение вернуться. Вновь забравшись в залитую водой кабину, нашел нужные ему вещи и вернулся на поверхность. После чего залез вместе с остальными членами экипажа на небольшой спасательный плотик. Тем временем у них на глазах самолет окончательно ушел под воду. (Остается неясным, что случилось с двигателем «хейнкеля». В своих мемуарах Скорцени не пишет о том, что самолет был подбит.)

Скорцени и его товарищи по несчастью нашли приют на соседнем рифе. На их счастье, мимо проплывал итальянский крейсер, который и подобрал их.

«Нам крупно повезло, — размышлял Скорцени, — что шкипер не догадался, каким образом мы оказались на рифе».

Надо сказать, что Скорцени и впрямь повезло — при падении он не получил даже царапины, не говоря уже о более серьезных травмах. По крайней мере таково было первое впечатление. Но спустя несколько дней врач сказал ему, что ноющая боль в грудной клетке — это последствие трех сломанных ребер.

Тем не менее Скорцени не спешил возвращаться на материк. Вместо этого он отправился на Корсику, где нанес визит в расквартированную на острове часть СС. Расчет был такой — если при операции по похищению Муссолини понадобится помощь, то почему бы не воспользоваться силами эсэсовцев с соседнего острова? Когда 20 августа он вернулся в Рим, где встретился с Радлем, который сообщил

ему, что Герберт Капшлер, немецкий полицейский атташе, сделал еще одно открытие.

По словам Радля, объектом пристального внимания Капшлера стали ближайшие родственники Муссолини, большинство которых на тот момент находились в Италии. Лишь сын дуче Витторио бежал в относительно безопасную Германию. Удача ждала Капшлера в лице Эдды Чиано, любимой дочери диктатора. Эдда написала отцу письмо, и Капшлеру удалось проследить его путь до острова Маддалена. (Согласно некоторым источникам, открытие Капшлера произошло немного раньше. В этой связи следует упомянуть, что Бадольо согласился облегчить переписку Муссолини с внешним миром.)

За этим последовало еще одно судьбоносное открытие. Когда Скорцени вновь удалось установить радиоконтакт с Варгером, оказалось, что его тайный агент собственными глазами видел дуче! Скорцени не терпелось переговорить с Варгером с глазу на глаз, и поэтому 23 августа, еще толком не придя в себя после авиакатастрофы в Тирренском море, он вновь вылетел на Маддалену, на сей раз вместе с Радлем.

Варгер объяснил им, что в процессе выполнения возложенной на него миссии ему подвернулся один итальянский торговец, который согласился заключить с ним пари. Этот итальянец доставлял фрукты на виллу «Вебер» и утверждал, что видел там Муссолини. Более того, он предложил Варгеру показать удобное место, откуда вилла видна, как

на ладони. Тем временем Варгер решил понаблюдать за виллой. В какой-то момент его наблюдений он заметил на веранде виллы коренастого лысого мужчину. Лицо его рассмотреть он не мог, потому что их разделяло приличное расстояние, однако Варгер был уверен, что это было не кто иной, как дуче.

Врнувшись в Рим 24 августа, Скорцени и Радль тотчас посоветались с генералом Штудентом. Все трое пришли к выводу, что им наконец удалось установить местонахождение Муссолини. По крайней мере вывод напрашивался именно такой. Впрочем, нашлись и не согласные с этой точкой зрения.

«Затем совершенно неожиданно, — вспоминал Скорцени, — как гром среди ясного неба, пришел приказ из Ставки Гитлера. “Согласно поступившему из ведомства адмирала Канариса донесению, Муссолини содержится в заключении на небольшом островке близ Эльбы. Гауптштурмфюреру СС Скорцени незамедлительно организовать высадку десанта на остров и как можно скорее сообщить о готовности начать операцию”».

Скорцени был ошарашен. Ему было прекрасно известно, что Эльба — скалистый остров у северо-западного побережья Италии, примерно в ста пятидесяти километрах от Маддалены. Достоверных сведений о том, что Муссолини содержат именно там, не было, и донесение абвера базировалось лишь на подозрении, что дуче находится там, а не где-то в другом месте.

Если верить Скорцени, версия о нахождении Муссолини на Эльбе берет свое начало в абвере — широкой шпионской сети военной разведки, нити которой сходились в руках адмирала Канариса. Функции абвера в чем-то напоминали функции шестого отдела РСХА. Абвер и шестой отдел были независимыми друг от друга структурами, хотя и с весьма близкими целями, и демаркационная линия между ними всегда была довольно размытой. В течение многих лет они соперничали между собой за благосклонность Гитлера. Тот, в свою очередь, искусно подогревал эту вражду. Будучи плохим администратором, он придерживался философии «разделяй и властвуй». Таким образом ему было легче контролировать свое окружение. В некотором роде это был тоталитарный аналог демократического принципа сдержек и противовесов.

Эта непрекращающаяся борьба за власть внутри спецслужб — в результате чего СС постоянно сталкивались лбами с вермахтом — приняла странный оборот, когда Канарис, фигура довольно загадочная, потихоньку начал отходить от Гитлера и нацизма. По всей видимости, глава военной разведки в конце концов понял, какое зло представляет Гитлер для Германии, или предвидел ее неизбежный крах.

Если Канарис и впрямь пытался сорвать операцию Дуб, как позднее на то намекал Скорцени, то это вполне могло быть частью более широкой кампании, призванной огра-

дить режим Бадольо от гнева Гитлера. По мнению Вальтера Шелленберга, летом 1943 года Канарис пытался помочь Бадольо в несобъявленной войне последнего против Германии. Для этого он якобы заверил нацистское руководство в том, что новый итальянский режим предан своему северному союзнику и эта преданность не подлежит сомнению.

Шелленберг — как известно, заклятый враг Канариса — вскоре пронюхал про махинации своего соперника, в которых тотчас узрел измену, и сделал своей главной целью свержение Канариса. Впрочем, тому еще на протяжении года удавалось избегать лап СС.

* * *

Каковы бы ни были настоящие причины, в течение последней недели августа Гитлер, по всей видимости, пребывал в убеждении, что Муссолини спрятан или на Эльбе, или где-то поблизости. В свете такого положения дел генерал Штудент счел целесообразным лично встретиться с Гитлером и попытаться переубедить его. Большую часть августа Штудент провел в перелетах между Римом и «Волчьим логовом», нередко захватив с собой свидетелей, с тем чтобы держать Гитлера в курсе последней информации относительно места пребывания дуче. В один из таких прилетов он захватил с собой своего напарника-эсэсовца. Ему хотелось, чтобы Гитлер во всех подробностях услышал результаты их деятельности на Маддалене «непосредственно от Скорцени».

В конце августа Штудент на пару со Скорцени прибыли в Ставку. Вскоре Скорцени оказался в той же самой комнате, где он уже встречался с Гитлером несколькими неделями ранее. По всей видимости, атмосфера была прежней. По словам Скорцени, за огромным столом сидели ключевые фигуры Третьего рейха. По обе стороны от Гитлера расположились маршал Вильгельм Кейтель, генерал Йодль, министр иностранных дел Иоахим фон Риббентроп, глава СС Генрих Гиммлер, генерал Штудент, адмирал Дёниц, глава люфтваффе Герман Геринг. После короткой дискуссии Штудент кивком велел Скорцени обрисовать ситуацию.

Поначалу ему было страшно, однако он сумел «просто и ясно» изложить, как он и его коллеги пришли к выводу, что Муссолини содержится на Маддалене. «Я также описал ужасное приключение нашего трезвенника Варгера. Геринг и Дёниц улыбнулись. Взгляд Гиммлера остался холоден, как лед. Выражение лица фюрера, скорее, было недоверчиво-ироничным». Скорцени говорил около тридцати минут, после чего Гитлер пожал ему руку и заявил, что тот убедил его.

«Теперь фюрер был убежден в правильности действий, — вспоминал впоследствии Скорцени. — Он в очередной раз предоставил мне свободу действий».

Штудент и Скорцени обрисовали свой план похищения дуче, который разработали совместно с фон Камптцем и фрегаттен-капитаном Максом Шульцем. Последний командовал эскадрой немецких торпедных катеров в Среди-

земном море. Штурм острова предполагал элемент неожиданности, чему способствовал тот факт, что немецкие суда были привычным делом в прибрежных водах Сардинии.

В день «Д» в гавань под прикрытием торпедных катеров, оснащенных 20-мм пушками, стремительно войдут несколько немецких минных тральщиков, с которых высадится группа захвата. Оказавшись на берегу, солдаты устремятся к вилле «Вебер», где сломят сопротивление полутора сотен карабинеров, которые, как предполагалось, охраняли здание и дуче.

Телефонные линии, связывающие виллу с внешним миром, будут перерезаны, чтобы охраняющие виллу итальянцы не могли запросить помощь. Специальные группы захватят огневые точки, охраняющие выход из гавани, и выведут из строя гидросамолет Красного Креста, чтобы воспрепятствовать возможному бегству на нем дуче, а также два миноносца, стоявшие недалеко от берега. Как только Муссолини окажется в руках немцев, его тотчас же вывезут с острова на одном из торпедных катеров. (На самом деле рейд мог оказаться гораздо сложнее, чем предполагал Скорцени после войны, когда писал свои мемуары. По признанию Муссолини, спасательная операция на Маддалене предполагала участие немецкой подводной лодки, замаскированной под свой британский аналог, и группы немецких командос, переодетых в английскую военную форму.)

По словам Скорцени, Гитлер дал добро на осуществление этого плана. (Следует отметить, что планы Гитлера

по оккупации Италии в то время были еще далеки от их реального воплощения. Таким образом, если миссия по спасению Муссолини привела бы к открытому противостоянию с режимом Бадольо, то немцы были готовы захватить Италию силой.) Затем он отвел Скорцени в сторону, чтобы поговорить с глазу на глаз.

«Гауптштурмфюрер Скорцени, помните: моего друга Муссолини нужно освободить как можно скорее, — якобы сказал он. — С операцией нельзя медлить ни минуты. Вполне возможно, что приказ о ее начале вы получите в то время, пока формально Италия все еще будет оставаться нашей союзницей. В том случае, если операция по каким-то причинам не удастся, вполне возможно, что мне придется ее дезавуировать. Я буду вынужден заявить, что вы без ведома нашего руководства совершили отчаянную попытку освободить дуче».

Скорцени принял такие условия.

* * *

После утренней встречи с Гитлером Штудент и Скорцени в спешном порядке вернулись в Рим дорабатывать детали плана по захвату Маддалены. Примерной датой был назначен конец августа.

«С приготовлениями пришлось поторопиться», — вспоминал позднее Штудент. Каждый дополнительный день увеличивал риск провала операции. Никто не мог поручиться, что на тот момент, когда немцы ворвутся на виллу,

луче будет по-прежнему находиться на Маддалене. Вероятность такого развития событий не давала Радпо и Скорцени покоя. За двадцать четыре часа до начала операции они в сопровождении лейтенанта Варгера решили посетить остров и произвести последнюю проверку положения дел.

Персодстые немецкими матросами, Скорцени и Варгер захватили корзину с грязным бельем и направились в главный город острова к одной местной прачке. Там у них завязался разговор с еще одним клингом, из числа карабинеров. Когда же Скорцени направил беседу в русло возможного пребывания Муссолини, его собеседник не проявил ни малейшего интереса к этой теме. Скорцени лишь тогда вытащил из него пару слов, когда заявил, что дуче постигла судьба многих цезарей.

«No, no signore, impossible! Нет, нет, сеньор, это невозможно! — запротестовал итальянец. — Сегодня утром я собственными глазами видел дуче. Он жив и здоров. Я был в числе тех, кто сопровождал его до трапа белого самолета с красным крестом, на котором он покинул наш остров. Я видел, как он улетел».

Эти слова ужалили Скорцени в самое сердце. Внутренний голос подсказывал ему, что итальянец говорит правду. Что еще хуже, рассказу этому имелись подтверждения. Поискав глазами белый гидросамолет Красного Креста, Скорцени обнаружил, что того нет. Хотя отряд карабинеров и охранял по-прежнему виллу «Вебер», было заметно, что свой пост они несут не слишком усердно. Радль даже

утверждал, что якобы видел, как часовые распивали бутылку вина. «Видимо, отсутствием дуче на острове и объясняется их халатное отношение к охране виллы, — сделал вывод Скорцени. — Тюрьма пуста, ее пленника перевезли в другое место!»

«Все было готово к началу операции, — вспоминал позднее Штудент, — когда Скорцени доложил, что Муссолини на острове больше нет. Вилла на берегу опустела. Белый санитарный самолет там больше не дежурит».

Так оно и было: дуче покинул остров. Немцы понятия не имели, где теперь им вести поиски. «Иными словами, — вспоминал Скорцени, — мы вернулись к исходной точке наших поисков... В течение нескольких дней мы пребывали в полной растерянности. Нет, конечно, слухов было более чем достаточно, но стоило проверить хотя бы один из них, как они рассеивались, словно дым».

Хотя в тот момент сами они этого не осознавали, успех сопутствовал Штуденту и Скорцени в гораздо большей степени, нежели союзникам. Летом 1943 года Управление стратегических служб, предтеча ЦРУ, также занималось поисками дуче и пыталось контролировать его передвижения. Например, 16 августа в УСС поступила информация о том, что Муссолини содержат на острове Понца, хотя на самом деле его увезли оттуда еще 8 августа. Спустя десять дней, 26 августа, глава УСС Аллен Даллес отправил донесение в Вашингтон. «Согласно последним сведениям, Муссолини находится на острове Мадалена». На тот момент

эта информация соответствовала действительности, хотя и устарела всего через пару дней.

На Маддалене итальянцам повезло лишь чудом. По мере того, как август близился к концу, они стали все больше нервничать по поводу надежности охраны дуче. Пребывание сверженного диктатора на острове уже не было секретом для местного населения. Не удивительно, что итальянцы опасались, что немцы выйдут на его след в самое ближайшее время. Полагая, что немцы готовят операцию по похищению Муссолини, они решили в очередной раз перевести пленника на новое место — буквально за считанные часы до того, как Скорцени приготовился к штурму острова. (Дата рейда на остров, которую определили немцы, была не точной. Однако, судя по всему, они опоздали с освобождением Муссолини всего на несколько дней.) Неизвестно, было ли это следствием удивительного везения или же к итальянцам просочилась информация о готовящейся операции.

Что касается самого Муссолини, то он знал лишь одно: 28 августа примерно в четыре утра его в спешном порядке подняли с постели и доставили к гидросамолету с эмблемой Красного Креста, который уже поджидал его в гавани. Примерно через полтора часа самолет совершил посадку на озере Браччиано, на базе гидропланов в Винья ди Валле, к северо-западу от Рима. Кстати, место это располагалось совсем недалеко от штаба 3-й танково-гренадерской дивизии, того самого подразделения, которое Гитлер планировал использовать для захвата Рима сразу после переворота.

При выходе из самолета дуче приветствовал его новый тюремщик, полицейский инспектор Джузеппе Гуэрли, который заменил Саверио Полито после того, как тот попал в автомобильную аварию. Муссолини, как обычно, провели к машине «скорой помощи» и быстро увезли в восточном направлении, куда-то дальше городков Риэти и Читтадукале. Дуче и его конвой проследовали в самое сердце Аbruцци, гористой и очень живописной области в центральной Италии, известной, помимо Апеннин, своими оливковыми рощами и виноградниками. Миновав главный город области, Аквилу, кавалькада проехала еще пятнадцать миль и наконец прибыла в пункт своего назначения — небольшую сельскую гостиницу под названием «Виллетта», расположенную по соседству с деревней Ассерджи.

Впрочем, это трудно было назвать гостиницей, скорее, крошечным постоянным двором, в котором Муссолини предстояло провести всего несколько дней под недреманным оком пары своих главных охранников, Гуэрли и лейтенанта Альберто Файола, после чего предполагалось перевезти его в какое-нибудь более надежное место.

Итальянцев раширало от гордости. Им казалось, что в качестве новой тюрьмы для дуче они выбрали такую твердыню, из которой немцам Муссолини никогда не вызволить. А если они и пойдут на такой риск, то пусть пеняют на себя.

Виллетта — крошечная живописная деревушка. Почему-то итальянцы совсем не подумали о том, что расположена она рядом с самой высокой вершиной Апеннинских гор, так называемой Гран Сассо д'Италия.

ГЛАВА 10

ПЕРЕТАСОВКА БАДОЛЬО

В наше время никто не рискнет предсказывать ход событий даже на день вперед.

Секретный меморандум немцев об отношениях стран «оси» от 13 августа 1943 года

В течение второй половины августа, когда Штудент и Скорцени готовили операцию по похищению дуче с Маддалены, Гитлер и его заклятые враги среди ключевых фигур нового итальянского режима подошли к последней черте, отделявшей бывших союзников от полного разрыва. Хотя Гитлер и не торопился усмирять итальянцев силой, по крайней мере до тех пор, пока не удалось вызволить Муссолини, король и Бадольо об этом не знали. Их продолжало тревожить другое: фюрер и его вымуштрованная армия разрушат их планы тем, что оккупируют целиком всю страну прежде, чем итальянцы успеют договориться с союзниками.

Если тайная борьба между Гитлером и Бадольо несла в себе элементы высокой драмы, то один из побочных и вместе с тем увлекательнейших сюжетов вылился в небольшие стычки, в которые Гитлер был вынужден то и дело вступать с собственными же подчиненными, в глазах которых новый итальянский лидер был не так уж плох. Генерал Вальтер Варлимонт, служивший под началом Йодля, заметил, что «напряжение, царившее в штабе, стало ощущаться, как толь-

ко возникли разногласия по поводу того, какова же главная цель итальянцев. Лишь Гитлер и Геринг оставались непоколебимы в своем убеждении, что итальянцы готовы на вероломство. Несмотря на это, Гитлер считал, что от такого союзника, как Италия, отказываться рано, надеясь, что освобождение Муссолини повернет все в прежнее русло».

К великому раздражению Гитлера, большинство его эмиссаров в Италии продолжали верить заверениям Бадольо. В их числе были маршал Альберт Кессельринг, главнокомандующий войсками вермахта на итальянском театре военных действий, а также большая часть дипкорпуса в Риме, Макензен (на тот момент находившийся в Германии) и отвечавший за связь с армией генерал Ринтелен. В середине месяца Эрвин Роммель писал в своем дневнике, что «Гитлер резко критиковал Макензена, фон Ринтелена и Кессельринга, по той причине, что они совершенно неверно интерпретировали ситуацию — особенно, Кессельринг — и были склонны доверять заявлениям итальянского правительства». Генерал Штудент, например, задавался вопросом, нет ли чего-то такого в итальянском воздухе, что «отшибло способность думать» у представителей Гитлера в Риме.

Эта неразбериха и столкновение мнений, которые вызвал государственный переворот в Италии, нашли свое отражение в пространном меморандуме, которым в середине августа разродился министр иностранных дел рейха Иоахим фон Риббентроп. Подводя итог недавним событиям, пресловутый эксперт по внешней политике рейха, похоже, пре-

бывал в растерянности, не зная, какую оценку дать смене режима и настойчивым заверениям Бадольо о его верности союзу с Германией.

«Последние события, которые привели к свержению дуче, обросли таким невероятным количеством слухов, — читаем мы в меморандуме от 13 августа, — что до сих пор невозможно нарисовать ясную и четкую картину происходящего. Последние события в равной степени непонятны».

К великой досаде Гитлера, единственное, что однозначно утверждалось в меморандуме, это полный коллапс фашистской партии. «Не приходится, однако, сомневаться в том, что руководство фашистской партии полностью развалилось и практически никто из его числа не остался верен дуче до конца. После заявления короля и Бадольо верхушка партии разбежалась на все четыре стороны». Это, в свою очередь, означало, что любая попытка со стороны немцев реанимировать фашистский режим, как это предлагал сделать Гитлер, не получила бы должной поддержки и понимания со стороны бывшего руководства фашистской партии».

Хотя равнодушные итальянцев к идее восстановления фашистского режима и явилось для Гитлера холодным душем, в этом меморандуме можно найти три примера того, что Риббентроп выдавал желаемое за действительное. Например, он пишет о том, что итальянцы останутся верны слову и не предадут интересы «оси». «Новое правительство неустанно заявляет, что ни при каких обстоятельствах не пойдет на безоговорочную капитуляцию и не допустит превра-

щения Италии в трамплин для военных действий против своего немецкого союзника. Эти заявления не оставляют сомнений в своей искренности и наверняка будут воплощены в жизнь».

На протяжении нескольких недель Риббентроп будет все так же лелеять надежду на то, что Германии удастся найти общий язык с Бадольо и, таким образом, избежать позорного конфликта между главными членами «оси». И все же, несмотря на наивные мечты, меморандум заканчивался предостережением: «Тем не менее в настоящее время никто не рискнет предсказывать ход событий даже на день вперед».

Этого было достаточно, чтобы у Гитлера разыгралась мигрень.

* * *

Пока на меморандуме Риббентропа высыхали чернила, итальянцы тоже не бездействовали — на свой не слишком усердный лад пытались заново начать с союзниками переговоры о капитуляции, которые в очередной раз зашли в тупик. Итальянцы рассчитывали на то, чтобы выйти из войны еще в конце июля, когда министр иностранных дел Рафаэле Гварилья отправился в Ватикан, надеясь установить контакт с союзниками через аккредитованных при Святом престоле дипломатов Англии и Америки. Следующий шаг был предпринят 2 августа, когда Ланца д'Аджета был отправлен в Лиссабон, чтобы там выйти на контакт с западными державами. Два других эмиссара отбыли в начале августа,

соответственно, в Танжер и Швейцарию, однако в конечном итоге так ничего и не добились.

Успехи д'Аджетты были столь же скромными. Прибыв в Лиссабон, он встретился с британским министром и попытался объяснить ему позицию Бадольо: Италия хотела бы выйти из войны, однако не может этого сделать ввиду все возрастающего присутствия немецких войск на ее территории. Пойти на разрыв с нацистской Германией он сможет лишь в том случае, если союзники окажут ему военную поддержку. Д'Аджетта хотел знать, готовы ли союзники принять идею сепаратных переговоров (здесь следует оговориться, что сам он не имел полномочий на их проведение). Однако союзники — чье положение на Западном фронте так же было довольно шатким, по крайней мере на тот момент, — полагали, что Италия не имеет права диктовать им условия. Единственное, что они готовы были обсуждать, это безоговорочную капитуляцию, и в этом случае изъявляли готовность пойти на некоторые уступки.

Ничуть не обескураженный, Бадольо решил, что союзники будут сговорчивее, если визит им нанесут военные. Его выбор пал на генерала Джузеппе Кастеллано, обаятельного, остроумного сицилийца, служившего под началом главы Верховного командования Амброзио, чтобы тот предпринял новую попытку переговоров с союзниками. Кастеллано выехал поездом 12 августа и прибыл в Лиссабон через четыре дня. Кастеллано, который из соображений безопасности путешествовал инкогнито, вполне мог бы

воспользоваться самолетом и прибыть в Лиссабон гораздо раньше, однако торопиться ему было некуда. Похоже, Бадольо по-прежнему тянул время, а все потому, что на пару с королем он пытался определить для себя, кто представляет для них большую угрозу, нацистская Германия или войска союзников.

Спустя несколько дней после прибытия в столицу Португалии Каstellано встретился с представителем генерала Эйзенхауэра, начальником штаба генералом Уолтером Беделлом Смитом и английским бригадным генералом Кеннетом Стронгом, которые прибыли в Лиссабон, переодетые, по их собственному выражению, «в пестрые одежды». (Позднее, в 1950 году, Беделл Смит стал директором ЦРУ.) Мирные переговоры происходили в атмосфере жанра плаща и кинжала. «Считалось, что Лиссабон наводнен немецкими шпионами, — вспоминал Стронг, глаза эйзенхауэровской разведки, — поэтому чем меньше людей знало о нашем присутствии там, тем лучше».

Как вскоре выяснилось, генерал Каstellано отнюдь не горел желанием сдать Италию союзникам. Как и д'Аджста до него, он даже не имел на то полномочий и, похоже, был больше заинтересован в том, чтобы выведать подробности секретной операции союзников по вторжению в континентальную Италию. То есть надеялся выудить из них ту информацию, которую они с особой тщательностью скрывали от своего потенциального союзника. (Во время переговоров возникло имя Муссолини. Беделл Смит поинтере-

совался у Каstellано местонахождением дуче. Итальянец уклонился от ответа, но сказал, что этим же очень интересуется Гитлер.) «На самом деле Каstellано хотел другого, — высказал свое мнение Стронг, — а именно — прежде чем прийти к окончательному решению, по какую сторону забора, так сказать, им свесить ноги, получить от нас максимум информации».

Как подозревали союзники, это странное, если не откровенно подозрительное поведение Каstellано объяснялось царившей в Риме обеспокоенностью. Прежде чем заключать какие-либо соглашения с Западом, король и Бадольо хотели получить гарантии того, что союзники произведут в Италии крупномасштабную высадку, имея численное преимущество перед немцами, и вытеснят последних по ту сторону Альп. Как стало понятно позднее, вялый римский дуэт не имел ни малейшего желания противостоять немцам собственными силами, и это при том, что многие их соотечественники не исключали такой возможности.

Тем не менее поначалу бесплодный характер лиссабонских переговоров отнюдь не обескуражил Бадольо. В чем причина? За две недели своего пребывания в Лиссабоне Каstellано не отправил в Рим ни одного отчета о ходе переговоров! По какой-то нелепой случайности он забыл захватить с собой даже радио. Итальянские спецслужбы располагали в португальской столице несколькими защищенными каналами связи, однако никто не удосужился поставить Каstellано об этом в известность.

В конце концов молчание из Лиссабона насторожило Бадольо, и он вслед за первым отрядил в португальскую столицу еще одного эмиссара, генерала Джакомо Занусси. Занусси, служивший в штабе итальянской армии, вылетел в Лиссабон самолетом и был там уже 26 августа. В подтверждение своих добрых намерений он захватил с собой одного британского военнопленного, однако вид этой странной пары привел союзников в еще большее замешательство.

«Цель второго визитера была неясна», — писал Черчилль о Занусси. Опасаясь, как бы итальянец не оказался самозванцем или, что еще хуже, немецким шпионом, один из приближенных Эйзенхауэра даже предлагал пристрелить Занусси. На его счастье, итальянца пощадили, однако ход переговоров остался по-прежнему в руках Каstellано. (Обстановку еще более осложнило соперничество со стороны Дино Гранди, который стал еще одним представителем небольшой армии итальянских посредников, прибывших в августе на Запад. Гранди, являвшийся ключевой фигурой мятежников, проголосовавших на Большом фашистском совете против Муссолини накануне переворота 24—25 июля, прибыл в Португалию вскоре после Каstellано. Хотя он практически не сыграл никакой роли в переговорах, немцы отслеживали каждый его шаг.)

* * *

В конце месяца Бадольо оказался в весьма щекотливом положении. В то время, когда генерал Каstellано отбыл в

Лиссабон на переговоры с союзниками, Бадольо отрядил других эмиссаров на проходившее в Болонье совещание стран «оси», на котором должен был обсуждаться план совместных действий на случай высадки войск союзников в континентальной Италии.

Гитлер положительно отнесся к идее очередной военной конференции, полагая, что в ее ходе выявятся реальные намерения итальянцев. Хотя до него и доходили слухи о мирных инициативах Бадольо — например, ему было известно о визите в Лиссабон Гранди, а 11 августа он заявил, что в том, что касается итальянцев, «все указывает на предательство». Тем не менее у него не было однозначных доказательств того, что Бадольо ведет двойную игру. Так что, хотя Гитлер и наращивал военное присутствие немцев в Северной Италии, 15 августа он отправил двоих своих самых верных приближенных в Болонью, поручив им «выяснить», каковы реальные намерения итальянцев. (При обсуждении обстановки в Италии на совещании 11 августа Гитлер заметил: «Все указывает на предательство. Сейчас самым необходимым является уточнение сложившейся обстановки. В переговорах должен принять участие Роммель».)

Немецкую сторону на конференции представляли командир Группы армий «Б» в Италии Эрвин Роммель и генерал Альфред Йодль. Итальянцы отправили на нее главу армейского штаба генерала Марио Роатту и нескольких его коллег. Встреча состоялась на окраине Болоньи на комфортабельной вилле, которая до этого принадлежала фашист-

скому функционеру Луиджи Федерцони, однако 25 июля была конфискована. Поскольку тема переговоров носила исключительно военный характер, то дипломатов с обеих сторон приглашать на конференцию не стали.

«С самого начала, — вспоминал Кессельринг, который также присутствовал там, — ощущалась некая напряженность». Но это еще мягко сказано. Роммель был заранее предупрежден, возможно, самим Гитлером, что нельзя исключать попытку покушения на его жизнь. «Предварительные встречи не предвещали ничего хорошего, — вспоминал сын Роммеля Манфред. — Мосму отцу сообщили, что итальянцы собираются воспользоваться возможностью и избавиться от него, подмешав ему в пищу яд. Или же его просто схватят итальянские солдаты». Вследствие этих страхов немцы, со своей стороны, были вынуждены принять повышенные меры предосторожности.

Как только самолет с Роммелем и Йодлем на борту приземлился в Италии, их под охраной целого батальона войск СС отвезли на виллу Федерцони. По прибытии туда солдаты образовали вокруг здания заграждение, сделав вид, будто не замечают итальянских охранников. «С внешней стороны открытых дверей зала заседаний, мимо почетного караула итальянской гвардии, — вспоминал генерал Варлимонт, — прогуливались рослые эсэсовцы, которым итальянцы были в лучшем случае по плечо».

С этого момента дела покатались под гору. Хотя официально партнеры по «оси» прибыли в Болонью для того, что-

бы выработать оптимальный план совместных действий перед лицом угрозы десанта союзников, вскоре встреча выродилась во взаимные упрёки и обвинения. Обе стороны только тем и занимались, что пытались вычислить за предложениями партнера скрытую подошлуку или же узнать дислокацию тех или иных дивизий.

В числе других вопросов на конференции обсуждалось требование итальянской стороны вернуть домой несколько итальянских дивизий, воюющих за пределами страны. Ещё 11 августа Италия поставила Германию в известность о том, что выводит из Франции свою 4-ю армию и ещё несколько дивизий с Балкан. Именно это заявление и послужило толчком к проведению Болонской встречи. В Болонье Йодль дал согласие на переброску домой итальянских частей, однако сразу после этого огорошил Роатту вопросом: против кого будут задействованы эти дополнительные войска, против союзников или немцев?

Вот как писал об этом впоследствии генерал Варлимонт:

«Йодль взял слово и, оставив любые потуги на учти-вость, сопроводил согласие Германии на вывод итальянских войск с юга Франции вопросом, против кого будут брошены эти дополнительные дивизии, против англичан на юге Италии или же против немцев на перевале Бреннер». Роатта заявил, что оскорблен таким вопросом, и отказался на него отвечать.

Как и в Тарвизо 6 августа, в том, что касается самых главных проблем, прогресс практически не был достигнут.

Встреча проходила в атмосфере такой напряженности, что даже совместный обед сторон и тот превратился в препятствие, поскольку Гитлер строго-настрого приказал Роммелю и Йодлю не садиться за один стол с итальянцами, если они не хотят, чтобы их отравили. Впрочем, в конечном итоге Роммель и Йодль уступили и согласились посетить банкет, накрытый по случаю конференции в отеле «Бальони», в центре Болоньи. Тем не менее на всякий случай немцы расставили вокруг отеля свою охрану, а в качестве личного телохранителя к главам немецкой делегации был приставлен офицер, который просидел весь банкет с заряженным пистолетом в руках. Впрочем, это вряд ли успокоило Йодля. Опасаясь, как бы итальянские хозяева не подсыпали ему яд, он отказался даже от кофе.

На следующий день Роатта прибыл с докладом к королю и Бадольо. В своем отчете он неустанно подчеркивал царившую в Болонье атмосферу недоверия. По его словам, его неприятно поразил тот факт, что немцы расставили вокруг виллы Федерцони вооруженных до зубов эсэсовцев. В ответ Бадольо призвал присутствующих обращаться с немцами не снимая лайковых перчаток, чтобы лишний раз не провоцировать сомнительного союзника. Потому что, по его словам, немцы готовы уцепиться за малейший повод и тогда нагрянут в Рим и всех арестуют.

Нацисты также были не в восторге от встречи. Царившее на конференции настроение Йодль зорко подметил в коротком телеграфном сообщении, которое он отправил в Герма-

нию 15 августа. «Намерения итальянцев по-прежнему непонятны, — докладывал он. — И у нас есть все основания не доверять им».

Спустя несколько дней, 19 августа, адмирал Дёниц так описал мнение Гитлера:

«Ситуация в Италии: отношение фюрера в целом не изменилось. Встреча между Роммелем, Йодлем и Роаттой прошла в атмосфере формального добросердечия. Доказательств вероломства итальянцев по-прежнему нет, имеются лишь намеки на то, что этого, однако, нельзя исключать. По этой причине все идет своим ходом, мы по-прежнему перебрасываем в Италию Группу армий “Б” под командованием Роммеля, и итальянцы не строят нам препятствий. Безопасность наших войск и линий тылового снабжения обеспечивается самыми жесткими мерами, однако при этом мы не даем итальянцам поводов идти на открытый разрыв».

Взаимные претензии, высказанные в Болонье, лишь укрепили Гитлера во мнении, что Бадольо замышляет измену. Именно эта его убежденность и помогла сформировать стратегию обороны Италии в случае вторжения войск союзников. Стратегия эта исходила из того факта, что немцам невозможно удержать в своих руках всю Италию без активной поддержки со стороны итальянских частей, которые, по мнению Гитлера, вот-вот перебегут на сторону врага.

«Без итальянской армии, — заявил Гитлер на совещании еще 17 июля, — мы не сможем защитить весь Апеннинский полуостров. В этом случае мы будем вынуждены от-

ступить, чтобы не растягивать линию фронта». В таких обстоятельствах его главной целью было защитить северную Италию, где сосредоточены итальянская промышленность и сельское хозяйство. При необходимости Гитлер был готов отступить до Флоренции, то есть примерно на сто пятьдесят километров севернее Рима.

* * *

План Гитлера по обороне Италии вылился в личную драму между Роммелем и Кессельрингом. Роммель стоял во главе Группы армий «Б» — так именовалось соединение немецких дивизий, которые в течение августа перебрасывались в Италию через альпийские перевалы (уже к середине месяца в Италию была переброшена половина Группы армий «Б»).

Согласно замыслам Гитлера, как только союзники высадутся в континентальной Италии, а итальянцы «покажут свою истинную сущность», как он любил говорить, дивизии Кессельринга отступят с юга и перегруппируются в районе Рима. Если все пойдет согласно плану, они вольются в состав Группы армий «Б», в результате чего Роммель возьмет под контроль все немецкие части на территории Италии и Кессельринг, таким образом, останется не у дел. Уже ходили слухи о том, что его якобы собираются отправить командовать немецкими частями в Норвегию.

Безусловно, ни одна из этих перспектив не внушала Кессельрингу восторга. По его словам, он любил Италию

и итальянцев и не оставлял надежды, что те будут до конца верны интересам «оси». Неисправимый оптимист, Кессельринг полагал, что лучше попробовать защитить каждую пядь итальянской земли, нежели без боя отдать врагу южную часть страны, если не больше.

Летом 1943 года между Кессельрингом и Роммелем возникло соперничество. И тот, и другой пытались перетянуть Гитлера на свою сторону. Роммель был сторонником вывода немецких войск из южной и центральной Италии. На самом деле соперничество было весьма призрачным, потому что Гитлер всегда отдавал предпочтение мнению Роммеля. Кессельринг, по его убеждению, был слишком изнежен долгим пребыванием под итальянским солнцем.

«Меня записали в “италофилы” и потому сочли идеальной кандидатурой на пост командующего тамошними восновными частями. Правда, при условии, что мое присутствие там поможет поддержать дружеские отношения с королевским домом, — вспоминал Кессельринг уже после войны, — потому что как только настал момент заговорить на ином языке, как выбор тотчас пал на другого, а именно — на Эрвина Роммеля, чья Группа армий “Б” уже стояла у меня в тылу». В отличие от Кессельринга Роммель имел репутацию человека, не слишком жалующего итальянцев, с которыми он постоянно ругался во время отступления сил «оси» в Северной Африке.

И вот теперь, в середине августа — то есть примерно тогда, когда штаб вверенной ему Группы армий «Б» был пе-

реведен из Мюнхена на озеро Гарда в северной Италии, — Роммель временно стал одним из двух командующих немецкими силами в Италии.

«На тот момент район его полномочий был ограничен северной Италией, — писал генерал Варлимонт, — в результате мы имели в Италии два немецких штаба, к которым довольно хаотично была привязана вся организация командования нашими силами в этой стране».

Как мы увидим позже, через несколько недель это соперничество между Роммелем и Кессельрингом выльется в откровенный конфликт, когда Роммель потребует для себя контроль над всеми немецкими силами в Италии — причем с удивительным результатом.

* * *

Во второй половине августа немецкие соображения по поводу положения в Италии стали еще серьезнее, что не удивительно, если учесть, что союзники уже навели свои бинокли на итальянский берег. 17 августа после тридцати восьми дней сопротивления пала Сицилия. В течение недели, предшествующей этой дате, нацистам удалось перебросить через Мессинский пролив обратно на материк около сорока тысяч человек — внушительный шаг в тех условиях. Эти солдаты, которые также захватили с собой оружие и военную технику, еще примут участие в других битвах. Союзники же заплатят высокую цену за то, что позволили им так легко уйти. Невероятно, но никто даже не потрудился

поставить Гитлера об этом в известность. Его позиция по Сицилии была столь расплывчатой и неясной, что Кессельринг и Йодль рискнули принять решение вместо него.

Впрочем, юг Италии так и не стал для войск стран «оси» местом отдыха. Несмотря на бесконечные переговоры с итальянцами, Черчилль распорядился, что, «пока американцы не возражают, война против Италии должна продолжаться». В течение всего августа и в начале сентября союзники постоянно бомбили итальянские города. Кварталы таких городов, как Милан, Неаполь, Турин, сильно пострадали от этих бомбежек. 13 августа Рим вторично стал целью авианалета — первый раз город подвергся бомбежке 19 июля, то есть в день конференции стран «оси» в Фельтре, что вынудило Бадольо на следующий день объявить Рим открытым городом. По мнению генерала Штудента, эти частые бомбардировки Италии свидетельствовали о том, что итальянцы вряд ли стремятся к сепаратному миру.

Впрочем, союзники наращивали давление не только на Апеннингах. На Восточном фронте, там, где части вермахта были сильно ослаблены переброской части дивизий в Италию, русские пядь за пядью отвоевывали назад свою землю. 23 августа был взят Харьков, спустя неделю — Таганрог. В этот день американцы предприняли массированный авианалет на Берлин, в результате чего в городе начались пожары, зарево от которых было видно более чем за сто километров. Будучи не в состоянии защитить столицу рей-

ха, немцы были вынуждены эвакуировать из города около миллиона мирных жителей.

С фронтов одно за другим приходили дурные известия. Не удивительно, что Гитлера все сильнее мучили опасения по поводу повторения в Германии событий 25 июля. Чтобы этого не допустить, 24 августа глава СС Генрих Гиммлер (личность малоприятная) был назначен министром внутренних дел, сменив на этом посту престарелого Вильгельма Фрика.

* * *

Что касается Бадольо, то ему не давали покоя партизаны. К концу августа тревожные настрояния в Риме достигли своего пика. Итальянцы не получали от Кастеллано никаких вестей с того самого момента, когда он отбыл в Лиссабон. Никто не мог гарантировать, что желание Италии переметнуться в другой лагерь найдет понимание у союзников. Бадольо был обеспокоен тем, как бы немцы, а также фашисты из числа сторонников Муссолини не попытались сбросить его правительство. Не удивительно, что ему везде мерещились шпионы и диверсанты, как реальные, так и мнимые.

Именно тогда Бадольо разоблачил или же сфабриковал заговор Каваллеро. Итальянцам этот заговор был преподнесен как попытка бывших фашистов низложить — с молчаливого согласия нацистской Германии — итальянское правительство. (Информация о предполагаемом заговоре могла стать одной из причин, по которым в августе Муссолини перевели с Мадалены на материк.)

Глава заговора, Уго Каваллеро, был арестован вместе с другими заговорщиками, бывшими деятелями фашистской партии, которые после событий 25 июля угодили за решетку, однако позднее были выпущены на свободу.

Хотя Бадольо и утверждал, что действует в интересах народа, некоторые итальянцы возмутились. По их мнению, новый глава страны состряпал эти обвинения с той единственной целью, чтобы нанести превентивный удар по остаткам сторонников муссолиниевского режима, свести счеты со старыми врагами, а также устранить возможных соперников. Как бы то ни было, Бадольо хватило мужества отправить в Берлин жалобу на то, что в заговоре замешаны немцы. Риббентроп отреагировал немедленно — потребовал, чтобы Бадольо уточнил, что он имеет в виду, например, назвал имена и фамилии участников предполагаемого заговора. Это, в свою очередь, незамедлительно повлекло за собой публичное извинение со стороны Рафаэле Гварильи, министра иностранных дел Италии. Поговаривали, что за свою самодеятельность Бадольо удостоился резкого выговора от короля, который пришел в ярость, узнав, что глава правительства провоцирует нацистов какими-то невнятными обвинениями.

В расставленные Бадольо сети едва не попал граф Галеаццо Чиано, зять дуче и бывший министр иностранных дел. Хотя он и был женат на дочери Муссолини Эдде, на заседании Большого фашистского совета он проголосовал против Муссолини. После событий 25 июля он снял с себя министерские полномочия и старался не привлекать к себе излишнего внимания.

Сразу после государственного переворота раздались призывы к его аресту, однако Бадольо решил не предпринимать против Чиано никаких действий, выжидая удобный момент. Такой момент подвернулся вместе с заговором Каваллери. Бадольо тотчас распорядился арестовать Чиано и отправить его на Понцу — тот самый остров в Средиземном море, на котором в начале августа держали Муссолини. И хотя Чиано не был напрямую связан с заговорщиками, ему ставилось в вину незаконное обогащение за время пребывания на посту министра иностранных дел. В любом случае Чиано не стал долго задерживаться в Италии, чтобы доказать безосновательность предъявленных ему обвинений.

Утром 27 августа он сам, его супруга и трое детей на немецком самолете вылетели в Германию. Эту операцию ловко провернул Герберт Каплиер, полицейский атташе при посольстве Германии в Риме.

«Никто не мог взять в толк, — писала позднее Эдда, — почему Галеаццо Чиано бросил себя на съедение волкам, запросив политического убежища у Гитлера и его сообщников, которых он на протяжении нескольких месяцев открыто критиковал. Истина заключается в том, что нашим совместным решением было бежать из Рима в Испанию, потому что мы чувствовали, как кольцо сжимается вокруг нас все теснее».

Супруги Чиано полагали — наивно, как впоследствии оказалось, — что после короткого пребывания в Германии нацисты помогут им перебраться в Испанию.

Увы, как вспоминала впоследствии Эдда, короткая остановка затянулась. «Сначала мы считались “гостями” Гитлера, однако постепенно превратились в обыкновенных пленников». По ее словам, Галеаццо никогда не предполагал, что его похитят. «Наоборот, он угодил — а вместе с ним и я — в смертоносный капкан».

Впрочем, сам Чиано, которого нацисты считали предателем, был Гитлеру не так уж и важен. По словам Вильгельма Хеттля, офицера внешней разведки СС, который участвовал в составлении плана бегства супругов Чиано из Италии, куда важнее для него было сохранить гены дуче.

«Гитлер дал однозначно понять: что бы ни случилось, кровь Муссолини в жилах его внуков следует сохранить любой ценой во имя будущего». Так что по-настоящему Гитлера интересовали лишь внуки низложенного диктатора. Именно их он считал единственно важными членами семьи Чиано.

ГЛАВА 11

ВЫСОЧАЙШАЯ ТЮРЬМА В МИРЕ

Тайные приготовления на Гран-Сассо завершены.

*Радиоперехват немцами
итальянского сообщения*

К концу августа тайная и опасная игра взаимного обмена, которую державы «оси» вели с 25 июля, достигла своего апогея. 27 августа генерал Каstellано возвратился наконец

из секретной поездки в Лиссабон. Его двухнедельная миссия в итоге обернулась колоссальной потерей времени. Так или иначе, союзники не намеревались ни «договариваться», ни посвящать в детали своих секретных планов вторжения итальянцев, чье подозрительное поведение во время так называемых переговоров вызвало немало вопросов.

В конце концов люди Эйзенхауэра в Лиссабоне, не мудрствуя лукаво, повторили требование о безоговорочной капитуляции и вручили Кастеллано несколько пунктов не подлежащих обсуждению условий прекращения военных действий, так называемые Краткие Условия, для подписания которых у итальянского генерала просто отсутствовали полномочия. Эта сокращенная версия соглашения о прекращении военных действий, задуманная как временная мера, предлагалась для ускорения достижения обеими сторонами договоренности. Эйзенхауэру, запланировавшему свое вторжение в материковую Италию на начало сентября, очень хотелось достичь взаимопонимания с итальянцами до начала наступления, уменьшив тем самым число противников с двух до одного.

Но быстрая договоренность сорвалась. Итальянцы попросту впали в отчаяние. Их стратегия, направленная на то, чтобы выторговать у англоамериканцев более выгодные условия обернулась против них. После месяца усилий и около полудюжины дипломатических контактов им попрежнему приходилось выбирать между безоговорочной капитуляцией с одной стороны, и Гитлером и угрозой не-

мецкого вторжения — с другой. Это была та же альтернатива, что и 25 июля, с единственной разницей, что за это время страну успели наводнить немецкие солдаты, превращая ее капитуляцию в гораздо более рискованное, чем сразу после государственного переворота, предприятие, когда в материковой Италии стояли всего три немецкие дивизии.

Что оставалось делать королю Италии? Большинство приближенных Виктора Эммануила, опасаясь, что англо-американские войска не защитят Италию от ярости немцев, на военном совете 28 августа рекомендовали капитуляцию отвергнуть. Но Виктора Эммануила все так же терзали сомнения.

В конце месяца генерал Кастеллано вылетел на контролируемую войсками союзников Сицилию, чтобы поторгаться с генералом Беделлом Смитом относительно Кратких Условий и подробнее узнать о близящемся вторжении. «Итальянцы, — вспоминал Черчилль, — хотели быть полностью уверены, что эта высадка будет достаточно мощной, чтобы гарантировать безопасность короля и правительства в Риме. Было ясно, что итальянские власти особенно озабочены тем, чтобы мы высадились на севере у Рима, защитив их от немецких дивизий вблизи города».

Кастеллано заявил, что на тот случай, если они не планируют высаживаться так далеко на севере, то тогда союзники как минимум обязаны задействовать неподалеку от столицы одну воздушно-десантную дивизию, чтобы стать серьезной угрозой для немцев в центре Италии. Во что бы

то ни стало стремясь достичь договоренности, союзники пошли навстречу требованиям Каstellано при условии, что итальянцы обеспечат аэродром под Римом и предпримут другие усиленные меры для поддержки довольно сложной и рискованной операции, известной как «Гигант-2». Каstellано согласился.

* * *

Хотя Гитлер ничего не знал о ведущихся Римом переговорах о прекращении военных действий, он готовился к любому повороту событий. В конце августа нацисты, в основном, завершили военные приготовления на севере Италии и окончательно выработали план операции «Ось» по оккупации полуострова и нейтрализации итальянских вооруженных сил. 23 августа Гитлер лично предупредил Кессельринга, что надо готовиться к худшему развитию ситуации, сказав, что располагает «неопровержимыми доказательствами измены Италии», хотя и не раскрыл их сути. «Он умолял меня не дать итальянцам дурачить меня, — вспоминал Кессельринг, — и приготовиться к серьезным событиям». Не убежденный окончательно, Кессельринг тем не менее принял совет к сведению.

Невзирая на свои подозрения, Гитлер отнюдь не намеревался открыто конфликтовать с итальянцами. Превентивный удар немцев мог предрешить судьбу Муссолини прежде, чем немцы успели бы его освободить. Кроме того, агрессия против ненадежного союзника могла оттолкнуть такие

страны—сателлиты «оси», как Венгрия и Румыния, чья лояльность немцам уже вызывала немалые сомнения.

Вполне возможно, что Гитлер рассчитывал вообще избежать серьезного столкновения с итальянцами. Нисколько не сомневаясь в том, что Бадольо задумал его предать, он, по-видимому, продолжал надеяться, что ему каким-то образом удастся удержать Италию в лагере стран «оси» — либо заставив повиноваться угрозами, либо полностью изменив правила игры, освободив дуче и вновь выведя его на итальянскую политическую арену. Риббентроп, например, продолжал считать, что немцы даже в тот момент еще могли договориться с режимом Бадольо.

«Таким образом, державы “оси” походили на несчастливых супругов, — вспоминал о конце августа генерал Вальтер Варлимонт, — живущих в браке, утратившем всякую форму и содержание. Одна сторона зависела от не спешивших действовать англоамериканцев; у другой все еще не хватало решимости сделать первый шаг к окончательному разрыву». Поэтому Гитлер, узнав, что итальянцы пытаются заключить мир в Лиссабоне — а ему, разумеется, пусть и в общих чертах, стало об этом известно, — приказал действовать дипломатам, а не армейским дивизиям.

Он решил послать в Рим дипломатического представителя, чтобы еще раз детальнее прозондировать умонастроение Бадольо. Этот шаг вполне устраивал итальянские власти, которые также стремились сохранить статус-кво до тех пор, пока в Рим не войдут союзники и не спасут их от нем-

цев. Но Гитлер не хотел посылать бывшего посла в Италии Макензена; 31 августа он фактически официально очистил здание посольства Германии в Риме, уволив Макензена и военного атташе генерала Энно фон Рингелена, чьи радужные представления об Италии чрезвычайно разочаровали германского диктатора.

Взамен Гитлер избрал временного поверенного посольства Рудольфа Рана, пышнобрового интеллектуала. Формально новым послом его не назначили; возможно, нежелание Гитлера производить официальное назначение являлось дипломатическим маневром, призванным усилить неуверенность Бадольо в будущем.

Получив указания от Гитлера, 30 августа Ран вылетел в Рим и встретился с министром иностранных дел Италии Гварильей. Используя политику кнута и пряника, он заявил Гварилье, что Гитлера не слишком волнует, будет Италия фашистской или нефашистской и кто возглавит правительство. «Фюрер — реалист, — вспоминал слова Рана Гварилья, — он стремился только к одному: выиграть войну. Если правительство Бадольо намерено войну продолжать, то доверие фюрера к нам останется неизменным, а итало-германское сотрудничество станет эффективней, чем прежде». Но Ран также сообщил своим итальянским партнерам, что немцам известно о переговорах в Испании и Португалии, и предупредил, что они без колебаний применят силу, если Италия попытается заключить сепаратный мир с западными державами.

Несколько дней спустя, 3 сентября Ран встретился с Бадольо. Последний, очевидно, устроил представление, достойное премии «Оскар», подчеркивая лояльность Италии к «оси» и умоляя Рана удержать рейх от «провокационных действий». Затем Бадольо заявил: «Я — маршал Бадольо, тот самый маршал Бадольо. Я один трех старейших маршалов Европы; я, Макензен и Петен... Недоверие германского правительства ко мне необъяснимо. Я дал слово, и я его сдержу. Пожалуйста, верьте мне».

В выборе времени для этой встречи была некая ирония. В тот момент, когда Бадольо заклинал Рана ему верить, генерал Каstellано в сицилийской оливковой роще подписывал Краткие Условия от имени итальянского правительства. (Всечером того же дня Каstellано вручили так называемые Полные Условия прекращения военных действий, разъяснявшие политические, экономические и финансовые аспекты капитуляции. Подписав Краткие Условия, итальянцы тем самым заранее автоматически соглашались принять Полные Условия. Эти условия могли изменяться в пользу Италии в зависимости от того, насколько активно итальянцы будут помогать союзникам сражаться с немцами в оставшийся до окончания войны период.) После долгих недель дебатов и сопротивления Италия официально выбросила белый флаг, причем сделала это тайком. Капитуляция оставалась совершенно секретной. Виктор Эммануил не собирался объявлять по радио о резкой смене Италией курса, прежде чем союзники выдворят нацистов из Рима.

Пойди все по плану, это стало бы делом считанных дней. Но последующие события развивались совсем не так, как предполагали итальянцы.

Хотя итальянцы и подписали с союзниками договор, король и Бадольо не спешили выдавать Муссолини. Вероятнее всего, такому шагу препятствовал Виктор Эммануил, опасавшийся, что немцы, узнав об этом, тотчас ударят по Риму. На самом деле выдачу Муссолини в качестве знака верности англоамериканцам итальянцы обдумывали сразу после государственного переворота, но эту идею отверг король, полагая, что новость просочится в прессу, раскрыв намерение Италии заключить сепаратный мир. Как указывалось ранее, 28 августа Муссолини перевели с острова Маддалена в центральноитальянский регион Абруцци, восточнее Рима. Его разместили в комнате на втором этаже небольшой сельской гостиницы под названием «Вилетта», неподалеку от деревни Ассерджи, на нижних отрогах Гран-Сассо, высочайшего горного хребта Апеннин. Дуче провел несколько скучных дней в гостинице под присмотром двух своих главных тогдашних стражей, инспектора полиции Джузеппе Гуэли и лейтенанта Альберто Файолы. Изоляция дала дуче почувствовать, что европейские державы «оси» находятся на грани конфликта, и эта мысль его явно угнетала. Гуэли и Файола настолько опасались за его душевное состояние во время пребывания в «Вилетте», что едва диктатор заканчивал трапезу, как они тотчас прятали ножи и вилки, чтобы он ничего с собой не сделал.

В начале сентября Муссолини доставили на ближайшую станцию фуникулера и переправили навверх, в его последнюю тюрьму на величественном Гран-Сассо, отель «Кампо Императоре», известный также как «Альберто-Рифуджио». После десятиминутной поездки в вагончике канатной дороги, протянутой на расстояние 914 метров между Ассерджи и отелем, дуче впервые увидел живописные окрестности. «Кампо Императоре» зимой действовал как лыжный курорт, расположенный на небольшом плато почти в 2134 метрах над уровнем моря. Неподалеку от него возвышается 2896-метровая вершина Корно-Гранде — самый высокий пик Гран-Сассо и Апеннин. (Для сравнения: высота высочайшего пика американских Скалистых гор Маунт-Элберт в Колорадо равна приблизительно 4420 метрам.)

Несмотря на размеры, отель был не слишком примечателен, но Муссолини он показался особенным. «Это высочайшая тюрьма в мире», — сказал он одному из своих охранников, возможно, не без гордости. Высочайшая или нет, дуче точно был ее единственным заключенным. Всех гостей эвакуировали, пока он находился в «Вилетте». Теперь единственными обитателями «Кампо Императоре» оставались Муссолини и около двухсот полицейских и карабинеров, а также персонал гостиницы.

Для дуче, проживавшего в комфортабельных апартаментах второго этажа (номер 201), последующие дни стали днями вынужденного безделья. Он проводил время, слушая радио — одна из его новых привилегий — и играя в

карты, например, в скопоне со своими тюремщиками, Гуэли и Файолой. Ему также позволили совершать прогулки вблизи отеля. Иногда он замечал пастуха, пасшего стадо на одном из соседних плато. «Время от времени верхом на лошади появлялись владельцы стада, и их силуэты четко выделялись на фоне неба. Они чем-то были похожи на героев иной эпохи, — писал он, — после чего скрывались за горным хребтом».

В целом Муссолини почти не жаловался на жизнь в Гран-Сассо, где ему предоставлялись наилучшие бытовые условия и большая свобода. В конце концов, отель «Кампо Императоре», несомненно, являл собой разительный контраст с сомнительным убранством в Доме Раса Иммиру на острове Понца.

Но одновременно диктатор не мог не задаваться вопросом, а не содержат ли его здесь как потенциального смертника. В этом дурном предчувствии была доля истины: Бадольо отдал приказание о том, что немцы «не должны взять его живым».

А Гитлер, разумеется, именно так и намеревался поступить. В конце августа он в эмоциональной манере ясно дал это понять Эдде Чиано, недавно прибывшей в Германию для промежуточной остановки на неопределенный срок. Эдду и ее мужа, Галеаццо Чиано, заманили в ловушку Гитлера — или, как она заявляла позже, — соблазнили обещаниями фальшивых паспортов, готовым к взлету самолетом и другими благами, особо привлекавшими супругов в их

поспешном бегстве. (Разумеется, немцы ничего не имели против Эдды. Гитлер и его клика ненавидели лишь ее мужа Галеаццо.) В любом случае, когда 31 августа Эдда неожиданно появилась в «Волчьем логове», одного вида любимой дочери Муссолини оказалось достаточно, чтобы на глаза Гитлера навернулись слезы.

«Не бойся, — сказал ей расчувствовавшийся Гитлер, когда она узнала об отце. — Он будет освобожден. Нам пока неизвестно, где его держат в заключении, но мы очень скоро это узнаем. И тогда, я тебе обещаю, я сделаю все, что в моих силах, чтобы его освободить. Можешь быть уверена, я доставлю его тебе в целости и сохранности».

Заговорщики оказались правы в одном: немцы не имели представления о том, где в тот момент находился Муссолини. Гитлер, возможно, не знал, что недавний провал на острове Маддалена в конце августа привел к нервотрепке во Фраскатти, где начали обостряться до предела принципиальные разногласия между Скорцени и десантниками генерала Штудента.

«В рядах генерала Штудента был беспорядок, — жаловался позднее Скорцени, подразумевая то, что воспринималось им как явный недостаток энтузиазма в отношении операции «Дуб». — Мы с Радлем были удивлены, поняв, что даже в Генеральном штабе элитного рода войск полно пораженцев. Сразу по прибытии во Фраскатти один майор насмешливо поинтересовался, известно ли нам, что война проиграна. А после фиаско на Маддалене мы все чаще за-

мечали нежелание нам по-настоящему помогать. Казалось, все вокруг считали нас сумасшедшими, одержимыми бредовой идеей». Скорцени и его заместитель Радль, фанатичные эсэсовцы, нимало не сочувствовали тому, что воспринималось ими как неверие библейского Фомы в рядах измученного войной рядового и унтер-офицерского состава ветеранов люфтваффе.

Скорцени немедленно донес свою озабоченность до Штудента, попытавшегося уладить ситуацию дипломатическим путем.

«Люди, о которых вы говорите, — сказал он Скорцени, — и которых я знаю лучше вас, высаживались в Нарвике, в Эбен-Эмаэле, в Роттердаме и на Крите. Я уверен, что они будут и далее честно исполнять свой долг».

В какой-то момент Радль, который, по воспоминаниям Скорцени, «был не из тех, кто отступает», произнес:

«Позвольте мне заметить, господин генерал, что офицер не станет отдавать все силы на войне, которую заранее считает проигранной. Такие настроения мы никогда не понимали и не поймем».

По крайней мере пример двух фанатичных эсэсовцев показывает, почему Гитлер так сильно верил в исключительную преданность легионов Гиммлера.

* * *

Подобные конфликты, вероятно, напоминали Штуденту, что летом 1943 года он — в результате тесного сотрудни-

чества с СС — вступил в странное новое царство. Вместо сражений с противником на линии фронта или в тылу Штуденту пришлось привыкать к заданиям по спасению свергнутого диктатора и, возможно, похищению правительства ненадежного сателлита. Подобные задачи — причудливый изгиб в долгой карьере закаленного в боях сорокатрехлетнего офицера люфтваффе.

Пруссаk Штудент во времена Первой мировой командовал эскадрильей истребителей, прежде чем стать главным архитектором германских воздушно-десантных войск, открывателем совершенно новых форм ведения войны. Его считали патриотом, но без абсолютной веры в нацистское руководство, столь свойственной Скорцени и его собратьям в СС.

На первый взгляд Штудент был не слишком харизматичен, особенно после ранения в голову снайпером во время триумфального завоевания Гитлером Европы в 1940 году. «Вспомню, — вспоминал один из наиболее доверенных подчиненных Штудента, генерал Хайнц Треттнер, — Штудент уступал таким импозантным генералам, как Кессельринг или фон Рихтгофен. У него был высокий голос, и — после ранения в голову в Голландии — несколько запинаящаяся речь ставила его в невыгодное положение в дискуссиях с более искусными ораторами, а его скромная манера держаться могла создать впечатление заурядности».

Но качества Штудента как командира — а он был известен своей храбростью, творческим воображением и упорством — отразились в смелых операциях его тщательно

отобранных из числа добровольцев десантников, быстро завоевавших репутацию одних из лучших солдат войны. «Именно Штудент поставил воздушно-десантные войска на высокий уровень, — писал генерал Джон Хакетт, бывший британский десантник, сражавшийся против солдат Штудента. — Именно его решающую заслугу необходимо отметить в прекрасной подготовке немецких воздушно-десантных войск во Второй мировой войне».

Десантники действовали повсюду. В дни зловещей славы Гитлера они помогли разгромить Норвегию и Данию, сыграли решающую роль во Французской кампании, они изгнали британцев с Крита. Позднее немецких парашютистов использовали как чрезвычайно боеспособную элиту сухопутных войск в период все более и более жестоких оборонительных боев в Африке, в России, на Сицилии, в Италии, во Франции, в Голландии и, наконец, в Германии. Штудент и его десантники всегда вспоминали свой легендарный рейд на «неприступный» бельгийский форт Эбен-Эмаэль. Как покажет дальнейшее, именно этот подвиг был на уме у Штудента когда немцы приступили к планированию своей последней попытки освободить Муссолини.

* * *

Но прежде всего диктатора надо было найти. Несмотря на трения между Скорцени и десантниками, продлившиеся даже за рамки периода войны, генерал Штудент и СС продолжали сотрудничать в поисках дуче после фиаско на

Маддалене. По воспоминаниям Радля, в воздухе носилось много слухов.

Один «надежный» источник указывал, что Муссолини лежит в римской больнице в ожидании операции, но Герберт Капpler, полицейский атташе в посольстве в Риме, выяснил, что это дезинформация. Ойген Долльман также внес свой вклад, развеяв слух о том, что дуче держат на вилле «Савойя», личной резиденции короля и в том самом месте, где 25 июля Муссолини арестовали. Гуляли также смутные намски на то, что Бадольо спрятал своего пленника где-то у озера Трасимене, в районе Перуджи, к северу от Рима.

Затем Капpler, принимавший участие в операции «Дуб» вопреки здравому смыслу, помог им, сделав важнейшее открытие. Его агенты, осуществлявшие прослушивание итальянских радиосообщений, перехватили краткое и непонятное сообщение в эфире: «Тайные приготовления на Гран-Сассо завершены». Гуэли, один из стражей дуче, очевидно, послал это сообщение своему руководству. (Согласно некоторым донесениям, немцы знали, что Гуэли был одним из ответственных за безопасность Муссолини.) Именно этот прорыв — наряду с некоторыми другими сопутствующими разведданными — в конечном счете позволил нацистам найти высокогорный курорт, известный как отель «Кампо Императоре».

Сначала Штудент не придавал особого значения зацепке Капплера. На самом деле в тот момент генерал даже не

знал, что Муссолини находится на материковой части полуострова. Но ближайшие события изменили его точку зрения. 4 или 5 сентября Штудент и Скорцени посетили итальянскую базу гидросамолетов в Винья ди Валле, на озере Браччиано для инспекции эскадрильи самолетов люфтваффе. Немецкие гидросамолеты разместили на базе при подготовке спасательной операции на Маддалене.

Находясь там, Штудент услышал от капитана эскадрильи интересную историю. Офицер рассказал Штуденту, что за несколько дней до этого на рассвете случился воздушный налет. Все спрятались и ждали неизбежных разрывов бомб, но их не последовало. (По воспоминаниям Штудента, летом 1943 года итальянцы, перевозя Муссолини, несколько раз использовали сирену, предупреждающую о воздушном налете, безусловно, для того, чтобы очистить район от потенциальных свидетелей.) Единственное, что, так сказать, упало с неба, было гидросамолетом Красного Креста, совершившим посадку на озере.

«Но это еще не все странности, — продолжал он, — вскоре после появления самолета с базы в сопровождении еще нескольких автомобилей выехала карета “скорой помощи”. В Винья-ди-Валле ходит слух, что пассажиром “скорой помощи” был дуче».

Штудент не мог поверить своим ушам: Муссолини увезли прямо у него под носом! Услышанное на озере Браччиано, несомненно, было отличной новостью, потому что, кажется, подтверждало, что дуче все-таки на полуострове

и что перехват Капшера, возможно, значимее, чем он полагал изначально. Но Штудент не мог избавиться от ощущения, что блестящая возможность ускользнула у него из рук.

Если бы операцию «Дуб» не окружала такая секретность, зная немецкие летчики на озере Браччиано о замысле освобождения Муссолини, они могли бы сами захватить диктатора или вызвать подкрепление, и дело было бы сделано. Штудент думал про себя, что он неделями «ломал голову», пытаясь найти дуче, и всякий раз, когда приближался к преследуемому, итальянцы опережали его на долю секунды. «Очевидно, строжайшая секретность порой может стать серьезным препятствием, — писал позднее Штудент. — В данном случае именно из-за нее был упущен уникальный шанс».

Если судить по воспоминаниям Радля, то зацепка Капшера относительно Гран-Сассо подтверждалась также внешне не имеющим отношения к делу происшествием, привлекшим внимание немцев примерно в это же время: это была автокатастрофа с участием двух итальянских офицеров. Насторожились, очевидно, тогда, когда немцам удалось установить личности пострадавших, по крайней мере про одного из них стало известно, что он должен был охранять Муссолини. (Саверио Полито, главный тюремщик Муссолини на Маддалене, получил травмы в автокатастрофе, произошедшей примерно 20 августа. Тем не менее не ясно, эту ли аварию имел в виду Радль. В действительности Полито тогда счал в Рим из Перуджи, а потому кажется маловероятным, что знание о той аварии могло дать немцам ка-

кие-либо подсказки в отношении Гран-Сассо. Когда немцы попытались выяснить детали катастрофы, обнаружилось, что те итальянцы ехали то ли из Рима в Аквилу, то ли обратно, по прошествии времени Радль уже не мог вспомнить точно, куда именно. Аквила — столица Абруцци. Оттуда всего около двадцати пяти километров до нижней станции фуникулера отеля «Кампо Императоре».

Теперь главным объектом поисков стал лыжный курорт. По представлению Штудента, это было единственным разумным местом на Гран-Сассо, где итальянцы могли прятать Муссолини. «Отель находится в уединенном месте, — писал он позднее. — Это единственное жилое здание на многие километры посреди романтического скалистого горного пейзажа». Но изолированное расположение отеля — попасть в него можно было только по фуникулеру — затрудняло немцам проведение расследования.

Некоторую информацию Скорцени сообщил проживающий в Италии немец, бывавший на курорте до войны. Некие детали, включая фотографию отеля, почерпнули также из брошюры туристического агентства. Но, поскольку заканчивалась первая неделя сентября, немцы четко осознавали, что время работает против них. «Опущение, что громадное напряжение [между странами «оси»] так или иначе разрешится, владело всеми», — вспоминал Штудент. Сначала Штудент и Скорцени не могли придумать, как изучить отель, не привлекая внимания тюремщиков дуче и не вызвав нового перемещения узника. И тут им пришло в голову привлечь немецкого военврача из штаба генерала Штуден-

та Лео Крутоффа. (Неясно, кому именно в голову пришла идея. После войны на авторство претендовали и Штудент, и Скорцени.) Врачу, свободно говорившему по-итальянски и, очевидно, обладавшему недюжинным обаянием, приказали совершить путешествие в Гран-Сассо и выяснить, можно ли использовать «Кампо Императоре» в качестве санатория для поправляющихся немецких раненых. Крутоффу, ничего не знавшему об истинных целях экспедиции, приказали тщательно изучить местность и план здания и обратить внимание на все прочие важные детали. Утром 8 сентября он отправился на машине в отель, расположенный примерно в 120 километрах от Рима. Согласно воспоминаниям Радля, до Крутоффа немцы посылали еще как минимум одного агента разузнать все на Гран-Сассо.

В тот же день Скорцени решил провести разведку участка с воздуха на «хейнкеле-111», оснащенном автоматическими фотокамерами. В полете также участвовали Радль и капитан Герхард Ланггут, офицеры разведки Штудента. Чтобы скрыть от летчика истинную цель полета, Скорцени сказал ему, что они собираются сфотографировать несколько портов на Адриатическом море (у границы Италии на востоке). Пилоту приказали лететь к цели через Римини, Анкону и Пескару, а затем возвращаться по тому же самому маршруту. Это позволило бы им пролететь над регионом Абрुцци и Гран-Сассо.

Вскоре после взлета они стали экспериментировать с фотокамерами, установленными в брюхе «хейнкеля», но обнаружили, что те замрзли и не работают. К счастью, они

на всякий случай прихватили с собой переносной фотоаппарат, однако снимать им наземные объекты оказалось нелегким делом. Нанося еще один послевоенный удар по десантникам, Скорцени и Радль позже утверждали, что один Лангут с таким заданием справиться бы не смог. «Едва мы взопли на борт самолета, — вспоминал Скорцени, — как он сообщил нам, что автоматические фотокамеры не работают и времени их чинить нет. Мы с Радлем удивленно переглянулись. Лангут по такому случаю показал нам, как пользоваться тяжелой ручной камерой, в которой и пленку надо было двигать пусковой рукояткой. Он не собирался делать это сам».

Обращение с фотоаппаратом требовало определенной импровизированной гимнастики. Чтобы получить четкий снимок под нужным углом, немцам, согласно рассказам, пришлось высовываться из открытого люка самолета, когда они пролетали над отелем, или проделывать нечто в этом роде. Скорцени вылез первым, протиснув туловище в отверстие и держа фотоаппарат обеими руками. (Штудент писал, что разведывательные фотографии снимал Лангут и что в том полете Скорцени был не более чем «особо заинтересованный пассажир».) Радль держал его за ноги, чтобы он не упал вниз. В этот момент «хейнкель» летел со скоростью примерно 370 километров в час на высоте 500 метров. В воспоминаниях Скорцени говорится, что температура наружного воздуха равнялась приблизительно минус 8 градусам по Цельсию.

«Я не ожидал, что воздух может быть таким холодным, а ветер таким сильным и пронизывающим, — вспоминал

Скорцени. — При помощи Радля, державшего меня за ноги, мне удалось протиснуться наружу... Нашему взору были доступны бурые скалы, глубокие ущелья, а также яркие заплатки снега и горных лугов. Когда мы оказались прямо над зданием отеля, оно поразило нас своими внушительными размерами. Сделав несколько снимков, я собираюсь перемотать пленку, чтобы заменить кассету, и обнаруживаю, что мои пальцы совсем заоченели». На обратном пути место Скорцени занял Радль и сделал еще несколько снимков.

Двос эсэсовцев хотели услышать, что сумел узнать доктор Крутофф. Но по возвращении в Рим их ждало несколько сюрпризов. Фактически к исходу дня директива Адольфа Гитлера найти и освободить Муссолини с пронзительным скрипом остановилась, по-видимому, навсегда.

ГЛАВА 12

ДВУРУШНИЧЕСТВО

Фюрер предвидел измену итальянцев как нечто абсолютно предрешенное. В действительности он единственный, кто был твердо в ней уверен. Сейчас, когда она и впрямь свершилась, это его очень сильно расстроило.

*Дневник Геббельса,
10 сентября 1943 года*

Сразу после полудня 8 сентября Скорцени и Радль вернулись на аэродром Пратика ди Марс под Римом. Взглянув в направлении Фраскатти, они были потрясены, увидев

поднимавшиеся над горизонтом громадные черные тучи. Где-то около полудня небольшой городок с населением чуть более 10 000 человек страшно пострадал во время воздушного налета союзников, сбросивших почти четыреста тонн бомб. Тысячи жителей Фраскатти, главным образом, старики, женщины и дети, лежали на улицах, убитые или раненые, среди дымящихся руин.

Целью налета была Ставка Кессельринга, где погибли 150 немецких солдат. Сам Кессельринг был ранен. «Первые бомбы упали рядом с моей остекленной верандой как раз в тот момент, когда я выходил из кабинета, — вспоминал он. — Вражеский налет причинил вред не столько военным, сколько городу и его населению». Хотя комплекс Ставки пострадал незначительно, штаб Скорцени во Фраскатти был сильно разрушен.

Но, как вскоре обнаружил Скорцени, воздушный налет был лишь прелюдией более значимых событий. Ранним вечером, отправившись в Рим, он встретил по пути Радля. «Моя машина ехала медленно, — вспоминал он. — По пути я обратил внимание на толпы людей вокруг уличных громкоговорителей. Когда я свернул на виа Венето, то из-за обилия людей практически не смог проехать дальше. Речь диктора, услышанная собравшимися из репродукторов, была встречена громкими криками одобрения: “Да здравствует король!” Женщины обнимались, мужчины о чем-то темпераментно и радостно спорили. Остановившись, я услышал ошеломившее меня известие: “Итальянское правительство

капитулировало”». Когда утром Скорцени поднялся в воздух, итальянцы все еще оставались союзниками Германии. К заходу солнца выяснилось, что они стали врагами.

Или все-таки не стали? 8 сентября именно этот вопрос мучил встревоженных помощников Гитлера в течение нескольких часов. Хотя радио союзников начало транслировать новость о капитуляции Италии ближе к вечеру, итальянцы продолжали отрицать наличие договора о прекращении военных действий, многие немцы узнали о нем только из сообщений иностранного радио. Особенно возмущался Рудольф Рап, тогдашний дипломатический представитель Гитлера в Риме. Он впервые услышал о капитуляции в 5.45 пополудни по американскому радио. Американские СМИ, как выяснилось, первыми придали историю огласке, до официального заявления Эйзенхауэра, которое транслировали несколько позже, примерно в 6.30 пополудни.

«Говорит Дуайт Эйзенхауэр, Верховный главнокомандующий Союзных войск... — Голос Айка прерывался треском радио. — Итальянское правительство подписало безоговорочную капитуляцию своих вооруженных сил. Как Верховный главнокомандующий Союзных войск, я гарантировал военное перемирие... Теперь все итальянцы, содействующие изгнанию германского агрессора с итальянской земли, получат помощь и поддержку Объединенных Наций».

Это казалось непостижимым. В полдень того же дня Рап беседовал с Виктором Эммануилом, заверившим его, что Италия никогда не сдастся! «В конце разговора, — вспо-

минал Ран, — король подчеркнул решимость сражаться до конца на стороне Германии, с которой Италию связывают прочные союзнические отношения». Услышав первую радиопередачу, Ран тотчас позвонил главнокомандующему итальянской армии генералу Роатта. Тот опроверг радиосообщение как обычную британскую пропаганду. Но позднее, тем же вечером Гварилья, министр иностранных дел правительства Бадольо, наконец внес ясность. «Я должен с вами поговорить о том, — сразу после 7.00 пополудни заявил сам Гварилья Рану, — что маршал Бадольо ввиду безнадежной военной ситуации вынужден был искать перемирия». Ран разгневанно ответил: «Это измена данному слову».

Но на деле радиосообщением союзников были удивлены не только немцы. Невероятно, но в причудливом сплетении событий, достойном авантюрного романа, решение Эйзенхауэра передать новость о перемирии Италии застало врасплох и Бадольо.

Как указывалось ранее, 3 сентября на Сицилии доверенное лицо Бадольо генерал Кастеллано подписал Краткие Условия в обстановке строжайшей секретности. Это означало, что публичное объявление о перемирии должно было примерно совпасть с началом операции «Лавина», высадкой войск союзников на материке. Но вследствие проблем безопасности — союзники не полностью доверяли своему вероятному стороннику — Эйзенхауэр не сообщил Риму ни даты, ни места высадки, чтобы эти детали не стали до-

стоянием немцев. Итальянцы вскоре начали ошибочно полагать, что день высадки назначен на 12 сентября или, возможно, позже, как они того и просили.

Это неправильное понимание привело к серьезной конфронтации между союзниками и итальянцами в предшествовавшие «Лавине» часы. Поняв, что истинный день высадки назначен на вечер 7—8 сентября, итальянцы сразу испугались, заявляя, что они еще не приняли всех необходимых военных мер для борьбы с немцами. Но Эйзенхауэра эти аргументы не убедили, и он отказался менять график своего наступления.

Ранним вечером 8 сентября Виктор Эммануил спешно созвал специальный совет, чтобы обсудить положение. Во время этого совещания окружение короля, куда входили Бадольо и ряд других ведущих итальянских политиков, всерьез решило отрицать наличие перемирия, как минимум в качестве временной меры, и таким образом избежать ярости немцев. Но после долгих дебатов договорились исполнить свои обязательства перед союзниками; позднее тем же вечером, в 7.45 Бадольо выступил с радиообращением, объявив о капитуляции Италии.

«Итальянское правительство, — сказал он, — осознавая невозможность дальнейшей неравной борьбы с превосходящими силами противника... получило требование о перемирии от генерала Эйзенхауэра, Верховного главнокомандующего англо-американских Союзных сил. Это требование было удовлетворено. Таким образом, итальянские

вооруженные силы прекращают все враждебные действия против англо-американских вооруженных сил где бы то ни было. Несмотря на это, они будут отражать нападения других сторон». Последнее предложение стало завуалированным намеком на немцев, хотя Бадольо их не назвал; по его разумению, это странное умолчание должно было каким-то образом смягчить удар по Гитлеру.

Поразительно, но большую часть дня 8 сентября Эйзенхауэру оставалось лишь гадать, что предпримут итальянцы. Он не знал, собираются ли они приветствовать его войска как освободителей или драться с ними с оружием в руках. Последний сценарий, утверждал он, мог стать катастрофой для союзников в свете ограниченного количества войск, которыми он располагал для вторжения на берега Италии. (Ресурсы союзников приберегались для операции в Нормандии, намеченной на 1944 год, кроме того, американцы были связаны на Тихоокеанском театре военных действий.)

И в самом деле, 8 сентября царила такая чудовищная неразбериха, что несколько итальянских самолетов действительно атаковали войска союзников на море. Итальянский военно-морской флот также попытался остановить англо-американцев, и этой возможной катастрофы удалось избежать буквально в последнюю минуту.

* * *

Как и государственный переворот 25 июля, объявление итальянцев о капитуляции застало немцев врасплох как ми-

нимум на тот момент. Но они без колебаний набросились бы на своего новоявленного врага, обещая свести счеты с Бадольо и другими итальянцами, осмелившимися им противостоять.

«Тем самым, — объявило немецкое радио в 11.00 утра 8 сентября, — сорвана завеса с предательской интриги, которую против собственного народа неделями шлепа итальянская клика, прислуживая свреям и иностранцам... Возглавляемая рейхом, Европа достаточно тверда и сильна, чтобы расквитаться с этой изменой. Изменников постигнет кара, которая послужит им уроком, кара, заслуженная предателями итальянского народа. Эти изменники не получат выгод от своего преступления; об этом позаботится германская армия».

Немцы также мгновенно напомним кодое слово «ось» своим командирам в Италии и за ее пределами, включая Балканы и Запад. Оно стало сигналом для германских войск приступить к нейтрализации своих бывших союзников путем разоружения и при необходимости взятия в плен. Операция «Ось» включала некоторые меры, предложенные Гитлером сразу же после государственного переворота в Италии.

Военная ситуация в Италии за прошедшие семь недель радикально изменилась. В день ареста Муссолини, 25 июля в континентальной Италии находились всего три немецкие дивизии, на Сицилии их сражалось несколько больше. К 8 сентября их число возросло до шестнадцати дивизий, восьми

под командованием Роммеля на севере и еще восьми под командованием Кессельринга на юге. Две из них располагались близ Рима. Девять дивизий вошли в Италию в первые недели после переворота. Еще четверем удалось бежать с Сицилии в середине августа вместе со своей боевой техникой, и эти войска — потрепанные и изрядно истощенные в недавних боях с союзниками — передали под командование Кессельринга.

Неожиданное объявление Италией резкой перемены курса создало изменчивую и непредсказуемую ситуацию по всему Апеннинскому полуострову, где, несмотря на «Лавину», разверзся настоящий ад. В первые часы утра 9 сентября американо-британские силы (в том числе и 5-я армия генерала Марка Кларка) начали массированную высадку на пляжах Салерно, что на юго-западном побережье Италии, под Неаполем, где они пытались закрепиться на береговом плацдарме под вражеским огнем. Небольшие силы союзников на самой южной оконечности Италии (8-я армия генерал сэра Бернарда Монтгомери) переправились из Сицилии в Калабрию еще 3 сентября и хотя довольно медленно, но уже начали продвигаться в северном направлении на соединение с основными силами, высадившимися под Салерно. Незначительные стычки между немецкими и итальянскими частями возникали под Римом и в других частях страны. (9 сентября союзники также небольшими силами (1-я британская воздушно-десантная дивизия) высадились в Таранте, на самой «пятке» Италии. Эта высадка не встретила сопротивления врага.)

Возможно, никого капитуляция итальянцев не потрясла так сильно, как Кессельринга, хранившего почти непоколебимую веру в своих союзников по «оси» вплоть до самого горького конца. Но, будучи командующим немецких войск на юге Италии, «улыбающийся Альберт» быстро уловил суть сложившейся ситуации, бросив в бой против англо-американцев под Салерно 10-ю немецкую армию. (В это время 8-я армия Монтгомери была настолько далеко на юге, что прямой угрозы не представляла.) К счастью для немцев, Кессельринг ожидал высадки в районе Салерно — это было предсказуемо — и тщательно приготовился к ней.

Следующие несколько дней под Салерно шли упорные бои. Но, несмотря на то что у Роммеля на юге было восемь дивизий, Кессельринг никакой помощи от бывшего командующего Группы армий «Юг» не получил. «Этот итальянский дуумвират, состоящий из меня и Роммеля, — жаловался Кессельринг, — с едва ли не раболепной покорностью Роммеля Гитлеру виноват в непредоставлении мне экстренных подкреплений».

Роммель полагал, что за южную Италию сражаться не стоит, и не собирался жертвовать собственными частями ради того, что считал совершенно безнадежным делом.

Но вскоре Кессельринг и без подкреплений едва не одержал великолепной победы. В решающий день 13 сентября немцы были на волосок от прорыва к морю сквозь брешь, пробитую в рядах сил союзников, и угрожали их флангам потенциальным покалечивающим ударом, который, возможно, мог обернуть-

ся катастрофой и даже полным разгромом десанта генерала Кларка. «Ситуация ухудшилась настолько, — вспоминал Кеннет Стронг, начальник разведки Эйзенхауэра, — что в какой-то момент энергично планировалась эвакуация [по морю] по меньшей мере части берегового плацдарма».

Эвакуация. Сама идея была немислима. Но величайшим напряжением сил союзникам все же удалось спасти положение в значительной степени благодаря артиллерийскому огню орудий военно-морского флота, превосходству в воздухе и отчаянной и героической борьбе пехоты; несомненно, однажды ситуация стала настолько отчаянной, что американцы бросили в бой всех: и поваров, и телеграфистов.

«После войны Эйзенхауэр говорил, что, вспоминая все свои сражения, считал, что под Салерно союзники были ближе всего к тактическому поражению», — писал Стронг. Марк Кларк также признавал, что Салерно едва не обернулось катастрофой.

После решающего сражения 13 сентября ситуация начала стабилизироваться по мере того как, на поддержку позиций Кларка стали прибывать подкрепления, и Кессельринг понял, что ему не удастся сбросить противника в море. Вскоре на сцену вышла 8-я армия Монти, готовая принять участие в том, что, как все надеялись, станет быстрым продвижением к Вечному городу.

* * *

Для Бадольо и других высокопоставленных итальянцев именно тогда и произошел настоящий кризис. После капитуляции пять итальянских дивизий, охранявших Рим,

столкнулись со страшной перспективой, оставшись один на один с немцами, не имея поддержки англоамериканцев. «Теперь все итальянцы, содействующие изгнанию германского агрессора с итальянской земли, — обещал Эйзенхауэр, — получают помощь и поддержку Объединенных Наций». Но, поскольку союзники выбрали местом высадки Салерно, примерно в 225 километрах южнее Рима, в их обещании было мало практического значения.

Это печальное положение дел, отчасти возникшее из-за неспособности итальянцев согласовать свои военные планы с англоамериканцами, неохотно согласившимися на рискованный ввод воздушно-десантных войск в Рим 8 сентября.

«Американские войска необходимы, — говорили итальянцы, — чтобы помочь их местным силам защитить Рим от нападения немцев». Еще важнее была надежда на то, что высадка близ столицы вспугнет немцев и принудит их полностью очистить южную Италию в попытке избежать окружения. Поскольку Рим — главный центр автомобильных и железных дорог, тот, кто контролировал столицу, мог перерезать немецкие маршруты снабжения южной Италии, где дивизии Кессельринга сдерживали натиск англо-американских войск.

Но, хотя итальянцы заявляли, что окажут помощь 82-й воздушно-десантной дивизии генерала Мэтью Риджуэя, они не предприняли реальных попыток предоставить Риджуэю военную помощь, которую он потребовал для осуществления запланированных десантов. Со стороны

итальянцев это означало контроль над защищавшими Рим зенитными орудиями, организацию обороны аэродромов и предоставление солдатам Риджуэя грузовиков и горючего.

Союзников настолько беспокоило то, смогут ли итальянцы оказать существенную помощь американским парашютистам, что они пошли на неординарный шаг, для того чтобы оценить жизнеспособность плана. 7 сентября под видом сбитого летчика союзной авиации они направили с секретной миссией в Рим генерала Максвелла Тейлора. «Тейлора и его товарища, полковника Гарднера подобрал итальянский сторожевой корабль, а затем на машине Красного Креста с огромным риском для жизни тайно доставили в Рим», — вспоминал Стронг.

Не сразу, но достаточно скоро появился генерал Джакомо Карбони, командующий оборонявшими Рим итальянскими войсками, и сообщил Тейлору, что десантная операция не может быть проведена по плану. В качестве объяснения Карбони привел несколько сомнительных утверждений о нехватке горючего и боеприпасов, а также о позициях немецких войск. Когда ранним утром 8 сентября Тейлору все же удалось переговорить с Бадольо, маршал поддержал Карбони.

Этот отказ от данного обещания в последний момент развеял все сомнения Тейлора: десантную операцию необходимо отменять. В результате жители Рима остались с немцами один на один, и им было некого в этом винить, кроме своих лидеров. «Высадка воздушного десанта, как все по-

добные операции, рискованна, — размышлял Стронг, — но я полагал, что ее можно было бы провести с относительно небольшими потерями, будь Бадольо смелее... Итальянские дивизии, хотя и сохранявшие пассивность, вместе с нашими воздушно-десантными соединениями явно могли бы удержать Рим и, возможно, не дать немцам посылать подкрепления в Салерно».

* * *

Но даже эта упущенная возможность отнюдь не означала сама по себе смертного приговора Вечному городу. В конце концов, в районе Рима у итальянцев имелось пять дивизий, способных противостоять немцам. Кессельринг, полностью занятый обороной Салерно, мог позволить себе выделить лишь две из своих восьми дивизий для захвата Рима: 3-ю мотопехотную дивизию и 2-ю воздушно-десантную дивизию генерала Штудента, тех самых парашютистов, что выбросили на Рим на рассвете 25 июля, в день государственного переворота. Но вскоре стало очевидно, что попытки защитить столицу местными силами обречены с самого начала. Печальную судьбу города воистину предопределило поспешное бегство властей.

В предрассветные часы 9 сентября Бадольо стало известно о наступлении немцев в предместьях столицы. Испугавшись неминуемого ареста, он вместе с королем в сопровождении пестрой свиты других высокопоставленных итальянцев, вытянувшись в длинную автоколонну, бежали

из Рима и направились на восток, к противоположному побережью. В конце концов они прибыли в Пескару на Адриатике, взошли на борт ближайшего сторожевого корабля и взяли курс на Бриндизи, пятку итальянского полуострова, куда пришли 10 сентября.

«Если бы правительство осталось в Риме, — писал позднее Бадольо в свое оправдание, — то его захват был бы неизбежен и немцы быстро организовали бы вместо него фашистское правительство, которое обязательно аннулировало бы перемирие. Было необходимо любой ценой избежать катастрофы, поскольку это означало бы полное крушение Италии». Возможно. Но при своем поспешном бегстве из столицы Бадольо не отдал итальянской армии специальных приказов относительно немецкой угрозы. Без четких указаний сверху итальянские вооруженные силы в Риме и окрестностях, как и по всей стране, начали стремительно разваливаться.

Несмотря на то что некоторые подразделения сражались отважно, а отдельные солдаты и горожане совершили беспримерные по героизму подвиги, 10 сентября сопротивление, в основном, было подавлено. В тот день Кессельринг, накануне пригрозивший, что люфтваффе сотрет итальянскую столицу с лица земли, принимал капитуляцию Вечного города.

Стремительное бегство Бадольо и короля наглядно продемонстрировало банкротство их постмуссолиниевской стратегии выжидания и пассивности. Затягиванием мирно-

го процесса на недели и отказом в предоставлении военной помощи силам вторжения союзников новое итальянское правительство существенно облегчило нацистам захват господства в стране после капитуляции. (Справедливости ради необходимо также сказать, что союзники совершили оплошность, когда в течение лета 1943 года упорно цеплялись за формулу безоговорочной капитуляции. Эта позиция препятствовала достижению быстрого соглашения с итальянцами и, возможно, подрывала их стремление предоставить максимальную поддержку.)

11 сентября, через день после того, как Бадольо и компания обрели в Бриндизи безопасную гавань, итальянский народ призвали к оружию. Но не король или глава правительства, а новые друзья Италии, западные державы. В совместном заявлении Черчилль и Рузвельт обратились к итальянцам с призывом восстать против ненавистных нацистов.

«Ныне для каждого итальянца настало время нанести удар по врагу, — подчеркивалось в послании. — Освободительные армии западных держав идут вам на помощь. Наши войска сильны, и мы высадились во многих местах. Террор немцев в Италии продлится недолго. Их изгонят с вашей земли, а вы, помогая этой мощной освободительной волне, снова встанете в ряды истинных и проверенных друзей вашей страны, от которых вы были столь незаконно отлучены. Используйте любую возможность. Ударьте сильно и добейтесь цели».

В сложившихся обстоятельствах послание успеха не имело. Правительство Бадольо уже бежало из Рима, ита-

льянская армия осталась без специальных приказов и твердого руководства, а солдаты союзников в тот момент отчаянно сражались за свою жизнь на пляжах Салерно. Немцы в это время усилили свой контроль над большей частью Италии и взяли под охрану важнейшие сети коммуникаций, такие, как ведущие на юг автомобильные и железные дороги.

«Большинство городов северной Италии в наших руках, — успокаивал себя Геббельс уже 11 сентября. — Более того, связь с нашими войсками на юге восстановлена и укреплена. Таким образом, основные проблемы, связанные с нашей безопасностью в Италии, решены».

Немцам успешно удалось разоружить итальянских солдат по всей стране либо путем переговоров, либо силой. Те из них, что дислоцировались в иностранных государствах, таких, как Франция и Балканы, также сложили оружие под угрозой немецких штыков. Большая часть итальянских армейских частей — сотни и тысячи из них — были взяты в плен по приказу Гитлера; Кессельринг, силы которого были уже на исходе, разрешил итальянским солдатам, находящимся в его подчинении, вернуться домой. (14 сентября немцы разоружили пятьдесят шесть итальянских дивизий, а еще двадцать девять были разоружены частично. Они взяли в плен 700 тысяч итальянских солдат и горы военного имущества.)

В новом сотрудничестве между Италией и союзниками были и немногочисленные светлые пятна. Итальянскому военно-морскому флоту никогда не довелось пережить такое унижение, как муссолиниевской армии и военно-воз-

душному флоту, а, напротив, удалось одержать свособразную победу, ускользнув от немцев. Правда, не благодаря ярким ратным подвигам, а, скорее, в результате театрального обмана. 7 сентября, за день до капитуляции, адмирал Рафаэле де Куртен, командующий военно-морским флотом, встретился с Кессельрингом. Он сообщил доверчивому Кессельрингу, что итальянцы готовятся выйти в море в героическом порыве дать бой врагу.

Со слезами на глазах де Куртен заявил немецкому командующему, что флот либо разгромит военно-морские силы англоамериканцев, либо погибнет в бою. «Адмирал де Куртен объяснил, что, по всем данным, приближается высадка противника на континент, — вспоминал начальник штаба Кессельринга генерал Зигфрид Вестфаль, — и что итальянские военно-морские силы не желают оставаться в стороне от этого жизненно важного, происходящего сейчас сражения... Поэтому тяжелые корабли военно-морского флота вскоре намерены неожиданно для противника выйти из Специи и, обогнув западную оконечность Сицилии, искать встречи с британским флотом и либо победить, либо погибнуть на дне морском... Эмоциональность, с которой де Куртен все это произносил, его слезы и апелляции к тому, что по линии матери в его жилах течет немецкая кровь, не могли не произвести глубокого впечатления».

К тому времени, когда немцы поняли, что де Куртен их обманул, большая часть выпедшего в море флота уже достигла безопасной гавани на контролируемой союзниками

Мальте. У вышедшего вечером 8 сентября из Генуи и Специи флота не было роскоши авиационного прикрытия. Люфтваффе удалось потопить линкор «Рома» и повредить линкор «Италия», но 11 сентября большинство кораблей прибыли на Мальту в целости и сохранности. «Так нам в руки упала великолепная награда в виде целого флота некогда первоклассной победоносной державы», — хвастал Черчилль.

Обозленные потерей флота, нацисты казнили в Специи нескольких итальянских капитанов, которые, не сумев уйти, предпочли затопить свои корабли, чтобы не отдать их немцам. Это был лишь один из многочисленных примеров зверств немцев по всему полуострову в эти несколько дней после капитуляции Италии.

* * *

Теперь, когда немцы более или менее стабилизировали ситуацию на Апеннинском полуострове, им была необходима фигура для следующего хода: какова должна быть стратегия Гитлера, чтобы защитить Италию после ее перехода в войне на сторону врага? Для Гитлера и Роммеля ответ был совершенно очевиден. Кессельрингу необходимо вывести дивизии из южной Италии и передать их своему сопернику Роммелю, который должен взять на себя командование всеми немецкими войсками в Италии и защищать северный анклав от армий Запада.

Всего через два дня после капитуляции этот рефрен повторил Геббельс. «Естественно, нам не удержать южную

Италию, — писал он в дневнике 10 сентября. — Нам следует отступить на север, за Рим. Теперь мы закрепимся на линии обороны, которую всегда предвидел фюрер, а именно на линии [северных] Апеннин. Фюрер надеется, нам удастся отвести войска на нужное расстояние и создать там первый оборонительный рубсж».

Но сам Кессельринг начал сомневаться в мудрости вручения Италии, пусть даже ее южных и центральных регионов, в подарок союзникам. Характерно, что он был склонен рассматривать ситуацию в гораздо более благоприятном свете. Вопреки дезертирству итальянского флота он просто не мог не верить в свою удачу в первые после начала «Лавины» дни. Несмотря на капитуляцию Италии и вторжение союзников, немцы продолжали прочно удерживать в своих руках четыре пятых территории страны.

Разумется, ему повезло, потому что англоамериканцы не совершили броска ближе к Риму: такой ход заставил бы немцев незамедлительно и стремительно отступить на север Италии, чтобы избежать окружения и не попасть в ловушку. «Выброска воздушного десанта на Рим и высадка морского десанта в его окрестностях, а не под Салерно автоматически заставили бы нас вывести войска из южной части Италии», — признавал позднее Кессельринг.

Выбор в качестве места высадки Салерно обуславливался, главным образом, ограниченностью воздушной мощи союзников и желанием захватить крупный порт — Неаполь — в самом начале кампании. Базировавшиеся на Сицилии истребители

имели эффективный боевой радиус действия 290 километров, и этот фактор исключал возможность высадки в городах севернее Салерно. Ситуацию могли изменить авианосцы, но их не хватало. Одержимость союзников воздушной поддержкой, предвиденная Кессельрингом, помогает объяснить, каким образом немцы смогли предугадать высадку в районе Салерно.

И если кто-то и мог почувствовать, что события 8 сентября доказали его правоту, то этим человеком являлся Адольф Гитлер. В конце концов, именно Гитлер за несколько недель до 25 июля предсказал капитуляцию Италии. Фюрер спорил об этом с подчиненными, ругал сомневающийся из числа немцев, запугивал и уговаривал их с помощью лести. И все же, когда момент наконец наступил, он стал тяжелым ударом.

Геббельс, присхавший к нему в «Волчье логово» на рассвете дня капитуляции, отмечает глубину реакции Гитлера. «Фюрер предвидел измену итальянцев как нечто абсолютно предрешенное, — записывает Геббельс в дневнике 10 сентября. — В действительности он единственный, кто был твердо в ней уверен. А сейчас, когда она и впрямь свершилась, это его очень сильно расстроило. Он не допускал возможности, что эта измена произойдет столь подлым образом». (Неопределенность стала для Гитлера практически невыносимой. 7 сентября, в день перед объявлением капитуляции, он решил настоять на обязательном решении проблемы, выдвинув Бадольо ультиматум, требующий объяснить его подозрительное поведение или отвечать за

последствия. Гитлер собирался отправить это послание 9 сентября.) Естественно, расстроен! Поэтому измена итальянцев — не более чем всего лишь «чудовищный образчик свинства», сказал Гитлер Геббельсу.

Нет нужды говорить, что двурушничество Бадольо поставило перед немцами грандиозную пропагандистскую дилемму. Переход Италии на сторону противника вызвал мощные потрясения и на родине, и в таких нацистских государствах-сателлитах, как Венгрия и Румыния, уже пораженных падением Муссолини. В свете этих факторов Гитлер не мог больше сохранять публичное молчание. После того, как он несколько месяцев уклонялся от общения с немецким народом и игнорировал настойчивые просьбы Геббельса и Дёница, фюрер неохотно выступил по радио. В своей речи он попытался дать нацистскую оценку утраты Италии и преуменьшить ее влияние как в Германии, так и за границей.

«Мы освободились от тяжелого бремени ожидания, висевшего над нами в течение долгого времени, — сказал Гитлер в шестнадцатиминутной, записанной заранее речи. — Теперь, я считаю, для меня вновь настал момент обратиться к немецкому народу, не прибегая к обману ни себя, ни общества. Произошедшее ныне крушение Италии стало событием, возможность которого мы предвидели заранее». Эту возможность предвидели, объяснял Гитлер, потому что «определенные круги» в Италии давно работали над подрывом союза Рим—Берлин. «То, к чему эти люди стремились в течение многих лет, свершилось. Руководите-

ли итальянского государства переметнулись от германского рейха, союзника Италии, к общему врагу».

Хотя внутренние противники дуче пытались подорвать его фашистский режим, а также его связь с Гитлером и Германией, являющейся преданным другом Италии, постоянно приходившими на помощь во время войны, особенно в Северной Африке и на Балканах, Гитлер допустил эти жертвы Германии только из восхищения одним человеком — Муссолини.

«Германский рейх и я, его фюрер, занимали эту позицию, лишь потому что понимали, что во главе Италии стоял один из самых выдающихся людей современности, величайший сын итальянской земли с момента падения Римской империи... Его свержение и позорные оскорбления, которым он подвергся, будущими поколениями итальянского народа будут восприниматься как глубочайший позор... Мной лично овладело вполне понятное горе от той редкостной исторической несправедливости, которой этот человек подвергся, от позорного отношения, выпавшего на долю человека, в течение двадцати лет жившего исключительно ради своего народа, а теперь считающегося обычным уголовником. Я был счастлив считать раньше и продолжаю считать этого великого преданного человека своим другом».

В речи также содержалось несколько предостережений. Одно относилось к немцам, потенциально покушавшимся на смену режима в рейхе. «Надежда найти предателей здесь зиждется на абсолютном незнании характера национал-социалистического государства; вера в то, что они могут совершить 25 июля в Германии, основывается на

глубочайшей иллюзии о моем личном положении, а также отношении моих политических сотрудников и моих фельдмаршалов, адмиралов и генералов».

Второе предостережение касалось Италии. «Меры, принятые для защиты германских интересов перед лицом событий в Италии, очень суровы. Затрагивая Италию, они применяются по плану и уже дали хорошие результаты. Пример предательства Югославии стал для нас заблаговременным благотворным уроком и ценным опытом».

Это была угроза. Все знали, что гитлеровские люфтваффе практически стерли с лица земли столицу Югославии (Белград), когда новые руководители страны попытались порвать с нацистами. Только во время бомбардировки Белграда были убиты около 17 000 гражданских лиц. Югославия сдалась немцам в течение нескольких дней.

ГЛАВА 13

ПРОСТОЙ ПЛАН

Времени у нас было немного. Англоамериканцы только что вторглись на итальянский полуостров. Генерал Штудент хотел провести операцию быстро. Поэтому я составил свой план всего за несколько часов.

Майор Гарольд Морс о последней попытке нацистов освободить Муссолини

Неожиданное известие о капитуляции Италии несколько не повлияло на план Гитлера спасти Муссолини. Скорее, наоборот, изменившиеся обстоятельства заставили наци-

стов удвоить усилия. «Каждый день, а может, и каждый час промедления, — вспоминал Скорцени, — увеличивал риск того, что дуче опять переведут в новое место заключения. Помимо этого, самая большая опасность заключалась в том, что они могли передать Муссолини союзникам, с чего те наверняка добивались». 9 сентября Гиммлер направил в Рим телеграмму с напоминанием потенциальным спасателям, что освобождение Муссолини остается высшим приоритетом вне зависимости от наличия или отсутствия капитуляции.

То были дни насилия и хаоса в Вечном городе. Вначале Штудент и его 2-я десантная дивизия, которой вместе с 3-й мотопехотной дивизией противостояли в Риме пять итальянских дивизий, были слишком заняты подавлением сопротивления своих бывших союзников, чтобы заниматься освобождением. «Все соображения и приготовления, касающиеся освобождения Муссолини, временно отошли на второй план», — вспоминал Штудент.

В день получения телеграммы Гиммлера, например, десантники проводили операцию иного рода: смелую выброску воздушного десанта на штаб итальянской армии в Монтеротондо, неподалеку от Рима. «Я попытался захватить Генеральный штаб итальянской армии с воздуха, — вспоминал Штудент. — Попытка увенчалась успехом лишь отчасти. Тридцать генералов и еще полторы сотни других офицеров Генштаба удалось захватить в плен, но остальные сражались до последнего». По признанию самого Штудента, итальянцы оказывали яростное сопротивление.

Однако к 10 сентября, после того как Рим пал и ситуация в городе начала стабилизироваться, оперативная группа по освобождению Муссолини вновь сосредоточила свое внимание на Гран-Сассо, где, по ее предположениям, содержали диктатора. Свидетельства Лео Крутоффа, говорящего по-итальянски офицера медицинской службы, помогли уточнить местоположение. Еще утром 8 сентября, до того как в бою сошлись государства «оси», он попытался добраться до отеля «Кампо Императоре», чтобы выяснить, позволят ли итальянцы разместить там выздоравливающих после ранения немецких солдат.

Крутофф, ничего не знавший об операции «Дуб», в отель не попал. Фактически, как он позже сообщил Штуденту и Скорцени, не добравшись до первой станции фуникулера близ Ассерджи, маленькой деревушки на нижних отрогах гор, он наткнулся на итальянский дорожный контрольно-пропускной пункт. Из разговора с местными жителями ему удалось выяснить, что отель недавно заняли карабинеры и там находятся пара сотен человек. Как позднее вспоминал Штудент: «Сомнений почти не оставалось». (Есть сведения, что Скорцени и его люди также подвергли пыткам двух офицеров итальянских карабинеров, чтобы выяснить, действительно ли Муссолини содержат в Гран-Сассо.)

* * *

Вечером 10 сентября Штудент решил в ближайшие дни выволить Муссолини из его самой высокой в мире тюрьмы на Гран-Сассо. Но как ему этот ловкий трюк осуществить?

Несомненно, это «очень рискованное дело», считал он. Ведь «Кампо Императоре» расположен на голом плато на высоте почти 2134 метров над уровнем моря. Добраться до него можно лишь по небольшому фуникулеру, действовавшему на расстоянии 914 метров между Ассерджи и отелем. (В 1943 году еще не было хорошей дороги, соединяющей Ассерджи с отелем, лишь узкая пастушья тропа.)

Наиболее очевидной возможностью казалась отправка штурмовой группы на склон горы, но этот план отклонили по нескольким причинам. Для того чтобы окружить плато и не дать итальянцам в последний момент скрыться со своим пленником, требовалось много солдат. Это привело бы к большим потерям со стороны немцев. Как позднее указывал Скорцени, атакой больших сил наземных частей и подразделений было бы трудно достичь важнейшего элемента внезапности. «Нашим козырем должна была стать полная внезапность, — писал он, — поскольку, помимо всех стратегических соображений, мы боялись, что карабинерам, возможно, приказали убить пленника, если его не удастся отстоять».

Также рассматривалась возможность выброски воздушного десанта. Но, несмотря на то что люди Штудента были первоклассными специалистами парашотно-десантных операций, во Фраскати без энтузиазма относились к применению подобных методов на Гран-Сассо. Хотя бы потому, что в разреженной атмосфере горной местности парашютисты могли начать спускаться слишком быстро. А главное,

господствующие на плато непредсказуемые порывы ветра даже в случае благополучного приземления могли разбросать солдат по всей обширной территории, не дав им быстро собраться и нанести массированный удар по отелю.

Единственным методом, представлявшимся полностью осуществимым, была потенциально опасная высадка на планерах. Обычные самолеты не подходили из-за отсутствия на Гран-Сассо надлежащей взлетно-посадочной полосы. Но около дюжины десантно-транспортных самолетов-планеров, способных приземляться практически на любой поверхности, могли высадиться на плато, оставшись при этом более или менее целыми и невредимыми. К тому же явная невероятность идеи могла бы явиться своего рода психологическим шоком, необходимым для обеспечения молниеносности нападения.

«Поэтому наше единственное решение, — вспоминал Скорцени, — заключалась в высадке на нескольких планерах. Но имелась ли близ отеля площадка, чтобы на ней можно было осуществить подобную высадку?» Скорцени считал, что имелась. Во время своего разведывательного полета над Гран-Сассо он заметил близ здания нечто, напоминавшее небольшой луг. Немного везения, подумал он, и здесь могли бы приземлиться планеры.

Аэрофотоснимки не слишком помогли. Планы Скорцени увеличить их не сбылись, поскольку при бомбардировке Фраскатти авиацией союзников была разрушена главная фотолаборатория. Проявить фотопленку ему все же уда-

лось, но десятисантиметровые квадратики отпечатков смахивали на ряд отбракованных снимков, сделанных во время отпуска. Тем не менее, слегка прищурившись, можно было разглядеть очертания лужайки, которую заметил Скорцени, когда высунулся из «хейнкеля». Изучив фото, Штудент принял решение. «Глядя на них, стало ясно, что если это вообще и осуществимо, то не иначе как на небольших планерах, испытанных при взятии форта Эбен-Эмаэль».

Разумеется, имелась в виду знаменитая парашотно-десантная операция начала войны по захвату бельгийской крепости Эбен-Эмаэль. К 1943 году этот рейд уже превратился в легенду, завоевав восхищение военных во всем мире. Именно генерал Штудент и его солдаты спланировали и провели этот рейд.

Основная его идея, по слухам, принадлежала Гитлеру, который осенью 1939 бредил планами захвата Франции. Они требовали проведения стремительной наступательной операции на территории Голландии и Бельгии с ударами, сходящимися в районе Арденн. Но знаменитый форт Эбен-Эмаэль, расположенный на Альберт-канале, угрожал вторжение сорвать. Чтобы быстро пройти по территории Бельгии, немцам необходимо было захватить три главных моста через канал, прежде чем противник успеет их взорвать. Пушки Эбен-Эмаэля, надежно скрытые в укреплениях этой большой и неприступной на вид крепости, могли быстро разрушить эти мосты в случае начала немецкого наступления.

Гитлер считал, что обычная атака форта, расположенного на 46-метровом горном хребте и способного выдержать артобстрел и бомбардировку с воздуха, потребует часов или даже дней и не помешает бельгийским орудийным расчетам уничтожить мосты прежде, чем его солдаты смогут их остановить. Германский диктатор, вообще одержимый нетривиальными идеями, полагал, что планеры могут явиться решением.

Хотя идея использовать планеры в бою может показаться несколько странной, этот тип самолета обладает несколькими важными преимуществами. Планеры, например, способны приземляться практически на любой поверхности и фактически бесшумно. Они также позволяют быстро доставить небольшое количество солдат к определенной цели в тылу врага. При выброске парашютного десанта, напротив, люди обычно оказываются рассеяны по обширной территории, в особенности в эпоху, предшествовавшую появлению высокотехнологичных парашютов.

В конце 1939 года Гитлер изложил свою идею генералу Штуденту, который со своими штабными офицерами разработал детальный план. Планеры в бою никогда ранее не применялись — Эбен-Эмаэль стал их дебютом, — но дальновидное руководство люфтваффе уже имело их на вооружении. В 1930-е годы люфтваффе заказали разработку боевого планера Германскому научно-исследовательскому институту планеризма (DFS). В результате появился транспортный самолет DFS 230, по сути, модернизированная

версия разработанного в начале 1930-х планера для доставки метеорологического оборудования. Помимо летчика, летательный аппарат мог взять на борт максимум девять солдат с полной выкладкой.

Ранним утром 10 мая 1940 года — в день начала грандиозного наступления Гитлера на запад — в небе над Эбен-Эмазлем появилась небольшая эскадрилья планеров DFS 230. Уклонившись от зенитного огня, они совершили жесткую посадку на лужайки форта. Небольшие отряды саперов люфтваффе выбрались из полуразбитых планеров и совершили стремительный рывок к металлическим куполам и бетонным контрэскарповым галереям форта, защищавшим главные орудия, которые они быстро обезвредиликумулятивными зарядами, еще одной новинкой той поры.

Бельгийцы застыли в изумлении. Хотя защитники десятикратно превосходили отряд из семидесяти девяти десантников Штудента, тактическая внезапность позволила последним достичь основной цели, а именно — всего за двадцать минут вывести из строя орудия, способные разрушить мосты через канал. Немцы потеряли убитыми шесть человек, бельгийцы — двадцать пять. Впоследствии Эбен-Эмаэль вошел в историю как одна из самых впечатляющих штурмовых операций всех времен. Эта блестящая операция также помогла проложить дорогу ошеломляющему блицкригу, в котором немцы в кратчайший срок нанесли поражение объединенным армиям Франции и Великобритании.

Разумеется, всякое сходство между Эбен-Эмазлем и предстоящим налетом на отель «Кампо Императоре» по

меньшей мере поверхностно. Так, готовясь к штурму Эбен-Эмаэля, десантники Штудента долгими месяцами непрерывно отрабатывали на учениях мельчайшие элементы операции. Немцы также располагали отличными разведданными, включая «синьки» чертежей форта, знали расположение каждого орудия, которое предстояло вывести из строя. Важнейшими факторами успешного выполнения задания стали тщательное планирование и многочисленные учения.

Рейд на Гран-Сассо, напротив, являлся, скорее, вынужденной импровизацией. Времени на учения и разрешение потенциальных проблем операции не было. Зона посадки была сравнительно небольшой, особенно с учетом непредсказуемого ветра в горах, всего 1,6 или 2 гектара. (По свидетельству военного историка и спецназовца ВМФ США Уильяма Х. МакРейвена, зона высадки на Гран-Сассо оказалась намного меньше по сравнению с фортом Эбен-Эмаэль, где она была гораздо «обширнее».) А приземляться пилотам планеров надо сразу, с первой же попытки.

Отсутствовали и подробные разведданные. Чертежей отеля у немцев не было. Но, даже раздобудь они их, никто не сказал бы наверняка, в какой именно части здания Муссолини будет находиться в момент высадки. Более того, и о защитниках отеля оставалось лишь гадать. Несколько правильно расположенных по периметру курорта пулеметов, и со штурмом моментально покончат, даже несмотря на элемент внезапности. Нацисты также рассчитывали, что итальянцы, скорее всего, не станут сражаться насмерть за

политический труп дуче, особенно в момент развала итальянских вооруженных сил.

* * *

Взвесив все варианты, генерал Штудент дал окончательное согласие на планерную высадку, которую назначил на утро 12 сентября. Позднее он утверждал, что лично проработал многие детали операции, а ее проведение поручил десантному батальону под командованием майора Гарольда Морса. Однако по другим сведениям, подлинный автор плана рейда на Гран-Сассо — именно Морс. (Необходимо отметить, что Скорцени также утверждал, будто играл ключевую роль в планировании операции. Фактически Скорцени и Радль обвинили Штудента и его десантников в том, что те сначала отказывались проводить высадку на планерах. По утверждению эсэсовцев, некоторые из офицеров Штудента предсказывали, что подобный штурм приведет к потерям 80 процентов личного состава. Марко Патричелли, написавший (по-итальянски) детальное исследование, посвященное рейду на Гран-Сассо, и взявший интервью у нескольких из выживших десантников, отдает приоритет Морсу.)

Несмотря на свои тридцать два года, Морс был уже закаленным в боях, опытным офицером. Он командовал десанниками во время Французской военной кампании и увенчавшейся успехом, но стоившей немалых жертв высадки на острове Крит. «Времени у нас было немного, —

вспоминал Морс, получивший задание 11 сентября, всего за день до операции. — Противник только что вторгся на Апеннинский полуостров [9 сентября]. Штудент хотел провести операцию быстро. Поэтому я составил свой план всего за несколько часов».

Операция состояла из двух этапов. Ее основой была высадка воздушного десанта на двенадцати планерах DFS 230, таких же, как и те, что участвовали в штурме Эбен-Эмаэля, которые должны были приземлиться на небольшое плато, на котором находился отель «Кампо Императоре». «Воздушная операция являлась важнейшей частью задачи, — вспоминал Штудент. — Каждый планер следовало заполнить до отказа. Если все пойдет гладко, то самолеты доставят 108 человек, не считая двенадцати пилотов, которых тоже принимали в расчет. Но все планеры не смогут приземлиться одновременно. Десантники будут прибывать небольшими группами, планеры начнут садиться один за другим с минутным интервалом». Именно этот момент поочередной высадки немцы считали самым уязвимым.

Лейтенанту барону Отто фон Берлепшу поручили командовать штурмовой группой, большую часть которой составляли военнослужащие 1-й роты батальона Морса. В дополнение к этой группе из девяноста десантников Скорцени убеждал Штудента взять себя и еще семнадцать бойцов-фридентальцев.

«Скорцени спросил генерала Штудента, можно ли ему лететь с группой, — вспоминал Морс. — Поскольку стараниями Скорцени нам удалось установить местоположение Муссолини, Штудент не мог отказать ему. Затем Скорцени стал уговаривать Штудента позволить ему взять на борт примерно 15 своих людей. Убеждать он умел. Но фон Берлепш пришел в ярость, поскольку был вынужден оставить на земле 15 десантников».

По словам Штудента, десантники должны были стать передовым ударным отрядом. «В то время как фон Берлепш и его десантники отвечали за подавление возможного сопротивления и обеспечение дальнейшего безопасного проведения операции, — писал Штудент позднее, — Скорцени должен был выполнять полицейские функции по личной охране дуче. Кроме того, впоследствии он сам доставил бы Муссолини в Германию».

Вторая часть операции должна была проводиться в долине, у подножия горного хребта. Чтобы прикрыть Берлепша с тыла, Морс и остальная часть его батальона, а также около дюжины людей Скорцени должны были подойти к Ассерджи, пересрезав по пути телефонные и телеграфные линии, и занять нижнюю станцию канатной дороги. Морсу и его людям надлежало это сделать для того, чтобы помешать подходу итальянских подкреплений на помощь защитникам Гран-Сассо.

Два этапа — высадка воздушного десанта и наземная операция — должны были проводиться одновременно.

«Сам майор Морс должен был командовать моторизованной колонной основных сил своего батальона у нижней станции фуникулера в Ассерджи, занять станцию, войти в контакт с приземлившейся ротой и помочь ей в критической ситуации. Важнейшей задачей майора Морса являлось обеспечение прикрытия внезапной атаки высадившейся на Гран-Сассо роты от возможного вмешательства итальянцев из Ассерджи. Для этого прибытие батальона на станцию в долине и высадка роты на гору должны были пройти одновременно».

* * *

На бумаге задача представлялась достаточно выполнимой, но никто не знал, как все пойдет в жизни. Даже при наилучшем развитии событий, если бы всем немцам удалось в целостности и сохранности приземлиться на Гран-Сассо, охрана Муссолини, составлявшая, по оценкам Скорцени, около двухсот человек, по численности примерно вдвое превосходила штурмовой отряд немцев. Этот перевес мог существенно увеличиться, если часть планеров врежется в гору или значительно отклонится от курса.

Но главным фактором риска, по воспоминаниям Штудента, который когда-то сам был пилотом планера, являлись «неизвестность и полная непредсказуемость ветров, гуляющих в высокогорье Абруцци. Даже небольшой спортивный планер едва ли мог им противостоять». По его мнению, было далеко не ясно, как в таких услови-

ях поведет себя группа тяжелогруженных планеров DFS 230, хотя он и считал, что это «вызов», достойный пилотов люфтваффе.

Ключевым элементом операции был эффект внезапности. И Штудент, и Скорцени полагали, что итальянцам потребуется несколько минут, чтобы понять, что происходит. Этот короткий промежуток времени давал нападавшим стратегическое превосходство. Новая автоматическая винтовка FG-42, разработанная специально для десантников, также была призвана помочь уравнять шансы в будущей перестрелке.

Во время завершения немцами разработки своего плана Скорцени продолжал беспокоиться о шансах на успех. «Мы знали, что они были довольно зыбкими, — вспоминал он. — Во-первых, никто не мог гарантировать, что Муссолини все еще находится в отеле или что он останется там до рассвета [в день нападения]. Во-вторых, не было никакой уверенности, что нам удастся сломить сопротивление итальянского отряда достаточно быстро, чтобы не дать им казнить дуче». Последнее обстоятельство внушало особое беспокойство.

В голову Радлю, заместителю Скорцени, пришла неожиданная идея, или, как выражались в те времена, «блестящая мысль». «Внезапно Радля оснило гениальное прозрение: нам необходимо прихватить с собой высших итальянских офицеров! — вспоминал Скорцени. — Одно их присутствие может вызвать у карабинеров определен-

ное замешательство, некую нерешительность, которая помешает им оказать немедленное сопротивление или казнить дуче. Это позволило бы нам нанести удар, прежде чем они успеют опомниться».

Штуденту идея понравилась, и он тотчас ее принял. В конечном счете, немцы остановили свой выбор на итальянском генерале карабинеров по имени Фернандо Солетти. Несмотря на развал «оси», 11 сентября немцы связались с Солетти, предложив ему встретиться на следующее утро, в день рейда. Об истинной причине встречи ему не сказали.

Через два дня после капитуляции Италии, когда немцы и англоамериканцы продолжали сражаться на пляжах Салерно, Геббельс погрузился в раздумья о судьбе Муссолини. «Остается вопрос, где находится дуче, — записывает в дневник Геббельс 10 сентября. — Ответа не знает никто... Мы боимся, что его уже передали англичанам и он находится на каком-нибудь британском военном корабле».

Как выяснилось, предположение было чересчур пессимистическим. В тот момент Муссолини находился отнюдь не в тюрьме союзников, хотя, наверное, и должен был там находиться. В конце концов, Запад потребовал, чтобы его выдали, и итальянцы заверили Эйзенхауэра, что диктатора до поры держат в безопасном месте.

Что касается Эйзенхауэра, у него, судя по воспоминаниям капитана Гарри Бутчера, его флотского адъютанта,

были весьма четкие представления о будущем дуче. «Айк хотел сам руководить судебным разбирательством по делу Муссолини, — записал Бутчер в дневнике 6 сентября 1943 года, — если некогда знаменитых джентльменов выдадут союзникам по соглашению. Получи Айк приказ судить диктатора, признался он этим утром, то наверняка признал бы его виновным и с большим удовольствием наблюдал за тем, как его повесят. Однако мы решили, что любой судебный процесс над Муссолини должен проводиться на самом “высоком уровне” — с привлечением юристов хотя бы из нескольких стран—членов Организации Объединенных Наций».

Но итальянский дуумвират из короля и Бадольо не делал ничего для осуществления этих великих планов. Фактически во время своего поспешного бегства из Рима 9 сентября эти двое даже не попытались взять дуче с собой на Бриндизи или передать его союзникам, в другую безопасную гавань, чтобы он не попал в руки немцев. (По мнению историка Дениса Мак Смита, немцы не единственные, кто хотел провести спасательную операцию. В дни хаоса после капитуляции Италии у группы офицеров итальянских ВВС созрел «не слишком серьезный заговор» по спасению Муссолини и вывозу его из страны на самолете для обеспечения его безопасности.) Между прочим, королевская колонна по дороге в Пескару проезжала по району Абруцци неподалеку от отеля «Кампо Императоре».

Мотивы, стоявшие за отказом сделать это, оставались неясны. Возможно, Виктор Эммануил испытывал болезненную приверженность к своему старому «главе правительства», которым он откровенно восхищался (и кому 25 июля обещал защиту). Также возможно, что король и Бадольо, отнюдь не уверенные, что их бегство в Бриндизи удастся, боялись, что Гитлер сочтет их лично виновными, если Муссолини окажется в американской тюрьме в ожидании казни.

Как бы то ни было, но после 8 сентября жизнь в «Кампо Императоре», как и во всей немецкой оккупационной зоне, изменилась незначительно. Хаос и насилие, в которые погрузилась вся Италия в первые дни после начала операции «Лавина», отеля «Кампо Императоре» благодаря его изолированному положению на высокогорье практически не затронули. Инспектор полиции Джузеппе Гуэли, бывший главным тюремщиком дуче в горах, счел за благо усилить меры безопасности, установив несколько пулеметов за пределами курорта.

Но в отсутствие новых приказов он решил просто наблюдать и ждать. Напряжение начало усиливаться, когда до Аbruцких гор дошла весть о падении Рима.

Когда Вечный город пал, Муссолини отметил «воцарившуюся на Гран-Сассо странную атмосферу неуверенности и ожидания. Стало известно, что правительство бежало вместе с королем... Отвечающие за меня должностные

лица казались растерянными, словно столкнулись с необходимостью исполнения в высшей степени неприятной обязанности».

Но для дуче самое важное открытие этого периода было глубоко личным. Вечером 10 сентября, слушая берлинское радио, он услышал нечто, привлекшее его внимание.

Это была не транслировавшаяся в тот день речь Гитлера, которую он, по-видимому, пропустил, а короткое сообщение об условиях итальянской капитуляции: «Генеральный штаб войск западных держав официально объявил о том, что одно из условий капитуляции включает выдачу Муссолини союзникам».

Один из охранников дуче тотчас заметил, что это сообщение передавали раньше и что Лондон его опроверг. Но другие средства массовой информации также сообщали о решимости Запада привлечь Муссолини к ответственности. «Согласно заслуживающим доверия источникам, — писал французский журналист, известный под псевдонимом Пертинакс (Андре Геро), в статье в «Нью-Йорк таймс» за 10 сентября, — правительства Соединенных Штатов и Британии исполнены решимости заставить Бенито Муссолини и предать его суду в кратчайшие сроки. В настоящее время он заключен под стражу правительством Бадольо и лишен возможности скрыться. Он может быть выдан в любой момент».

Эти сообщения соответствовали истине. Хотя в кратких условиях итальянской капитуляции, носивших лишь вре-

менный характер, не содержалось упоминания ни о дуче, ни о его фашистских приспешниках, в полной версии оно все-таки было. В статье 29 Полных Условий говорилось: «Бенито Муссолини, глава фашистской партии, и все лица, подозреваемые в совершении военных или аналогичных преступлений, чьи имена фигурируют в списках, составленных Организацией Объединенных Наций, будут незамедлительно задержаны и переданы в руки Объединенных Наций».

(Содержание Полных Условий официально держалось в секрете до 1945 года.)

Когда 10 сентября репортаж берлинского радио достиг Гран-Сассо и слуха Муссолини, это привело к одному из самых драматических (или мелодраматических) эпизодов, произошедших за время заключения дуче. По слухам, вечером того же дня Муссолини, поклявшись, что никогда не позволит, чтобы его передали союзникам, попробовал перерезать вены лезвием «Жиллетт».

Неясно, действительно ли дуче пытался покончить жизнь самоубийством или разыгрывал спектакль.

Но на всякий случай лейтенант Файола изъясил все лезвия и другие острые и режущие предметы из комнаты диктатора.

Однако, как позднее признавался Файола, он полагал, что немцы, скорее всего, попытаются освободить Муссолини, прежде чем его выдадут Западу.

В этом случае приказ Бадольо оставался в силе: немцы не должны взять Муссолини живым.

ГЛАВА 14

ОСВОБОЖДЕНИЕ МУССОЛИНИ

Самолет легонько клюнул носом, и мы оказались над краем плато. Накренившись влево, машина рухнула в пустоту. Я закрыл глаза. Все мои усилия оказались тщетны! Я затаил дыханис, ожидая неминуемой катастрофы.

*Скорцени. Отто Скорцени
и секретные операции абвера*

Для Штудента и Скорцени 12 сентября стало кульминацией шестинедельных упорных поисков. Несмотря на противодействие итальянской военной разведки, им удалось проследить путь своего неуловимого объекта из Рима на Понтианские острова в Тирренском море, оттуда на остров Маддалена близ Сардинии и, наконец, на величественные вершины Гран-Сассо в центральной Италии. Попутно существенное содействие им оказали Герберт Капплер и немало других людей, многие из них открыто насмеялись над этим предприятием. В тот период немцы подготовили как минимум три схемы «освобождения» Муссолини. По меньшей мере в одном случае (Санто-Стефано) активную роль в разработке спасательной операции играл сам Гитлер.

Разумеется, за это короткое время произошло много других событий. Удача начала явно отворачиваться от Третьего рейха. Начнем с того, что немцы потеряли сво-

его сильнейшего союзника в Европе, итальянцев, и стали свидетелями первого успешного вторжения противника на европейский континент (хотя 12 сентября успех этого вторжения еще оставался сомнительным). В России Красная армия все лето гнала немцев, похоронив надежды Гитлера на победу на Востоке. В Западной Европе англоамериканцы начали мощные воздушные налеты на Гамбург, Берлин и другие цели в странах «оси».

«Никто больше не сомневается в том, что эта война — война не на жизнь, а на смерть, — с пафосом записал Геббельс в дневнике 11 сентября, всего за день до рейда на Гран-Сассо. — Сегодня Восточный фронт тревожит немецкий народ значительно сильнее, чем несколько недель назад. Подавленность, вызванная воздушными налетами, нарастает в результате недавних ужесточившихся атак». Отчетливее Адольфа Гитлера никто этой тревожной тенденции не осознавал. Изолированный и напичканный лекарствами в комнатах «Волчьего логова», он воображал, что спасение дуче стает первым шагом к новой и возрожденной «оси» — «оси», переснащенной «чудесным оружием» немецкой технологии, таким, как баллистические ракеты и реактивные самолеты.

В воскресенье 12 сентября, в разгар упорных боев под Салерно, в 225 километрах южнее Рима, глава СС Генрих Гиммлер послал в Вечный город еще одну, ничем не оправданную телеграмму с напоминанием Штуденту и Скорцени об исключительной важности операции по спа-

сению Муссолини. Совершенно не ведая, что наспех составленный немецкий план захвата дуче в отеле «Кампо Императоре», казалось, вот-вот провалится, еще не начавшись.

Накануне рейда Скорцени неприятно поразила новость, услышанная в радиопередаче союзников, казалось, лишавшая смысла операцию «Дуб». По его воспоминаниям, в том сообщении говорилось, что выдача Муссолини Западу как часть итальянского соглашения о капитуляции уже произошла. Предположительно, один из покинувших Специю итальянских военных кораблей доставил его в Тунис, в Северную Африку, где его в настоящее время содержат в качестве военнопленного. Встревоженные немцы прикинули в уме эту ситуацию и пришли к выводу, что дуче вряд ли мог прибыть в Тунис так быстро. Они решили эту информацию игнорировать.

В тот же самый момент возникла проблема со временем начала планерной высадки. По плану немцы назначили высадку на 7 часов утра, то есть из аэропорта Пратика ди Маре, расположенного примерно в 30 километрах южнее Рима, им необходимо было вылететь на час раньше. В ранние утренние часы, когда завихрение воздушных потоков вокруг горных вершин относительно невелико, шансы планеров на благополучное приземление выше. Немаловажен также и элемент внезапности: при атаке рано утром немцам скорее удалось бы застать охрану Муссолини врасплох.

Но вечером 11 сентября майор Морс доложил Штуденту, что операцию, возможно, придется отложить на несколько часов. Морс хотел быть уверен, что со своим батальоном он успеет добраться до станции фуникулера близ Ассерджи одновременно с началом приземления планеров у отеля, как предусматривал план. Морсу, очевидно, хотелось подстраховаться на тот случай, если его движение замедлят перестрелки с итальянцами. В ответ на просьбу Морса Штудент неохотно перенес начало операции на 2 часа дня, взлет планеров назначался на 1 час дня. Ранним утром 12 сентября Морс вместе со своим батальоном моторизованной колонной двинулся к Ассерджи, официально начав операцию по спасению Муссолини.

Воплотить решение Штудента в жизнь было непросто. Это означало, что действия в горах теперь должны вестись при свете дня. «В полуденную жару, — считал он, — все трудности... усугублялись». Но даже при этих условиях ему не хотелось откладывать спасение до завтра. «Муссолини в любой момент могли вывезти из Гран-Сассо, доставить в один из портов на Адриатике и передать американцам по морю. Таким образом, время терять было нельзя. Приходилось идти на риск и совершать полет в особо неблагоприятных условиях полудня».

* * *

В утро рейда генерал итальянских карабинеров Фернандо Солетти тоже пережил несколько тревожных мо-

ментов. Как уже упоминалось ранее, Солетти был главным элементом возникшей в последний момент в голове Радля схемы, призванной сломить сопротивление охранников дуче и не дать им открыть огонь по немцам.

Итальянский генерал заранее договорился о встрече с Радлем в то утро. Но когда в 7.30 эсэсовцы явились в Министерство внутренних дел в Риме, Солетти нигде не было.

В 9 часов он наконец появился и в итоге согласился проводить Радля до Пратика ди Марсе. Там генерал Штудент отвел Солетти в сторону и объяснил, что чуть позже в тот же день немцы планируют спасти Муссолини. Во время операции потребуется присутствие Солетти, сказал Штудент, чтобы не завязалась жестокая перестрелка между бывшими союзниками. Итальянец, по воспоминаниям Радля, спокойно дал согласие, и дело, казалось, уладилось.

На тот момент лишь с планерами оставались неясности. Двенадцать DFS 230 еще рано утром должны были преодолеть 130 километров от Гроссето до Пратика ди Марсе. Но они не появились даже к 10 часам, и, казалось, никто не знал, что с ними случилось. Наконец, примерно час спустя, в небе над летным полем появились двенадцать планеров и их самолёты-буксировщики. «Давно пора», — подумал про себя Штудент.

Хотя вид DFS 230 радовал взоры немцев, их прибытие явилось холодным душем для генерала Солетти, как раз

завтракавшего с Радлем в здании аэродрома, когда планеры освободились от буксировщиков и стали приземляться. Солетти мог видеть садящиеся самолеты через окно, но не знал, что это. По воспоминаниям Радля, генералу Штуденту пришлось пространно объяснять итальянцу детали спасательной операция.

Но Солетти очень заинтересовался планерами и, полагая, что Радль — десантник (Скорцени и его фриденальцы все были одеты, как десантники), спросил эсэсовца, часто ли он на них летал.

«Да, очень часто, господин генерал, — солгал Радль, пытаясь заранее смягчить удар. — Ощущения самые приятные не только потому, что нет шума двигателей, мешающего разговаривать, но и потому, что чувствуешь себя просто человеком-птицей, «uomoucello»).

«Нет, правда, зачем эти машины?»

Радль посерьезнел.

«Все очень просто, господин генерал, — сказал он. — Скоро мы взлетим на этих планерах, приземлимся в горном массиве Гран-Сассо и спасем дуче».

Солетти улыбнулся: ему показалось, что Радль шутит. Поняв, что его собеседник не шутит и что его просят принять участие в некой плохо продуманной десантной операция, Солетти стало плохо, и ему пришлось вызывать врача. Придя в себя, он отчаянно воззвал к генералу Штуденту и Герберту Капшлеру, но тщетно. Итальянец быстро понял, что немцы глухи. По воспоминаниям Скорцени, он

и генерал Штудент готовы были, если надо, тащить Солетти силой, «чтобы избежать кровавой бойни». С этого момента итальянского генерала взяли под стражу.

* * *

Вскоре после того, как сели планеры, генерал Штудент дал инструктаж только что прибывшим летчикам и отобраным офицерам десантников роты лейтенанта фон Берлепша в помещении технических служб летного поля. Также присутствовали Берлепш, Лангут (офицер разведки Штудента), Скорцени и Радль. Майор Морс и его батальон уже двигались к Ассерджи. Большинство присутствовавших, естественно, удивились, узнав о специфике задания, которое им предстояло выполнить через несколько часов. Разумеется, соображения безопасности не позволяли сообщать об этом раньше.

«В основе всей операции освобождения лежал элемент внезапности», — вспоминал сказанное им тогда Штудент. Неожиданность — основная ценность нападения. Главная задача пилотов планеров состояла в том, чтобы благополучно высадить на землю Берлепша и его десантников, об остальном они должны были позаботиться сами. Прискорбно, что пилотам придется производить посадку среди бела дня, когда ветровые течения гораздо сильнее, но тут ничего не поделаешь.

Он также предупредил их о нехватке новейших разведанных. Нет гарантии, сказал он, что Муссолини все еще

в горах. С другой стороны, моральный дух итальянцев невысок, особенно в свете развала вооруженных сил страны. Кроме того, немцы взяли с собой итальянского генерала Солетти, чье присутствие сможет помочь разрядить обстановку.

Закончив инструктаж, генерал Штудент покинул Пратика ди Маре и вернулся в свой штаб во Фраскати. После этого, разложив карты и чертежи, Лангут и Скорцени сообщили участникам дополнительные детали. Первой и, возможно, самой опасной фазой их задания, как поняли летчики, было приземление двенадцати планеров на относительно небольшом участке у отеля «Кампо Императоре».

Когда пилоты сгрудились вокруг 10-сантиметровых квадратиков разведывательных снимков, они ощутили, насколько сложна стоящая перед ними задача. Плато со всех сторон окружали глубокие пропасти и склоны высоких гор, выскочить за отметку или оказаться сбитым с курса сильным порывом ветра означало неминуемую катастрофу. Детали зоны посадки оказались неразличимы из-за размера и скверного качества снимков. Практически невозможно было установить предполагаемый уклон участка.

Но беспокоила их не только посадка. Лангут указал, что пилоты могут столкнуться с трудностями еще до того, как подойдут к цели. Его особенно беспокоил горный хребет восточнее Тиволи, поднимавшийся на высоту 1300 ме-

тров. По-видимому, это первый значимый хребет, который встретится на их пути во время полета, и Ланггут не знал, смогут ли планеры и их буксировщики набрать достаточную высоту к моменту преодоления этого препятствия.

Но, по мнению Ланггута, это не представляло серьезной проблемы. Если высота планеров окажется недостаточной, ведущий самолет, в котором полетит он, просто совершит горизонтальный поворот на 360 градусов. То есть вираж на одно крыло, набор достаточной высоты во время полета по широкой петле, а затем возвращение на исходную траекторию полета. Остальные самолеты, идущие следом, просто повторяют этот маневр. (Неясно, называл ли Ланггут во время инструктажа этот маневр петлей.)

* * *

Согласно плану, каждый планер нес на своем борту девять человек, помимо пилота, и буксировался на Гран-Сассо моторным самолетом «Хеншель». Буксировщиками были, по-видимому, «Hs 126». В тот период войны большинство буксировок планеров осуществляли эти одномоторные самолеты. Достигнув гор, буксировщики должны были отцепить буксировочные тросы 40-метровой длины, освобождая планеры, которые направлялись на посадочную площадку возле отеля. Если все пойдет гладко, планеры приземлятся с минутным интервалом в точно указанном месте, доставив в общей сложности 120 солдат.

Штурмовой группой командовал лейтенант фон Берлепш. (Командование штурмовой группой — еще один предмет спора между Скорцени и десантниками. Штудент и Морс позднее утверждали, что главным назначили Берлепша. Согласно воспоминаниям Скорцени, у него с Берлепшем было своего рода объединенное руководство, Скорцени командовал командос до того, как проник в отель, после чего руководство перешло к Берлепшу.) Его подчиненные, десантники и фриденальцы (эсэсовцы), подразделялись на двенадцать планерных групп. Хотя тогда никто об этом не знал, порядок расстановки нескольких первых планеров — наряду с неожиданностью в полете — зажег искру затянувшегося на десятилетия острого конфликта.

Ланггута, принимавшему участие в разведывательном полете 8 сентября и потому знакомому с маршрутом, приказали лететь в ведущем буксировщике «Хеншель». Берлепш и восемь его десантников погрузились в планер, привязанный к самолету Ланггута. Такая комбинация буксировщика и планера образовывала «голову» первого «звена» (боевого порядка из трех самолетов). Скорцени и удерживаемый насильно генерал Солетти летели в первом планере второго «звена» в сопровождении семи эсэсовцев из батальона «Фриденаль». Радио и еще восьми эсэсовцам отвели следующий планер.

В остальных планерах должны были разместиться десантники Берлепша. Эти силы обеспечивали общую под-

держку штурма, а также выполняли особые задания. Отделение одного планера, например, отвечало за занятие верхней станции фуникулера (противоположной нижней) и безопасность подземного туннеля, соединявшего станцию с отелем.

Хотя у штурмовых групп было много огнестрельного оружия — штурмовые винтовки FG-42, пулеметы и легкие минометы, — они не собирались пускать их в ход без крайней необходимости. Они надеялись, что испуг, вызванный молниеносностью атаки, будет настолько силен, что охранники дуче сдадутся, не применяя оружия.

Позднее сам Скорцени утверждал, что хорошо усвоил важный урок, извлеченный из нападения британского спецназа на штаб Роммеля в Северной Африке в начале войны. В тогдашнем жестоком фиаско невольно виноваты сами британцы, слишком рано начавшие стрелять, что вызвало немедленный ответный огонь, и ситуация вышла из-под их контроля.

«Изучив ту операцию, — объяснял Скорцени, — я решил проинструктировать солдат своего спецподразделения стрелять только в случае крайней необходимости... Самое действенное и проверенное средство не позволить своим солдатам открыть огонь — самому идти впереди и не стрелять».

В 12.30 дня немцы готовились погрузиться в планеры и буксировать их. Но, не успев приступить к этому, замерли в грузовиках от воя сирены. Воздушная тревога!

В небе внезапно появилось несколько вражеских самолетов, двухмоторных «Митчеллов», которые начали бомбить аэродром. Это не было превентивным ударом союзников, очевидно, даже не подозревавших о том, что спасательная операция назначена именно на этот день. Скорее всего, это была случайная бомбардировка. Едва воздух наполнили разрывы бомб и залпы зенитных орудий, немцы бросились врассыпную, прячась в кустах и под деревьями по краям летного поля.

«Когда мы разбегались в поисках укрытия, — вспоминал Скорцени, — я с горечью подумал, что это конец задуманной нами великолепной операции. Какое ужасное невезение — потерпеть такую неудачу в самый последний момент!» Когда опасность миновала, все стали медленно выбираться из укрытий. Чудесным образом ни один из планеров не разбомбили, а летное поле пострадало лишь незначительно. Решили продолжать по плану.

Едва миновал этот кризис, как рядом с DFS 230 Скорцени произошел новый взрыв, иного рода. В его центре оказался генерал Солетти. Он, вероятно, совершил одну из последних попыток избежать неминуемого.

«Не хочу в этом участвовать! — закричал он. — Это самоубийство!» По воспоминаниям Радля и генерала Штудента, Солетти попытался выстрелить в себя, прежде чем пара эсэсовцев схватила его и, связав, насильно усадила в планер Скорцени. Стоит заметить, что скверно себя чув-

ствовал не только Солетти. Позднее Радль признавался, что ему и еще одному фриденвальцу с трудом удавалось сдерживать позывы постоянно бегать до ветра в ожидании посадки на борт самолета.

Их тревогу понять легко. В глазах непосвященных примитивная конструкция DFS 230 не внушала доверия. Планер выглядел хлипким и ненадежным, поскольку в основе своей состоял из стальных трубок, на которые была натянута брезентовая обшивка. Несмотря на одиннадцатиметровую длину и более чем двадцатиметровый размах крыльев, вес пустого воздушного судна составлял менее тонны. Легкая конструкция DFS 230 делала его особенно уязвимым для огня противника. Чтобы снизить риск быть сбитым в воздухе, эти планеры часто оснащали пулеметами для сдерживания вражеских наземных войск в момент высадки. Но в тот день немцы из этих пулеметов открывать огонь не собирались, они откроют огонь только в том случае, если их вынудят обстоятельства.

После того, как к полудню 12 сентября погрузка закончилась, все DFS 230 были заполнены до отказа, приближаясь к своему предельно допустимому весу, примерно 2100 килограммов. Свободного пространства внутри почти не осталось. Немцы сидели на длинной скамье посреди фюзеляжа, положив оружие и снаряжение туда, где удалось найти место. После взлета каждый планер сбрасывал двухколесное шасси, совершая посадку на специальный

полоз. Для этого задания немцы обмотали его колючей проволокой, чтобы усилить трение во время посадки. Для торможения самолета под хвостовой частью фюзеляжа устанавливались парашютные ранцы.

В час дня — точно по расписанию — буксировщики «Хеншпель» и их планеры начали взлетать с аэродрома Пратика ди Маре. Группу возглавлял Лангут, летевший в ведущем звене. Скорцени и Солетти летели в четвертом звене. «Я отдал приказ на посадку, пригласив итальянского генерала занять место передо мной на узком сиденье, — писал позднее Скорцени. — Места для оружия практически не оставалось. У нашего итальянского друга был такой вид, будто он сожалеет о принятом решении».

Поднявшись в воздух, Лангут повел отряд на северо-восток, в направлении отеля «Кампо Императоре», в 120 километрах от Рима. Нормальная скорость буксировки планеров составляла примерно 180 километров в час, но при необходимости ее можно было увеличить до 210 километров в час.

Как и другие планеры, DFS 230, в котором летел Скорцени, был освещен ярким дневным светом. По мере увеличения температуры внутри кабины он заметил, что некоторых из его людей стало укачивать. Солетти, бывший кавалерийский офицер, чувствовал себя немногим лучше. «Внутри планера было жарко и душно, — вспоминал Скорцени. — Итальянский генерал, находящийся впереди

меня, весь позеленел — прямо-таки под цвет своего мундира». Одного из эсэсовцев в планере Радля, который в том же звене следовал за планером Скорцени, вырвало, и кабину наполнило отвратительное зловоние.

Вскоре после взлета голова конвоя приблизилась к 1300-метровому горному хребту восточного Тиволи. Это было потенциально опасное место, которого так боялся Ланггут. Даже сейчас он не был уверен, что вся цепь планеров сможет перелететь через эту преграду, и поэтому принял роковое решение: развернуть весь конвой по кругу, чтобы набрать достаточную высоту и гарантировать безопасность десантников. Он заложил на своем «Хеншеле» боковой вираж и начал описывать широкую горизонтальную петлю, таща за собой Берлепша и его планер.

Возникла одна проблема. Посмотрев в иллюминатор, Ланггут с ужасом обнаружил, что никто из его звена за ним не следует. Вместо этого обезглавленный конвой, как ни в чем не бывало, летел прямо над горной цепью, приближаясь к главной цели. «Порядок движения подразделения изменился, — писал позднее генерал Штудент, — теперь первым шло “звено” Скорцени».

Судя по воспоминаниям Скорцени, причиной недоразумения стала большая гряда облаков в районе над Тиволи, помешавшая увидеть неожиданный маневр Ланггута. Когда звено Скорцени вынырнуло из тумана, его пилоты

не обнаружили ни Ланггута, ни его первого «звена» — те словно растворились в воздухе. Полную неразбериху создавало отсутствие радиосвязи между различными звеньями. Оторвавшись от остальной штурмовой эскадрильи, Ланггут не мог предупредить других летчиков, что они с Берлепшем двинулись в обход. (Штудент позднее заявлял, что пилоты звена Скорцени просто не поняли значения предпринятого Ланггутом изменения курса.)

В любом случае конвой теперь летел вслепую — и без командира. Когда пилот планера Скорцени, молодой оберштурмфюрер Элимар Мейер, бросил взгляд в направлении кабины и спросил, что им делать, Скорцени закричал: «Мы летим первыми!»

Он не мог ясно видеть землю через запотевшие плексигласовые иллюминаторы, грязные и поцарапанные, и потому вытащил нож и сделал несколько длинных узких разрезов в брезенте, которым был обтянут каркас планера. «Я решил, что примитивная конструкция этих планеров все-таки обладает определенными преимуществами», — вспоминал он. Сумев сориентироваться и находя на карте проплывавшие под ними географические объекты, он смог повести конвой по маршруту, давая указания Майеру, который затем предоставлял необходимую информацию летчику «Хеншеля», буксировавшего планер.

Прошел примерно час полета, когда Скорцени посмотрел вниз и заметил городок Аквила, столицу провинции

Абруцци. Это означало, что цель уже близка. Вскоре он смог различить облака пыли, поднимаемые грузовиками колонны майора Морса. Они уже достигли Ассерджи и двигались по ведущей к станции фуникулера извилистой дороге. Согласованность во времени была практически идеальной — два этапа операции проводились одновременно, как и планировалось.

Теперь под крылом своего DFS 230, летевшего на высоте примерно 3000 метров, Скорцени мог видеть отель «Кампо Императоре». Не нуждаясь больше в буксировке, Мейер отцепил буксировочный трос, позволив планеру медленно снижаться на расположенное на высоте 2000 метров плато. Он вел самолет широкими кругами, когда Скорцени различил внизу землю. Вскоре стала видна небольшая поляна, задуманная как зона посадки.

Это была так называемая лужайка, замеченная Скорцени во время разведывательного полета 8 сентября. Прежде он никогда не видел ее так близко, и одного взгляда на нее оказалось достаточно, чтобы ему стало плохо. «В тот момент я почувствовал, что мы влипли, — вспоминал Скорцени, — потому что “пологая лужайка” на деле оказалась почти отвесной кручей. Треугольной формы, она напоминала лыжный трамплин». Кроме того, ее поверхность усеивали многочисленные камни и валуны, которые были практически неразличимы на снимках аэрофотосъемки.

Мейер повернулся и взглянул на Скорцени, словно спрашивая, что ему делать. Секунду-другую тот не знал, что ответить. Ему следовало принять мгновенное решение: отменить всю операцию или рискнуть и молиться, чтобы пилоты люфтваффе сумели посадить самолеты, не угробив их всех?

«Деласм посадку из пике!» — закричал наконец Скорцени, приказав пилоту приземляться как можно ближе к отелю. В тот момент он взял на себя ответственность за свой планер и другие планеры, летевшие за ним. Он знал, что они последуют за своим ведущим, начнут снижение в разреженной атмосфере и устремятся навстречу неведомой судьбе. Радль видел из своего планера, как планер Скорцени начал спуск. «Кровь застыла у меня в жилах, — вспоминал он, — когда я подумал, что он разобьется».

Планер Скорцени спускался быстро. «Под безумный свист ветра мы приближаемся к цели, — вспоминал он. — Вижу, как Мейер выбрасывает тормозной парашют, затем слышу треск ломаемого дерева. Инстинктивно зажмуриваю глаза и чувствую, что в голове нет ни одной мысли. Еще рывок — и мы замираем на месте».

Поврежденный планер чудесным образом, проскользнув на боку полоза, затормозил примерно в 15 метрах от угла отеля. (Угол заднего фасада правого крыла здания.) Вокруг валялось множество камней и каких-то обломков, но именно они не дали самолету проскочить мимо цели.

Сидя у окна своего номера в «Кампо Императоре», Бенито Муссолини проводил очередной пустой день, когда DFS 230 Скорцени внезапно совершил посадку. «Было ровно 2 часа дня, — позднее вспоминал он, — и я, сложив руки, сидел у открытого окна, когда в 90 метрах от здания приземлился планер... Раздался сигнал тревоги... Тем временем лейтенант Файола ворвался в мою комнату и пригрозил мне:

“Закройте окно и не двигайтесь!”»

Несмотря на легкий шок, вызванный резким приземлением, эсэсовцы начали вылезать из открытой двери планера, которую весьма кстати сорвало с петель во время посадки. Скорцени поспешил за ними, держа в руке автомат. Солетти также устремился вперед вместе со всеми. Выйдя из планера, он начал кричать по-итальянски:

«Не стрелять, не стрелять!» (Директор отеля «Императоре», находившийся в тот момент в здании, заявил, что Солетти приставил пистолет к его груди.)

Подбежав к задней стороне отеля, Скорцени наткнулся обескураженного, неподвижно застывшего итальянского охранника, по-видимому, парализованного происходящим. Скорцени закричал:

«Mani in alto! (Руки вверх!)» — и бросился в ближайшую дверь на первый этаж. Ворвавшись в помещение, он увидел одинокого солдата, вращавшего настройки радио-

передатчика. Скорцени повалил его на пол, выбив из-под него стул. Затем вывел передатчик из строя ударом автомата, понимая, что любой выстрел может стать началом боя.

Они ворвались в отель — или так по крайней мере казалось. Выскочив из радиорубки, Скорцени искал вход в здание, но его не было. Комната оказалась тупиком. Он поспешил выбежать на улицу и стал осматривать задний фасад здания, имевшего форму полукруга, но не заметил других дверей. Предваряющая операцию разведка, очевидно, была настолько недостаточной, что так и осталось неясным, где расположен вход в здание.

Скорцени оббежал все левое крыло и понесся вдоль стены, ведущей к переднему двору отеля. Теперь он видел главный вход, правда, издалека. Он поглядел вверх и заметил в окне чье-то лицо. Это был дуче.

Муссолини смотрел на немцев сверху из своего номера. «Во главе группы шел Скорцени, — вспоминал он. — Карabinеры уже взяли оружие на изготовку, когда я заметил в группе Скорцени итальянского офицера, в котором по мере его приближения узнал генерала столичной полиции Солетти». Он закричал: «Вы не видите? Здесь итальянский генерал. Не стрелять! Все в порядке!»

Скорцени просто не мог поверить в увиденное. Человек, за которым он неделями охотился, жив и находится почти у него в руках. Но он полагал, что Муссолини луч-

ше держаться подальше от линии огня. «Дуче, отойдите от окна!» — закричал Скорцени.

Тем временем Радль, чей планер приземлился метрах в ста от главного фасада отеля, вместе со своим отделением со всех ног помчался к главному входу. Он увидел Скорцени и нескольких его людей, которые продвигались вдоль фасада здания. С ними шел и генерал Солетти. Один из бойцов Радля сломал на неровной земле лодыжку и изо всех сил полз за остальными.

Подойдя к главному входу, Скорцени лицом к лицу столкнулся с расчетом из двух итальянских пулеметчиков. Вместе с несколькими фридентальяцами он обезоружил их, и они побежали дальше, крича: «Mani in alto!» Скорцени напрямик направился ко входу. Итальянские карабинеры, пребывавшие в состоянии, близком к панике, бросились туда же. «Я не слишком деликатно продрался сквозь толпу карабинеров у двери главного входа. Я видел дуче на втором этаже справа, побежал по ближайшей лестнице вверх и рывком распахнул дверь».

«В комнате находился Бенито Муссолини, — вспоминал Скорцени. — По обе стороны от него стояли итальянские офицеры, которым я приказал отойти к стене». С того момента, как Скорцени буквально свалился с неба, прошло не более трех-четырех минут. Другой фриденталец из планера Скорцени, унтерштурмфюрер Швердт вошел в комнату вслед за Скорцени и быстро вывел офи-

церов в коридор. Другие немцы неожиданно появились в окне, забравшись вверх по громоотводу, идущему по фасаду здания. Таким образом, пока не раздалось ни единого выстрела.

Скорцени выглянул в окно и увидел перед отелом Радля и его группу.

«Здесь все в порядке! — кричал Скорцени Радлю. — Охраняй низ!»

В это время другие DFS 230s спускались с неба практически отовсюду и, скользя, замирали на небольшой поляне, окружавшей «Кампо Императорс». Несколько планеров возникли буквально неизвестно откуда — зрелище воистину пугающее, — прямо из низкой тучи, прежде чем приземлиться и извергнуть из себя группы немецких десантников. Некоторые из этих солдат начали занимать позиции по периметру здания. Другие пошли на штурм верхней станции фуникулера и подземного перехода между станцией и отелом. Среди новоприбывших находился лейтенант Берлепш (его планерное звено, по-видимому, развернулось и присоединилось к конвою).

Большинству планеров удалось приземлиться благополучно, но одному повезло меньше. (Неясно, сколько именно планеров приземлилось на плато возле отеля. По воспоминаниям Скорцени, всего восемь. Другие, утверждал он, либо не смогли взлететь с аэродрома Пратика, либо упали в полете.) «Неожиданно, — вспоминал Скорце-

ни, — я увидел планер, подхваченный порывом ветра. К моему ужасу, тот резко рванул планирующий самолет и так закрутил его, что он камнем полетел вниз, врезался в груды камней и разлетелся на части». Радль, уже присоединившийся к Скорцени в номере Муссолини, выглянул в окно и увидел раненых, которые ползали по земле возле упавшего планера.

Затем Скорцени услышал звуки далеких выстрелов. (В какой-то момент рейда у десантников сдали нервы, и они выпустили несколько очередей. Возможно, эти выстрелы и слышал Скорцени.)

Испугавшись, что итальянцы оправились от оцепенения, он вышел в коридор второго этажа и потребовал, чтобы ему дали поговорить с командирами. «Карabinieri необходимо как можно скорее разоружить». Через несколько минут итальянцы официально сдали отель «Кампо Императоре», что означало формальное окончание рейда.

Поставив двух своих людей перед дверью, Скорцени воспользовался короткой передышкой, чтобы сказать Муссолини несколько слов.

«Дуче, — произнес он театрально, — фюрер прислал меня освободить вас!»

Муссолини, никогда не упускавший исторического момента, ответил:

«Я знал, что мой друг Адольф Гитлер не оставит меня в беде».

В целом рейд на Гран-Сассо был проведен весьма впечатляюще. (Необходимо отметить, что свидетельства очевидцев рейда не во всем совпадают.) Потери оказались минимальными. Десять десантников из разбившегося планера доставили в отель, и немецкие и итальянские врачи оказали им помощь. Их травмы не представляли опасности для жизни.

«Нам повезло, — вспоминал Скорцени. — Перестрелки между немцами и итальянцами на станции фуникулера в долине привели к незначительным потерям среди последних». (По данным итальянского писателя Марко Патричелли, два итальянца, раненные в долине, скончались от ран.)

Но оба конца канатной дороги теперь находились в руках немцев и отлично функционировали.

Стремительная посадка планеров и присутствие генерала Солетти, несомненно, стали для итальянцев огромной неожиданностью и, возможно, основательно подорвали всякую мысль о сопротивлении. Но был и еще один фактор, о котором немцы не знали. Чуть раньше в тот же день, примерно в 13.30 — ровно за полчаса до появления первого планера, — главный тюремщик Муссолини, инспектор полиции Джузеппе Гуэли получил из оккупированного немцами Рима таинственную телеграмму: «Старшему инспектору Гуэли рекомендуется проявлять максимальную осторожность». Подписано Кармине Сенизе, шефом полиции правительства Бадольо.

Это было сбивающее с толку загадочное сообщение, и его значение до конца не объяснено. Возможно, что Бадольо и другие высокопоставленные итальянцы, опасавшиеся репрессий со стороны немцев, невольно стали соучастниками планов Гитлера по спасению дуче. В любом случае осторожность, предписываемая Гуэли телеграммой, давала «выход», который он искал. Вскоре после того, как приземлился планер Скорцени, Гуэли, по слухам, отдал приказ не открывать огонь по немцам. Позднее он объяснял лейтенанту Файоле, другому охраннику Муссолини, что телеграмма Сенitze предоставила ему полномочия сдать дуче нацистам.

Быстрая капитуляция итальянцев несколько не умаляет заслуг пилотов планеров. «Все, кроме одного планера, совершили мягкую посадку», — писал позднее Штудент.

Учитывая очень непростую местность, это совершенно особое достижение. Летчики отцепили буксировочные тросы на высоте 3000 метров. Во время планирующего полета отель скрывали кучевые облака. Только прямо над целью они поняли, что одно из двух мест посадки, выбранных на основании снимков аэрофотосъемки, представляет собой крутой склон. Летчики, собиравшиеся садиться там, резко развернули свои планеры и приземлились на небольшом соседнем участке. Один из планеров был вынужден приземляться там, где мягкая посадка невозможна,

и разбился. Тем не менее пилоту удалось посадить планер так, что все пассажиры, хотя и получили травмы различной тяжести, остались живы.

* * *

К середине дня Скорцени и десантники на Гран-Сассо радовались успеху операции, которая практически завершилась. Все, что оставалось, — доставить Муссолини обратно на аэродром Пратика ди Маре и посадить в самолет, направляющийся в Германию. Но эта внешне незначительная деталь породила один из самых жутких моментов в истории операции «Дуб».

По не вполне понятным причинам немцы отказались от самого очевидного решения, а именно — доставить дуче в долину фуникулером, а оттуда под защитой батальона майора Морса дальше в Рим. Позднее Скорцени заявлял, что переправлять Муссолини по суше было слишком рискованно, возможно, ввиду того, что итальянские войска в том районе могли устроить нечто вроде засады. Возможно также, хотя и маловероятно, что немцы боялись вмешательства со стороны разгневанного гражданского населения, настроенного враждебно по отношению к дуче.

До рейда генерал Штудент решил, что Муссолини необходимо доставить в Пратика-ди-Маре на самолете «Физелер Шторьх». «Шторьх» был легким (однотонным)

двухместным самолетом, способным взлетать и приземляться на ограниченном пространстве. Его длинные, тонкие, как стебельки, шасси имели мощные амортизаторы, позволявшие гасить сильный удар при касании взлетно-посадочной полосы. «Шторьх» также известен своими необычными свойствами. При благоприятной ветровой обстановке этот бросающий вызов гравитации самолет мог почти неподвижно висеть в воздухе, как вертолет. Согласно плану Штудента, второй «Шторьх» предназначался для Скорцени, который затем должен был встретиться с дуче на аэродроме Пратика и сопроводить его в Германию.

Капитану Генриху Герлаху, персональному пилоту генерала Штудента, дали задание доставить Муссолини в Германию. (Именно с Герлахом Штудент и Скорцени летели из «Волчьего логова» в Рим утром 27 июля, через два дня после итальянского государственного переворота.) В день рейда, пока Скорцени штурмовал «Кампо Императоре», а планеры спускались с облаков, Герлах кружил над горными вершинами. Как только дуче был освобожден, а отель захвачен, — немцы в качестве знака успешного завершения операции вывесили из окон простыни, — перед Герлахом встала дилемма: пытаться посадить свой «Шторьх» там, где приземлились планеры, то есть на плато у отеля, или садиться в долине. Будучи опытным пилотом, Герлах выбрал первый вариант, «не-

смотря на очевидные трудности» (по выражению Штудента).

Ко всеобщему изумлению, Герлах посадил «Шторьх» практически идеально, ему удалось затормозить самолет, развернув его под углом к встречному ветру. Но его подвиг вскоре омрачило внезапное ошеломляющее заявление Скорцени, который сказал, что решил лететь в Рим с Герлахом и Муссолини. «Шторьх» Скорцени приземлился в долине у нижней станции фуникулера, но при посадке повредил шасси.

Герлаха подобное требование потрясло. Горная местность и разреженный воздух делали взлет довольно рискованным даже без дополнительного бремени в виде почти двухметрового Скорцени. Пораженный летчик наотрез отказался.

Позднее Скорцени попытался оправдать свое явно нелепое требование. «Завершись взлет катастрофой, — обосновывал Скорцени, — я мог бы обрести утешение, только лишившись рассудка. Каково было бы мне встретиться с Гитлером и докладывать, что задание успешно выполнено, но Муссолини погиб вскоре после освобождения? А поскольку иной возможности тайно доставить дуче в Рим не оставалось, я предпочел разделить опасности этого полета, несмотря на то что мое присутствие в самолете невольно их увеличивало». (В отличие генерала Штудента Скорцени утверждал, что немцы обсуж-

дали три возможных плана возвращения Муссолини в Рим. Согласно воспоминаниям Скорцени, доставка дуче из Гран-Сассо по воздуху была третьей, наименее желательной возможностью.)

Нет нужды говорить, что это взгляд довольно парадоксальный. Но при необходимости Скорцени умел убеждать, и Герлах в конце концов согласился, сердито заявив, что если во время взлета что-то пойдет не так, он за это не отвечает. «Несмотря на огромные сомнения, — писал позднее Штудент, — Герлах, в конечном счете, поддался на уговоры и согласился. Затем Герлах и Скорцени вместе уговорили Муссолини».

Дуче, сам будучи летчиком, не выказывал энтузиазма в отношении полета на «Шторьхе» — со Скорцени или без него, — но в итоге также согласился. Он попросил лишь разрешения вернуться в Рокка-делле-Каминате, свое загородное поместье в Романье. Как указывалось ранее, с такой же просьбой он вскоре после ареста обратился к Бадольо. И вновь Муссолини было в этом отказано. У Скорцени был приказ после краткой остановки в Пратика, где им предстояла пересадка на другой самолет, доставить бывшего диктатора прямиком в Германию. Чтобы подсластить пилюлю, Скорцени сообщил дуче, что его жена и двое детей-подростков уже летят в Мюнхен. Эсэсовцы Скорцени в тот же день «освободили» их из Рокка-делла-Камеинате.

Когда дуче покидал отель «Кампо Императоре», ему представили прибывшего на фуникулере майора Морса. Формально всей спасательной операцией командовал Морс. «Муссолини был небрит и выглядел неважно, — вспоминал Морс. — Он сказал, что рад, что его спасли именно немцы, а не англичане. Просил нас никого не убивать». В итоге немцы вскоре отпустили большинство итальянских солдат.

Тут Муссолини обнаружил, что на него направлен объектив жужжащей кинокамеры. Смекалистые немецкие пропагандисты притащили с собой на фуникулере кинооператора, чтобы запечатлеть для грядущих поколений триумф Гран-Сассо. На кадрах появившегося вскоре киножурнала дуче в большом, не по размеру темном пальто и черной фетровой шляпе стоит перед отелем, с обеих сторон окруженный плотной толпой радостных немецких солдат. Сам Муссолини выглядит усталым и улыбается довольно вымученно.

Затем Муссолини пересек обдуваемое ветром плато и залез в «Шторьх». Пока он шагал к самолету, немецкие солдаты, а также некоторые итальянские карабинеры подняли руки в фашистском приветствии и прокричали «дуче!». Муссолини занял свое место на втором сиденье, сразу за кабиной пилота. Скорцени расположился в ба-

гажном отделении позади дуче. Всем пришлось сильно потесниться.

Примерно в 3 часа дня они были готовы лететь. Условия взлета напоминали отрыв от палубы авианосца: импровизированной взлетно-посадочной полосой служил спускающийся к глубокой пропасти склон длиной не более 180 метров. Герлах выжал из единственного 240-сильного мотора «Шторьха» полный газ, но машина не сдвинулась с места. Следуя указаниям пилота, несколько немецких солдат подтолкнули самолет, и Герлаху удалось тронуться. Затем по его сигналу люди отпустили «Шторьх», и он поскакал вниз по холму под приветственные крики военных. Летательный аппарат сильно трянуло, когда он прокатился по обломкам камней, которые невозможно было убрать.

Ближе к концу склона путь «Шторьха» пересекала узкая канава. В последний момент Герлах потянул штурвал на себя, и самолет приподнялся на пару сантиметров, уйдя немного влево, прежде чем снова уткнуться в землю. «В ту же секунду левое шасси снова ударяется о землю, — писал Скорцени, двумя руками уцепившийся за стальной каркас. — Машину снова тянет вниз, и мы устремляемся к самому обрыву. Нас уводит влево, и вот мы уже над краем бездны. У меня перехватывает дыхание, я зажмуриваю глаза в ожидании неизбежного конца. Ветер свистит у нас в ушах».

«Все продолжали что-то кричать, — вспоминал Муссолини последние мгновения взлета. — Кто-то махал руками; затем наступила тишина стратосферы». Радль, стоявший на часах возле багажа дуче, с тревогой наблюдал за тем, как «Шторьх» покатился вниз по склону, перепрыгнул через канаву и исчез за краем плато. «Колени у меня задрожали. Заходили ходуном, — вспоминал он. — Ноги не слушались. Я почувствовал, что падаю».

Радль рухнул на багаж. Зловещая тишина повисла над толпой, жадно прислушивавшейся к звукам двигателей «Шторьха». «Все напрасно, — подумал Радль, — они разбились».

«Шторьх» действительно летел прямо в пропасть. Но, вместо того чтобы попытаться сразу поднять нос вверх, Герлах, демонстрируя железную выдержку, сознательно удерживал летательный аппарат в угрожающем пике, чтобы набрать скорость полета, необходимую для того, чтобы самолет стал управляемым. Через несколько секунд ему удалось выровнять самолет. «Когда я открыл глаза, — вспоминал Скорцени, — Герлах уже совладал с машиной и медленно поднимал ее в горизонтальное положение». Радль и другие зрители возликовали, внезапно увидев «Шторьх», вновь вынырнувший у дальнего края пропасти. Позднее Штудент назвал этот взлет «шедевром» пилотажа.

Совладав с самолетом, Герлах спустился в долину и взял курс на юго-запад, на Рим, идя на высоте брсющего полета, чтобы его не обнаружила вражеская авиация. Пассажиры «Шторьха» смогли наконец вздохнуть с облегчением. (Герлах скрыл, что из-за перегрузки самолета двигатель не мог работать нормально.) Не долго думая, Скорцени положил руку на плечо Муссолини. «Теперь мы и вправду могли считать, — писал Скорцени позднее, — что операция по его спасению завершена».

* * *

Почти завершена. После примерно часового полета Герлах приземлился в Пратика-ди-Маре на две точки, левое колесо шасси сломалось при взлете. «Когда самолет остановился, — писал Скорцени, — оказалось, все прошло в лучшем виде. Нам сильно везло с самого начала и до самого конца нашего приключения». Штудент позднее ворчал: «Все могло закончиться катастрофой, потому что Скорцени настоял на полете в одном самолете с ними».

Скорцени и дуче быстро пересели на борт «хейнкеля-111» и вылетели в Австрию. Ненастная погода в окрестностях Вены создала летчику трудности при определении местонахождения города, но около 11 часов вечера ему все же удалось приземлиться в аэропорте Асперн. Затем двое мужчин направились в отель «Империял», где намерева-

лись переночевать; на следующий день они планировали вылететь в Мюнхен, где Муссолини должен был встретиться с женой.

Вскоре после их прибытия в отель коммутатор буквально взорвался от звонков. Казалось, все бонзы Третьего рейха спешили поздравить Скорцени и удостовериться, что новость правдива. Около полуночи, откуда ни возьмись, появился штандартенфюрер СС, командир Венского военного гарнизона. Он повесил на шею Скорцени красивый орден. Это был Рыцарский крест. Он принадлежал штандартенфюреру, но торжествующий Гитлер приказал тому вручить его Скорцени в качестве символического жеста.

Затем позвонил сам Гитлер. «Вы совершили воинский подвиг и войдете в историю рейха, — сказал он Скорцени из «Волчьего логова». — Вы вернули мне моего друга Муссолини. Награждаю вас Рыцарским крестом и присваиваю звание штурмбанфюрера СС. Примите мои сердечные поздравления!» Впервые столь высокая награда присваивалась и вручалась в один и тот же день. В тот вечер со Скорцени также поговорили Гиммлер, Геринг и фельдмаршал Вильгельм Кейтель.

Что касается дуче, то он коротко поблагодарил Гитлера по телефону, но сказал, что страшно устал и прямо сейчас собирается лечь спать. «Он сообщил фюреру, что устал и нездоров, — записывает Геббельс, — и прежде всего хочет

выспаться». Пока Муссолини спал, Скорцени, по слухам, вынес из комнаты дневник и личные бумаги диктатора. (Среди них были «Понтийские и сардинские размышления», фрагменты из которых уже цитировались в этой книге.) С них сняли копии, перевели на немецкий и преподнесли Гитлеру.

Дозволения у недавно освобожденного дуче спросить не потрудились.

Эпилог

ПОСЛЕДСТВИЯ

Спасение Муссолини, — которое англоамериканцами и режимом Бадольо, естественно, рассматривалось как бегство — вошло в анналы спецоперации разведок многих стран и удивило весь, предельно уставший от войны мир, который в большинстве своем не имел желания погружаться в макиавеллиевские интриги, столь вдохновлявшие государства «оси» летом 1943 года. Даже сегодня, считаясь самым драматическим эпизодом Второй мировой войны, распад альянса Берлин—Рим остается малоизвестной главой ее истории.

На следующий день после операции в Гран-Сассо немцы передали по радио сообщение о спасении дуче, придав ему тональность будничного, повседневного события, тем самым показали в благоприятном свете роль, выполненную Отто Скорцени и СС. «Сотрудники СС и полиции безопасности, руководя действиями группы немецких воздушно-десантных войск, провели операцию по освобождению дуче, — писала газета «Нью-Йорк Таймс». — Попытка

оказалась успешной. Муссолини освобожден, и передача его в руки англо-американских военных, согласованная с правительством Бадольо, провалилась». Хотя Гитлер горько сожалел о капитуляции Италии, он мог утешиться тем, что спас Муссолини и самим фактом его спасения поднял моральный дух немцев. Однако более важным было то, что в августе он ввел в Италию достаточное количество немецких войск, позволивших еще какое-то время сдерживать натиск англоамериканцев. «Если принять во внимание успех немцев, сумевших оккупировать большую часть Италии и долго удерживать противника южнее Рима, — писал биограф Гитлера Алан Буллок, — восстановление режима Муссолини можно представить триумфальным окончанием кризиса лета 1943 года, в результате которого возникла угроза открыть южный фронт рейха наступлению армий США и Британии».

Радио оккупированного немцами Парижа сделало зловещий прогноз относительно того, что освобождение дуче вымостит путь возрождению фашизма в Италии. «Муссолини теперь может взять Италию в свои руки и повести ее вперед с того места, на котором Бадольо пытался заставить ее свернуть в сторону. Он свободно может отомстить за те оскорбления, которыми изменники запятнали итальянский флаг, свободен в желании снова вместе со своей армией стать на сторону Европы. Италия вновь обрела лидера нации». Япония, союзница Германии на Дальнем Востоке, выразила союзникам сердечные поздравления. «Весь япон-

ский народ, — сообщило миру японское Государственное информационное агентство, — полон радости, вызванной известиями об освобождении дуче».

Со стороны прессы США и Великобритании происшедшее рассматривалось в более циничном ключе — отмечалось, что у немцев нет особых поводов для радости. «Комедийный босвик под названием “Спасение Бенито Муссолини” был рассказан, повторен и значительно приукрашен сегодня по немецкому радио, — сообщалось в номере «Нью-Йорк Таймс» от 14 сентября. — Он оказался для немцев очень кстати после нескольких недель натужных объяснений их военных неудач в Тунисе, России, Италии и на Сицилии».

В той же статье сухо упоминалось о том, что немцы сделали дружбу двух народов главной темой своей пропаганды. «В рассказанной Берлином истории акцент делался на том, что похищение Муссолини стало возможным благодаря личной дружбе двух диктаторов. В своем выступлении в пятницу 10 сентября Адольф Гитлер с теплотой отозвался о бывшем дикторе Италии. Немецкие пропагандисты заявили, что “фюрер лично составил план спасения своего друга и отдал приказы по его выполнению”.

Прямых свидетельств того, что Гитлер лично участвовал в разработке операции в Гран-Сассо, не существует. Однако он, несомненно, напутствовал будущих ее участников и внимательно следил за ходом операции “Дуб”».

Далее в статье говорилось следующее: «Говорят, будто первое, что сделал Муссолини после своего спасения, — это позвонил Гитлеру. Немцы утверждают, что было трудно выразить словами чувства, которые фюрер и дуче испытывали во время этой исторической беседы».

Объяснять то, что большая рыба ускользнула из сетей англоамериканцев, пришлось Уинстону Черчиллю. «У нас были все основания верить в то, что Муссолини находится под надежной охраной в тайном месте, — сообщил он членам Палаты общин на заседании 21 сентября. — Вполне естественно, что в интересах правительства Бадольо было не допустить его бегства. Неоднократно сообщалась о том, что сам Муссолини часто высказывал опасения относительно того, что его выдадут англо-американским войскам. Такое намерение действительно имело место, однако обстановка полностью вышла из-под нашего контроля».

Черчилль, который всегда понимал важность пропаганды и сам эффективно использовал ее в наиболее драматичные дни войны, был вынужден признать удачу противника: «Операция была проведена смело и хорошо разработана. Она свидетельствует о множестве возможностей подобного рода, применяемых в современной войне... Карабинеры имели приказ стрелять в Муссолини при попытке бегства, однако они пренебрегли своим долгом, заметив большое количество немецких парашютистов. Они поняли, что немцы во что бы то ни стало решили обеспечить безопасность дуче».

Немцы сделали Скорцени «звездой» операции «Дуб», и эта роль вполне устроила великана-австрийца. С благословения Гитлера он объявил всему миру, что является тем человеком, который освободил Муссолини. Его повысили в звании и наградили. Он получил Рыцарский крест от Гитлера и медаль ВВС от Геринга. Дуче вручил ему Орден ста мушкетеров. (Помощник Скорцени Радль также был повышен в звании.)

«Рейд на Гран-Сассо в одночасье превратил безвестного гауптштурмфюрера СС Скорцени в героя, — вспоминал Вильгельм Хеттль, сотрудник политической разведки рейха, в августе того же года занимавшийся разработкой плана бегства Чиано. — Он должен благодарить за это доктора Геббельса, стараниями которого его слава распространилась так широко и просуществовала так долго. Для своих пропагандистских задач Геббельсу отчаянно требовались военно-политические успехи немцев, и Скорцени идеально подошел для этого».

Сам Геббельс был в восторге. «Освобождение дуче — величайшая сенсация как в Германии, так и во всем мире, — писал он в своем дневнике через несколько дней после рейда на Гран-Сассо. — Даже на врага это событие повлияло самым драматическим образом. Весь немецкий народ... несказанно счастлив». Далес он добавил: «Вряд ли какое-то другое событие этой войны пробудило столь бурные эмоции и вызвали та-

кой огромный человеческий интерес. Мы имеем полное право отпраздновать первоклассную моральную победу».

Однако далеко не все были в радостном настроении. Если Скорцени имел основания для радости, то генерал Штудент и майор Харольд Морс посчитали себя обиженными. Они полагали, что Скорцени и его диверсанты получили максимальную славу за спасение Муссолини, тогда как в целом это была операция люфтваффе, подготовленная и осуществленная ведомством Геринга. По их мнению, тот факт, что Скорцени и Радль высадились на Гран-Сассо раньше парашютистов — вопреки плану, — позволил СС спасти дуче и удостоиться лавров главных спасителей.

Хотя все участники операции «Дуб» получили в разной степени причитающиеся им награды, включая Герберта Каплера, Морса, Герлаха, Мейера (пилота планера, на котором летел Скорцени) и многих летчиков и офицеров люфтваффе, львиная доля почестей досталась Отто Скорцени. (Морс был награжден Германским крестом в золоте. Герлах и Мейер — Рыцарскими крестами. Каплер получил звание оберст-лейтенанта и награжден Железным крестом. Помощник Каплера Прибке получил звание гауптмана и Железный крест.)

По признанию Штудента, Муссолини даже не соизволил поблагодарить его или его парашютистов за ту роль, которую они сыграли в его спасении.

«Получалось так, будто Скорцени и его диверсанты одни осуществили эту сенсационную операцию», — вспоминал Штудент, получивший Дубовые листья к Рыцарскому кресту примерно через две недели после вызволения дуче из плена.

Когда Морс попытался официально пожаловаться, Гитлер оставил его рапорт без внимания. Фюрер предпочел осыпать почестями Скорцени и фанатично преданных ему СС, только которым он мог доверять. Однако это не помешало Штуденту и его парашотистам вернуться в Гран-Сассо вместе с киногруппой, чтобы заново имитировать спасение дуче и позволить кинодокументалистам заснять его на пленку.

Чтобы придать забавный характер этому эпизоду истории, вспомним о том, что американский писатель Джон Стейнбек коротко поучаствовал в саге о спасении Муссолини. Когда англо-американские войска попытались закрепиться в Салерно в первые дни капитуляции Италии, Стейнбек оказался на острове Вентотене, где, по его мнению, мог находиться дуче. «Следуя вместе с танковыми частями армий США и Британии, недавно (9 сентября) захватившими остров Вентотене, который расположен недалеко от Неаполя, — писала газета «Нью-Йорк Таймс» в выпуске от 13 сентября, — мистер Стейнбек заявил, что упустил Муссолини, опоздав всего на полсутки».

Как уже говорилось ранее, дуче никогда не содержался на острове Вентотене, хотя в первой половине августа тот

был оккупирован гитлеровскими войсками. (В результате расследования Стейнбек установил, и на этот раз правильно, что Муссолини содержался на острове Понца.)

Через два дня после своего освобождения Муссолини встретился с Гитлером, который за десять лет их знакомства сыграл в жизни дуче важные роли протезе, ментора и спасителя. Встреча состоялась в «Волчьем логове», в Восточной Пруссии. (Муссолини вылетел туда из Мюнхена, где после спасения встретился с женой и детьми.) Триумфальная встреча двух диктаторов была заснята на пленку группой немецких кинооператоров; получившаяся в результате кинохроника затем показывалась по всему рейху и за пределами Германии. На черно-белых кадрах хроники можно было видеть, как Гитлер жизнерадостно приветствует Муссолини, только что вышедшего из юнкерса-52 на аэродроме близ Растенбурга. Дуче, в темном костюме и шляпе, напоминал уставшего после долго авиаперелета коммивояжера. Оба диктатора долго обменивались рукопожатиями и, по всей видимости, теплыми словами. У Гитлера в глазах якобы блеснули слезы.

Истинное настроение за фасадом этих эпизодов было менее оптимистичным. Гитлер ожидал, что дуче будет лучиться дьявольской энергией, однако тот, напротив, выглядел опустошенным и усталым. Для начала диктатор Германии принялся убеждать своего друга, чтобы тот незамедлительно покарал Галеаццо Чиано и других заговорщиков,

голосовавших против Муссолини на Большом фашистском совете. Горстка этих людей попала в руки немцев, и Гитлер решил поступить с ними так, чтобы преподать урок всем остальным.

Чиано, женатый на дочери Муссолини Эдде, в конце августа вылетел в Германию, в наивной надежде на то, что немцы помогут ему перебраться в Испанию. Однако Гитлер с презрением отнесся к зятю дуче, равно как и другие представители военно-политической верхушки рейха, и намерения Чиано опубликовать мемуары фактически предопределили его конец. «Чиано собирается писать мемуары, — отметил в дневнике Геббельс. — Фюрер абсолютно прав, подозревая, что подобные мемуары будут наверняка написаны в пренебрежительной по отношению к нам манере, поскольку иначе их публикация за рубежом будет невозможна. Таким образом, не может быть и речи о том, что Чиано покинет пределы рейха. Он должен остаться под нашим надзором».

В незаконном мире нацизма недостаточная кровожадность Муссолини рассматривалась как признак слабости. «Дуче не извлек выводов из факта катастрофы, постигшей Италию, а ведь именно этого ожидал от него фюрер, — писал Геббельс в дневнике. — Он, естественно, был рад видеть фюрера и доволен тем, что снова оказался на свободе. Однако фюрер ожидал, что первое, что дуче сделает, вырвавшись из плена, — яростно отомстит изменникам. Од-

нако он этого не сделал и, таким образом, проявил свою ограниченность. Он не революционер, как фюрер или Сталин. Он настолько привязан к итальянскому народу, что ему не хватает широких качеств истинного революционера и мятежника». Сам Геббельс верил в то, что Чиано будет казнен, а Эдду «подвергнут порке».

Гитлер чрезвычайно удивился, когда дуче выразил желание удалиться от общественной жизни и вернуться в Роккаделле-Каминате, свое поместье в провинции Романья. Это было вызвано его желанием избежать гражданской войны в Италии. Тем не менее фюрер быстро запретил это своему другу, настаивая на том, что подобный поступок плохо отразится на внешней политике Германии и подорвет законность нового фашистского государства, которое Гитлер намеревался создать в оккупированной немцами Италии. В конечном итоге Муссолини уступил требованиям Гитлера, возможно, надеясь, что тем самым он сумеет защитить своих соотечественников от зверств немецких войск.

В результате оба были разочарованы встречей, состоявшейся в сентябре в «Волчьем логове», а также новым воплощением союза стран «оси». Реакция Муссолини давала Гитлеру основания полагать, что теперь от итальянского диктатора вряд можно чего-то ожидать. «Мы видим, что фюрер разочарован теперешним настроением дуче», — писал Геббельс о Гитлере, правда, добавив, что это «на самом деле не было размолвкой». Следует отметить, что

Геббельс ревностно относился к личным отношениям Гитлера и Муссолини и отчасти получал удовольствие от того, как низко пал дуче в глазах вождя немецкого государства. В окончательном его суждении Муссолини был «всего лишь итальянцем, не способным дистанцироваться от своего происхождения». Разочарование Гитлера углубилось еще больше. «Вера в фашистскую Италию как в столп ницшеанского рая была частью его психологического устройства, — писала специалист по странам «оси» Элизабет Вискеманн. — Теперь он был вынужден признать, что главная иллюзия его жизни оказалась пшиком, что Италия повела себя в этой войне не лучше, чем в предыдущей, и что Муссолини был типичным итальянцем. Его наставник, его близнец-сверхчеловек оказался самым обычным человеком».

В подобном откровении есть нечто ироническое. Хотя спасение дуче приободрило немецкое общество, оно в то же время отчасти лишило Гитлера его бывших иллюзий.

* * *

Что касается Муссолини, то испытываемое им сожаление отпечаталось на его лице. «Спасенный диктатор выглядел постаревшим и сильно усталым, — вспоминал Ойген Долльман, видевший дуче 27 сентября. — И лишь в его глазах сохранился прежний огонь... Я поздравил его с освобождением из плена и восстановлением власти, однако он отозвался на мои слова лишь небрежным жестом».

ле Муссолини позднее писала, что «после июля 1943 года Бенито Муссолини, мой муж, стал считать, что его звезда закатилась. Время от времени он говорил о себе как о Mussolini defunto, или быллом Муссолини. Он сильно опасался за будущее Италии, судьбу которой решала Германия, и понимал, что, возглавив Итальянскую социальную республику, всего лишь защищает итальянцев от мести немцев».

Итальянской социальной республикой назывался новый фашистский режим дуче, возникший в сентябре 1943 года. Поскольку никто не знал, когда именно Рим падет под натиском англо-американских войск, на западном берегу озера Гарда было создано государство под управлением Муссолини. Гарда располагается в северной Италии, на равном расстоянии от Милана и Венеции. Считалось, что появление дуче в Риме может привести к взрыву общественного недовольства и в конечном итоге к антифашистскому восстанию. Позднее историки назвали это марионеточное государство, существовавшее под эгидой немцев, Республикой Сало. Хотя Муссолини был всего лишь номинальным правителем, политический курс республики полностью зависел от немцев. Свои последние дни он провел вдали от Вечного города, так больше и не побывав в нем.

Под давлением Гитлера в январе 1944 года Муссолини все-таки затеял состоявшийся в Вероне судебный процесс

над Чиано и пятью другими функционерами фашистской партии, которые за несколько месяцев до этого проголосовали против дуче на Большом фашистском совете. (В ночь с 24 на 25 июля всего 19 человек проголосовали против Муссолини, однако большей их части, включая Дино Гранди, удалось ускользнуть от немцев. На процессе в Вероне тринадцать из них были заочно приговорены к смертной казни.)

Скитания Чиано закончились в Проколо, что в нескольких километрах от Вероны, где он вместе с пятью другими осужденными был расстрелян. Все стояли лицом к стене, но Чиано удалось обернуться и посмотреть в лицо палачам. Эдда, умолявшая отца пощадить ее мужа, была морально раздавлена смертью Галеано и пребывала в глубокой депрессии. (Попытки Эдды спасти мужа и вывезти из Италии его дневники чрезвычайно интересны, но лежат за пределами данной книги. По сути дела, ее жизнь — это жизнь немецкой шпионки, которая де-факто стала двойным агентом после того, как впобилась в Чиано во время его кратковременного тюремного заключения.)

* * *

В своей второй жизни диктатора Муссолини обрел себе новый дом на вилле Фельтринелли, в небольшом городке Гаргано на озере Гарда. По мнению итальянского историка Паоло Монелли, он фактически стал пленником немцев.

Виллу день и ночь охраняли люди из СС; они повсеместно следовали за ним, куда бы он ни пошел. Им было в первую очередь предписано охранять его, но они также шпионили за ним и прослушивали все его телефонные разговоры. Муссолини любил называть Карла Вольфа, командующего войсками СС в Италии, своим тюремщиком. Еще больше усугубляло обстановку то, что вилла Фельтринелли была шумным и многолюдным местом. В ней находилось почти все семейство Муссолини, включавшее в себя его жену, детей, враждовавших друг с дружкой золовок и нескольких внуков. Муссолини считал семейную жизнь крайне обременительной и начал проводить все больше и больше времени на соседней вилле Орсолине. Здесь он по большей части предавался философским размышлениям, предоставляя государственные дела своим министрам-фашистам. Людям из тогдашнего окружения дуче казалось, что он живет в отрыве от реального мира. «Он живет мечтами, в мечтах и благодаря мечтам, — вспоминал Фернандо Меццазома, молодой фашист, знавший Муссолини в дни Республики Сало. — Он никак не был связан с реальностью. Дуче жил в мире, который сам для себя создал, это исключительно фантастический мир, он жил вне времени».

Любовницу Муссолини, Кларетту Петаччи и ее семью поселили на соседней вилле. Однако под давлением жены дуче навещал Кларету не так часто, как ему хотелось. Он

находил иные способы занять время, например, тайно злословил в адрес немцев, играл на скрипке произведения Бетховена и Верди, читал Платона и Гёте, жаловался на бессонницу и другие проблемы со здоровьем.

«Он был старым человеком, — писал историк Мартин Кларк, — который потерпел в жизни поражение; человеком с ослабленным здоровьем, брошенным дочерью, окруженным алчной семьей, затравленным немцами, не имеющим друзей и надежды. И все же свою судьбу он заслужил. Он был высокомерным грубияном и допустил в жизни ряд серьезных ошибок».

Мрачное настроение Муссолини усилилось еще больше, когда он увидел, что за позициями, удерживаемыми немцами в Италии, вспыхнула гражданская война. «Желание Муссолини возродить фашизм вызвало ужасы гражданской войны, — писал позднее Черчилль. — Через считанные недели после сентябрьского перемирия офицеры и рядовые итальянской армии, находившиеся в оккупированной немцами северной Италии, и патриоты из различных городов и деревень начали формировать партизанские отряды и вести активные боевые действия против немцев и своих соотечественников, поддерживавших Муссолини».

Примерно 80 тысяч партизан (более половины которых входили в прокоммунистические гарибальдийские бригады) делали все, что только возможно, для того, чтобы затруднить жизнь Муссолини и немцам. Они использова-

ли традиционные партизанские способы ведения войны: убийства, диверсии и нападения из засады. Немцы отвечали на это тем, что разворачивали яростные нападения на партизан и мирных жителей и иногда сжигали целые деревни. (По территории оккупированной немцами Италии бродили тысячи бывших пленных англичан и американцев, многие из которых, рискуя собственной жизнью, помогали простым итальянцам.)

* * *

Последняя конференция руководителей стран «оси» состоялась в «Волчьем логове» 20 июля 1944 года, через считанные часы после взрыва бомбы, едва не убившей Гитлера. (Глава абвера адмирал Канарис был обвинен в подготовке заговора, имевшего целью физическое устранение Гитлера, и впоследствии брошен в концентрационный лагерь. В 1945 году по приказу Гитлера он был казнен. После этого военную разведку передали в состав разведки СС, под начало Вальтера Шелленберга. Долгой вражде разведслужб рейха был положен конец.) По словам Ойгена Долльмана, присутствовавшего на церемонии часпития, оба диктатора какое-то время провели за обсуждением обычных вопросов. «Единственным новым вопросом, — вспоминал он, — была предпринятая заговорщиками попытка переворота и признание того факта, что теперь и итальянцы могут не страдать молча от последствий событий 25 июля и 8 сентября».

Обстановка приняла более запятный характер после того, как сподвижники Гитлера — Геринг, Дёниц и Риббентроп — принялись обсуждать военные неудачи рейха, пытаясь свалить вину друг на друга. Муссолини молча слушал их разговор, но не вмешивался в него, разминая пальцами кусочки пирожного и что-то вылепливая из них. Гитлер тоже сохранял безучастность, видимо, размышляя о том, что совсем недавно чудом избежал смерти. Затем он неожиданно заявил: «Никогда еще я не чувствовал так остро то, что провидение оказалось на моей стороне. Случившееся всего несколько часов назад чудо еще больше убедило меня в том, что я самой судьбой назначен возглавить мой народ и вести его к величайшей победе в истории человечества».

Хотя в ту пору дуче представлял собой лишь бледную тень собственного бывшего «я», он все-таки дал достойный ответ: «Должен сказать, что вы правы, фюрер, — произнес он. — Наше положение скверное, можно даже сказать, отчаянное, но то, что случилось сегодня, придает мне мужество. После произошедшего в этой комнате чуда сегодня кажется невероятным, что наше дело потерпит неудачу!»

Когда встреча закончилась и оба диктатора попрощались на железнодорожном вокзале, Гитлер очень долго смотрел Муссолини в глаза и заверил дуче в своей дружбе. «Я знаю, что могу рассчитывать на вас, — сказал он. — Прошу вас верить мне, когда я говорю, что смотрю на вас как на моего лучшего и, возможно, единственного в мире

друга». Когда дуче повернулся спиной, Гитлер якобы отвел в сторону Рудольфа Рана, немецкого посла в фашистской Италии, и велел ему не сводить глаз с Муссолини. До сих пор остается неясным, носила ли эта реплика характер подозрительности или благожелательной дружбы.

«Бледный старый человек [Гитлер]... протянул руку для рукопожатия другому бледному старому человеку, — вспомнил Долльман. — Два столь непохожих человека пристально посмотрели друг другу в глаза, как в дни их былой славы, однако свет в этих глазах давно померк, как будто они оба понимали, что это их последняя встреча».

* * *

В следующем году их обоих не стало. Весной 1945 года правительство Муссолини в северной Италии начало стремительно распадаться под натиском англо-американских войск и в результате активизировавшейся деятельности итальянских партизан. Свою последнюю записку дуче Гитлер отправил 24 апреля, известив его о том, что «борьба за существование достигла своего пика». Вскоре после этого Муссолини и Кларетта Петаччи были пойманы партизанами на выезде из деревни Донго близ озера Комо. Дуче был в форме немецкого солдата, в шинели, каске и солнечных очках. 28 апреля Муссолини и его любовница были расстреляны на обочине дороги близ деревушки Меццегра, расположенной на западном берегу озера Комо.

Казнь осуществили без фанфар и без какого-либо подобия суда. Тела убитых перевезли в Милан, где беснующаяся толпа повесила их за ноги на Пьяццале Лорето вместе с телами еще нескольких казненных фашистов. Место было подобрано символично: именно в Милане десять лет назад Муссолини объявил о создании «оси». (Проведенное в 1945 году вскрытие не смогло пролить свет на загадочные проблемы Муссолини со здоровьем, однако выявило небольшой шрам, указывавший на паличие язвы желудка.)

В те часы, когда дуче висел на веревке в Милане, Гитлер находился в подземном бункере в Берлине. В ноябре 1944 года он навсегда покинул «Волчье логово» и в январе 1945 года приказал уничтожить Ставку, однако у немецких военных инженеров не оказалось достаточного количества взрывчатых веществ, чтобы выполнить это приказание. (Развалины «Волчьего логова» в настоящее время находятся на территории Польши и являются туристической достопримечательностью.) Практически впавший в безумие, едва ли не парализованный от мощного нервного напряжения и безумного коктейля принимаемых им лекарств, Гитлер все еще судорожно продолжал цепляться за власть, когда ему сообщили о казни Муссолини.

«Гитлер узнал о постыдной смерти Муссолини, — вспоминала Траудль Юнге, одна из секретарш фюрера. — Я думаю, что кто-то показал ему фотографии обнаженных тел, подвешенных вверх ногами на главной площади Милана.

“Я не попаду в руки врага — ни живым, ни мертвым. Когда я буду мертв, мое тело нужно сжечь, чтобы никто не смог найти его”, — заявил Гитлер». (В «Последних днях Гитлера» историк Хью Тревор-Роупер утверждает, что Гитлер не мог видеть фотографий мертвого Муссолини и вряд ли знал зловещие детали его казни.)

30 апреля Гитлер и Ева Браун, ставшие за день до этого официально мужем и женой, покончили жизнь самоубийством. Геббельс, остававшийся рядом с ним до его последнего часа, также принял решение свести счеты с жизнью, не пожелав попасть в руки русских солдат, которые уже вели бои на улицах Берлина. (Вскоре после этого Третий рейх возглавил адмирал Дёниц.)

* * *

В дни Республики Сало Муссолини выразил благодарность за свое спасение в Гран-Сассо. «Греческий философ Фалес, — писал дуче, как обычно, ссылаясь на великих людей, — благодарил богов за то, что они сотворили его человеком, а не животным; мужчиной, а не женщиной; греком, а не варваром. Я же благодарю богов за то, что они избавили меня от судилища на Мэдисон-Сквер в Нью-Йорке, которому я предпочел бы быть повешенным в лондонском Тауэре».

За несколько месяцев до своей смерти Муссолини в редкие моменты искренности также признавался, что он и Гитлер, словно безумцы, пошли на поводу собственных иллюзий.

После рейда на Гран-Сассо Скорцени снискал благоволение в глазах Гитлера, который теперь часто поручал ему выполнение важных заданий. «На протяжении всей его военной карьеры, — писал Х. Мак-Рейвен, служащий спецназа ВМФ США, — Скорцени использовал тактический обман и предпринимал действия поразительной храбрости с тем, чтобы ввести противника в заблуждение и таким образом обеспечить себе преимущество в опасной ситуации». И хотя ему далеко не всегда сопутствовал успех, он до конца войны сумел повернуть еще несколько блестящих спецопераций, чем снискал себе сомнительную славу.

Так, например, одна из самых знаменитых его операций имела место во время сражения в Арденнах, когда Гитлер в декабре 1944 года неожиданно развернул контрнаступление на Западном фронте. Основные силы немцев состояли из регулярных пехотных частей, однако во время одного из последних штабных совещаний Гитлер дал Скорцени задание отправить в тыл врага группу диверсантов, пересодетых в американскую форму (операция «Грайфф»). После нескольких месяцев подготовки эти квазиамериканцы должны были проникнуть на подконтрольную союзникам территорию для совершения диверсионных актов, создавая неразбериху на дорогах, перерезая телефонные линии и вообще сея вокруг себя хаос. Хотя на самом деле достижения диверсантов Скорцени были весьма скромными, их присутствие породило мас-

совую панику в стане врага, совершенно несоизмеримую с их реальным числом.

В течение этого периода солдатам войск Англии и США не всегда удавалось отличить врага от своего, и они были вынуждены подвергать друг друга бесконечным перекрестным допросам. Бывало, что настоящих американцев хватали по подозрению в шпионаже, принимая их за переодетых немцев. Не спасало даже воинское звание. Так, например, американский генерал по имени Брюс Кларк был арестован полевой полицией и провел в комендатуре пять часов.

В результате операции «Грайф» «полмиллиона американских солдат играли друг с другом в «кошки-мышки» всякий раз, когда встречали на дороге своих, вспоминал генерал Омар Брэдли, трехзвездочный генерал, которого постоянно останавливали на блокпостах и устраивали ему допрос с пристрастием. «Меня трижды заставляли доказывать, кто я такой. В первый раз меня попросили назвать столицу штата Иллинойс, и я правильно назвал Спрингфилд (тот, кто меня допрашивал, считал, что это Чикаго), во второй раз — описать боевой порядок во время атаки, в третий раз — назвать имя очередного мужа некой блондинки по имени Бетти Грейбл».

Как будто этого было мало, у союзников вскоре получила популярность идея, что Скорцени планирует похитить самого генерала Эйзенхауэра. В результате этих опасений Верховное командование союзных войск практически по-

садило его под домашний арест, а в качестве охраны приставило его непосредственных подчиненных.

«Офицеры сил безопасности, — вспоминал секретарь Эйзенхауэра Кси Саммерсби, — тотчас превратили штаб (располагавшийся в Версале) в неприступную крепость. Вокруг здания натянули колючую проволоку. Рядом со штабом постоянно стояли в карауле несколько танков, число часовых было удвоено, затем утроено, затем увеличено в четыре раза. Система пропусков из пустой формальности превратилась в вопрос жизни и смерти. Рокота автомобильного мотора было достаточно, чтобы в кабинетах тотчас начинали трезвонить телефоны, и всем требовалось узнать, все ли в порядке с шефом».

В конечном итоге гитлеровское когтринастушение провалилось. Тем не менее в конце войны имя Скорцени превратилось в легенду. Когда в мае 1945 года он наконец сдался, военные репортеры не могли не высказать своего восхищения смелым австрийцем. «Это довольно симпатичный мужчина, — писал репортер газеты «Нью-Йорк Таймс», — даже несмотря на шрам, который протянулся через все лицо, от левого уха к подбородку. Он с улыбкой опроверг слухи о том, что прошлой зимой планировал убийство членов Верховного командования союзных войск, заявив, что если в тылу у американцев и действовали переодетые в американскую форму немецкие солдаты, их явно туда заслал кто-то другой, но только не он».

Впрочем, была тема, на которую Скорцени был не прочь поговорить.

«После того, как он несколько раз пытался убедить тех, кто его допрашивал, в том, что он обыкновенный солдат, оболганный вздорными слухами, Скорцени взялся рассказывать историю, которой он явно гордился и которой хотел поделиться. Это был рассказ о том, что он с горсткой солдат вырвал Муссолини из застенка и таким образом на какое-то время спас дуче от судьбы, которая в конце концов настигла итальянского диктатора в Северной Италии».

Хотя Скорцени с его разбойничьим шармом и сумел очаровать ряд журналистов и историков, были и такие, кто проникся к нему редкостным омерзением, видя в нем всего лишь изобретательного террориста.

В 1947 году именно таково было мнение американского военного трибунала. Скорцени вменили в вину многочисленные преступления, связанные с проведением операции «Грайф», в том числе убийство американских военнопленных. Во время суда судьи выслушали показания Форреста Йео Томаса, легендарного британского агента, который тесно сотрудничал с французским Сопротивлением. Йео Томас, известный также во время войны как Белый Кролик, рассказал суду, что поручал своим оперативникам задания, для выполнения которых требовалось переодеваться в немецкую форму. В результате этих и других свидетельских показаний в конце концов Скорцени был

оправдан по всем пунктам обвинения, хотя и не выпущен на свободу.

После суда он провел несколько месяцев в лагере в немецком городе Дармштадте, ожидая начала процесса денацификации. Некоторые страны-союзники, такие, как Чехословакия и Бельгия, требовали экстрадиции Скорцени, чтобы он предстал перед судом по другим обвинениям. Когда он обратился за поддержкой к Йео Томасу, ответ британского героя был краток: «Беги!» Вскоре Скорцени последовал его совету. В июле 1948 года трое бывших эсэсовцев, переодетые в форму американской полевой полиции, подъехали на машине к воротам дармштадтского лагеря, в котором содержался Скорцени, и, предъявив якобы официальные бумаги, вывезли знаменитого пленника на свободу (по крайней мере так рассказывают). (Некоторые авторы утверждали, что побег Скорцени из лагеря организовало ЦРУ — с тем чтобы в дальнейшем пользоваться его услугами.)

Последние годы жизни Скорцени, которые он провел в Южной Америке и Испании, окутаны тайной. Они стали предметом самых невероятных домыслов. Впрочем, некоторые вполне могут соответствовать действительности. Так, например, ряд авторов утверждают, что в послевоенные годы Скорцени оказывал услуги ЦРУ, а также работал в Аргентине на чету Перонов (поговаривают даже, что у него был роман с супругой аргентинского диктатора

Эвитой). Он также сыграл ключевую роль в создании сети «ОДЕССА» — подпольной организации, чьей целью был переезд из Германии бывших нацистов, чтобы те избежали карающей руки правосудия за границей.

Нередко правда оказывается даже фантастичнее вымысла. В 1989 году стало известно, что в начале шестидесятых годов Скорцени какое-то время работал на израильскую разведку «Моссад». Согласно сообщениям прессы, он помогал Израилю сорвать план Египта, намеревавшегося использовать нацистских специалистов с целью создания ракет.

Скорцени умер от рака в 1975 году в Мадриде.

После войны имя Отто Скорцени стало синонимом спасителя Муссолини. Сам он не имел ничего против. Разумеется, его слава служила источником вечного недовольства для генерала Штудента и немецких парашютистов, чья обида на Скорцени пережила даже холодную войну. По мнению историка Чарльза Уиттинга, который в семидесятые годы брал у Штудента интервью, бывший глава десантных войск даже спустя тридцать лет после похищения Муссолини имел на Скорцени зуб. Штудент умер в 1978 году.

До своей смерти в 2001 году майор Морс также продолжал восхвалять воинскую доблесть люфтваффе. «Операцию спланировали и провели десантники». Морс пояснял в своем интервью, опубликованном в 1987 году в

«Лос-Анджелес Таймс»: «На протяжении сорока лет заслуги приписывались Скорцени. Его версия — это своего рода волшебная сказка. Дело в том, что Скорцени и его диверсанты-эсэсовцы участвовали в операции, скорее, как пассажиры самолета. Группу захвата возглавлял фон Берлепш».

По словам Морса, его собственная роль при проведении операции была многим непонятна, потому что он оставался в долине. «Я предпочел остаться с двумя ротами в долине на тот случай, что, если что-то пойдет не так с планерами, я смогу взять на себя руководство операцией и решать, что делать дальше. Позднее многие этого не поняли, однако моя задача заключалась в общем руководстве операцией, а не в каком-то отдельном ее аспекте».

Другой офицер-десантник, Арнольд фон Роон, служивший во время войны майором в штабе генерала Штудента, утверждал, что суть операции была искажена по политическим мотивам. «Как только Гитлер решил, чтобы именно Скорцени и диверсанты из числа эсэсовцев возглавляли операцию, в этом стало невозможным кого-либо переубедить. Генерал Штудент не хотел вступать в споры с Герингом по поводу того, кому принадлежат заслуги, и потому никогда не оспаривал расхожего мнения, полагая, что история сама все расставит по своим местам».

Однако и Морс, и Роон признают, что Скорцени являл собой внушительную фигуру. «Рослый, крепкий, умный,

хотя далеко и не интеллектуал, — вспоминал Роон. — А еще у него имелся шарм, и он мог кого угодно перетянуть на свою сторону. Просто дело в том, что он не планировал и не возглавлял операции по похищению Муссолини».

Хотя и не отрицая роли немецких десантников, некоторые военные историки продолжают подчеркивать роль Скорцени. «Безусловно, Морс сыграл важную роль как при планировании, так и при проведении операции, — пишет в своей книге, вышедшей в 1979 году, историк Мак-Рейвен, — но именно Скорцени проводил разведку с воздуха, именно Скорцени первым высадился на Гран-Сассо, именно Скорцени контролировал действия генерала Солетти, именно Скорцени первым добрался до Муссолини. Были ли Скорцени лишь попутчиком или автором операции, не так уж важно. Главное, что от его действий, а не от действий Морса зависел ее успех».

Справедливо будет сказать, что противоречащие друг другу утверждения Скорцени и немецких десантников добавили еще одну главу в запутанную историю операции «Дуб».

Как только лето 1943 года стало достоянием истории, занавес поднялся вновь, открывая сцену для новой, куда более крупномасштабной драмы — битвы за Италию. «Начиная с сентября 1943 года и по конец апреля 1945-го, — писал историк Ричард Лэм, — Италия пережила оккупацию со стороны двух соперничающих армий, и весь полуостров

презратился в театр ожесточенных сражений». В некотором роде шесть коротких недель, последовавших сразу за переворотом, определили ход долгой и кровопролитной борьбы. Не сумев поставить заслон на пути немцев в Италию и отказавшись поддержать высадку союзников (как в районе Рима, так и в других местах), итальянский король и Бадольо несут ответственность за все плачевные последствия своей преступной недалекости.

Впрочем, 8 сентября эти последствия еще не были столь очевидны. После победы при Салерно союзники начали бросать жадные взгляды на остальную часть полуострова. Почти как Гитлер и Роммель, они полагали, что перед лицом их натиска немцы будут вынуждены оставить провинции к югу от Рима и закрепятся на севере, где-нибудь в районе Флоренции, то есть более чем в ста пятидесяти километрах севернее итальянской столицы. Таким образом, большая часть Италии окажется в их руках почти без боя. Захват Рима виделся им, как глазурь на торте победного шествия. Впрочем, учитывая символическую значимость Вечного города, его можно было считать и самим тортом. Стоит ли говорить, что большая часть итальянцев предпочитала этот оптимистичный сценарий, поскольку он избавил бы их страну от ужасов войны.

«Поначалу Гитлер в случае выхода своего союзника из войны намеревался удерживать лишь северную Италию, — вспоминал генерал Вестфаль, начальник штаба

генерала Кессельринга. — Предполагалось, что дивизии Кессельринга вольются в группу армий Роммеля на севере полуострова и будут стоять там до конца. Самого же Кессельринга, который, согласно слухам, был чересчур мягок с итальянцами, предполагалось перебросить вместе с его штабом на какой-нибудь другой фронт — например, в Норвегию».

Однако Кессельринг, который считал англоамериканцев чересчур осторожными и потому предсказуемыми, сумел перевернуть ситуацию с точностью до наоборот. В первые недели сентября он с таким успехом отражал натиск вражеских войск, что Гитлер в ноябре отправил Роммеля в отставку и назначил Кессельринга главнокомандующим немецкими войсками в Италии. Кессельринг, чья наивность в первые месяцы кризиса не раз становилась причиной неудовольствия фюрера, сумел раз и навсегда победить своего основного соперника. (Осенью 1943 года Гитлер посоветовал Роммелю пайти применение своим талантам в деле обороны западных границ рейха. Роммель, который не раз высказывал свое восхищение Гитлером во время итальянского кризиса, позднее, в июле 1944 года, оказался замешан в заговоре, имевшем целью устранение нацистского диктатора, и был вынужден совершить самоубийство.)

Несгибаемость Кессельринга создавала для союзников постоянные проблемы. Чтобы это понять, достаточно одного взгляда на календарь. Англо-американские силы пла-

нировали освободить соседний Неаполь к третьему дню. В конечном итоге, чтобы попасть туда, им потребовалось три недели (Неаполь пал 1 октября). За это время 5-я армия под командованием генерала Кларка понесла потери в количестве 12 тысяч человек убитыми, ранеными и пропавшими без вести. Многие в стане союзников цеплялись за надежду, что Рим удастся взять этой же осенью, например, в конце октября. К великому сожалению как для самих союзников, так и для итальянцев, предсказатели ошиблись на целых восемь месяцев.

225 километров, отделявших Салерно от Рима, возможно, и смотрятся на карте весьма скромно, а вот на земле картина была совершенно иной. Американские и британские солдаты, которые должны были победным маршем подняться вверх по голенищу итальянского сапога, были вынуждены преодолевать бесконечные преграды в виде гор, рек и зорких глаз немецких артиллеристов. Кессельринг вынуждал их брать каждую пядь земли с боем. Обратив себе на пользу рельеф местности, он установил несколько естественных линий обороны, которые протянулись от Апеннин к морю. Немцы держались за каждую такую линию до самого конца и, лишь когда дальнейшее сопротивление теряло смысл, отходили дальше, к новой такой линии, тщательно подготовленной заранее, оставляя после себя выжженную землю. Тактика Кессельринга приобрела утомительное постоянство, хотя и оказалась весьма

эффективной. (Парашютисты генерала Штудента входили в состав вверенной Кессельрингу армии. Похищение Муссолини стало их последней успешной десантной операцией. До конца войны их использовали в роли отборных наземных частей.)

«Гористая местность центральной Италии была главным союзником Кессельринга, — пишет военный историк Карло д'Эсте. — Однако внушительным препятствием служили не только горы, но и многочисленные реки, суровая зимняя погода с ветром, распутицей и дождями, а также слабо развитая сеть дорог — все это превращало наступление союзников на хорошо подготовленного врага в настоящий кошмар».

«Линия Густава», которая пролегла по соседству с городком Кассино, примерно в 120 километрах южнее Рима, была одним из самых неприступных барьеров, созданных Кессельрингом. К январю 1944 года продвижение союзников было приостановлено. Когда же применение силы не помогло выбить немцев, союзники в конце января решили перехитрить врага, высадив дополнительный десант в Анцио, расположенном к северу от «Линии Густава». Расчет был таков: если все пойдет по плану, немцы окажутся зажаты между двумя союзными армиями — одной под Кассино и другой у них в тылу, в Анцио.

Увы, план провалился. Союзникам удалось застать немцев врасплох, их солдаты, которые высадились в Анцио, до-

вольно легко создали там плацдарм и закрепились на нем. Однако к тому моменту, когда они были готовы двинуться в другие районы страны, Кессельринг весьма удачно запер их на побережье. (Командир эскадрильи планеров во время нападения на Гран-Сассо Отто фон Брлешпи принимал участие в битве при Анцио, где и погиб.)

Союзники, которые теперь увязли сразу на двух фронтах, провели у Кассино и Анцио еще несколько месяцев, не в состоянии прорвать мощную линию обороны немцев. Затяжной характер боев и большие потери чем-то напоминали самые трудные месяцы Первой мировой войны.

Сломить сопротивление немцев удалось лишь весной, притом немалыми усилиями. Американские солдаты 5-й армии генерала Кларка вошли в Рим 4 июня 1944 года — спустя девять месяцев после высадки в Салерно.

Город отнюдь не благоденствовал в период немецкой оккупации. «Рим был “открытым городом”, чьи стены сотрясались как от топота немецких сапог, так и от грохота американских бомб, — писал военный историк Роберт Катц о тех нескольких месяцах, когда Римом правили немцы. — Разбухший примерно вдвое вследствие притока беженцев из сельской местности, Рим был наводнен шпионами, двойными агентами, информаторами, палачами, беглыми пленными, свреями и просто толпами голодных людей».

За этот период в лагеря Третьего рейха из Вечного города было вывезено около двух тысяч евреев (впрочем, следует отметить, что большая часть римских евреев сумели избежать нацистских лагерей). (Благодаря усилиям итальянцев примерно 80 процентов живших в Италии евреев сумели в период немецкой оккупации избежать поимки. Тем не менее 8 тысяч человек погибли от рук нацистов. В период Республики Сало Муссолини также сумел спасти некоторое число евреев.) Не удивительно, что многим итальянцам казалось, что высшее руководство страны бросило их на произвол судьбы, как, впрочем, и союзники, чьи обещания быстро очистить Италию от немцев так и не воплотились в жизнь. Пока союзники топтались под Анцио, один разочарованный римлянин, пародируя лозунги пропаганды союзников, написал на городской стене следующие строчки: «Американцы, держитесь! Мы вскоре вас освободим!»

Однако куда большую ненависть вызывали у римлян немцы. В течение всего периода оккупации немцам то и дело огравляли жизнь участники римского Сопротивления. После одной такой дерзкой вылазки в марте 1944 года, во время которой были убиты 33 эсэсовца, маршировавших на виа Разелла, Гитлер пришел в бешенство и отдал приказ казнить несколько сот римлян. Герберт Каплер, который из военного атташе превратился в главу римского гестапо, привел при содействии своего подчиненного Эриха Приб-

ке приказ фюрера в действие. В результате облав были схвачены 335 человек; все как один были расстреляны в Адреатинских пещерах в окрестностях Рима. (После войны Капплер был признан виновным в военных преступлениях и провел несколько десятилетий в итальянских тюрьмах. Прибке бежал в Южную Америку, где прожил на свободе еще пятьдесят лет. В середине девяностых годов он был разоблачен и выдан Италии. Его, восьмидесятилетнего старика, приговорили к пятнадцати годам домашнего ареста.)

Хотя это массовое убийство осталось в памяти итальянцев символом жестокости гитлеровских войск, на совести немцев и другие преступления, которые они совершали в городах и деревнях на всей территории оккупированной Италии. После капитуляции Италии Кессельринг, которого постоянно критиковали за «мягкотелость», когда дело касалось итальянцев, стал превращаться в свою полную противоположность. Например, он приказывал своим командирам прибегать к драконовским мерам по отношению к партизанам.

Его новое отношение к местному населению хорошо прослеживается в приказах, изданных им в августе 1944 года. «На каждый акт насилия следует отвечать соответствующими контрмерами». Далее, в частности, говорилось: «Если во вверенном вам районе действуют многочисленные партизанские банды, то в таких местах следует аре-

ствовать некий процент мужского населения и в случае повторных бандитских вылазок расстрелять. Если в деревне стреляют по немецким солдатам, такую деревню следует сжечь, а преступников или подстрекателей — публично повесить».

* * *

Вскоре после освобождения Рима натиск союзников понемногу начал ослабевать. Повинна в этом их широкомасштабная стратегия, которая также включала в себя высадку в Нормандии в июне 1944 года, а также отдельные десанты на юге Франции в августе. Для выполнения столь грандиозных планов, так называемой операции «Драгун», с итальянского театра были отозваны несколько дивизий.

К августу 1944 года немцы закрепились к северу от Флоренции, на новой линии обороны — Готской, ставшей для их противников еще одним серьезным барьером. Между прочим, это та самая линия, за которую нацисты планировали отвести свои дивизии летом 1943 года, до того, как Кессельринг убедил Гитлера, что за Италию нужно стоять до конца. К зиме пар вышел из союзников окончательно, и они остановились всего в нескольких километрах от долины реки По, которая оставалась в руках у немцев еще несколько месяцев. Окончательный прорыв был совершен лишь в апреле 1945 года, однако отдельные районы северной Италии оставались под

контролем немцев до самого окончания войны. (В марте 1945 года Гитлер отдал под командование Кессельринга все немецкие войска на Западном фронте. После войны генерала обвинили в военных преступлениях в связи с репрессиями мирного населения Италии. Проведя несколько лет за решеткой, он был выпущен на свободу в 1952 году.)

Немецкая армия в Италии сложила оружие 2 мая 1945 года — то есть почти спустя два года после того, как король и Бадольо сбросили Муссолини в надежде на то, что тем самым положат конец войне. (В июне 1944 года режим Бадольо сменило коалиционное правительство. В 1946 году итальянцы проголосовали за упразднение монархии и установление республики. В 1948 году они изгнали короля с итальянской земли, запретив ему и его потомкам когда-либо возвращаться в эту страну. Запрет был снят лишь в 2002 году.) В заключение приведем слова Карло д'Эсте о том, что война в Италии была «самой долгой и кровопролитной военной кампанией, которая велась войсками Англии и США в годы Второй мировой войны».

ИСТОРИЯ ОПЕРАЦИИ «ДУБ»

До некоторой степени история операции «Дуб» всегда была приукрашена мифами и легендами. Выдающийся оксфордский историк сэр Уильям Дикин некогда назвал ее

«одновременно изощренной и сомнительной и довольно замутненной личным тщеславием ее главных непосредственных участников». Послевоенные трения между Скорцени и Радлем с одной стороны и Штудентом и его парашютистами — с другой помогают отделить факты от вымысла. И те, и другие пытаются выпятить свою роль в операции и умалить в нее вклад другой стороны.

Анализируя этот вопрос, я главным образом полагался на свидетельства очевидцев, включая, разумеется, самих Скорцени, Радля и Штудента. Однако читателю следует помнить о том, что эти свидетельства нередко противоречат друг другу. Типичным примером этого является разведывательный полет над Гран-Сассо, состоявшийся 8 сентября. Скорцени и Радль утверждают, что это они провели аэрофотосъемку, что подкрепляют рядом фактов, тогда как Штудент заявляет, что это целиком заслуга Ланггута. Чтобы более точно рассказать об этом, я не стал приводить многочисленные подробности этих противоречивых заявлений. Там, где факты более или менее ясны, а оппоненты не могут согласиться с ними, такой подход неизбежно предполагает определенную степень субъективности. Тем не менее я сделал акцент на нескольких сильных разногласиях между Скорцени и парашютистами.

Мое понимание рейда на Гран-Сассо требует короткого объяснения. Описывая это событие, я честно признаюсь, что больше доверяю свидетельствам Штудента и его людей. В их пользу говорит тот факт, что операцию разраба-

тывало люфтваффе, на которое и возлагалась главная ответственность за ее осуществление.

Однако справедливости ради следует отметить, что Скорцени и Радль рисуют совершенно другую картину. Согласно точке зрения гиммлеровского ведомства, Скорцени сыграл главную роль в планировании операции и был назначен командиром штурмовых групп, летевших на планерах. Хотя последнее утверждение представляется несколько сомнительным — в конце концов, Скорцени не имел парашютной подготовки, — можно считать, что он вместе со своим помощником сыграл важную роль в событиях. Для читателей, которые хотели бы знать об этом больше, изложу несколько вопросов, по которым существуют разногласия между Скорцени и Штудентом.

— Планирование операции. Парашютисты утверждают, что планированием рейда на Гран-Сассо занимались только они, и отрицают, что Скорцени был главным мотором операции.

— Командование. Штудент и Морс сходятся в том мнении, что 12 сентября командиром штурмовых групп на планерах был Берлепш. С другой стороны, Скорцени утверждает, что руководство операцией было возложено на него, но что Берлепш имел приказ взять на себя командование этими группами после того, как Скорцени войдет в отель.

— Босвой порядок планеров. По словам Штудента, Берлепш летел на первом планере. По пути к Гран-Сассо

цепочка его планеров летела на большом расстоянии друг от друга, чтобы набрать высоту. Этот «маневр» позволил Скорцени возглавить воздушный отряд. В своих мемуарах Скорцени пишет, что Берлепш имел приказ лететь в пятом планере. Эсэсовцы утверждали, что он вместе с Солетти летел в третьем планере, который возглавил отряд, когда летевшие перед ним два планера (ни в одном из них Берлепша не было) загадочным образом выпали из строя.

— План бегства. По версии Скорцени, похищение Муссолини и вывоз его из Италии были последней мерой, к которой пришлось прибегнуть, когда прочие варианты оказались неосуществимыми. Штудент этой точки зрения не разделял.

— Бомбардировка Пратика-ди-Марс. Обе стороны соглашались с тем, что англо-американские бомбардировщики пролетели над аэродромом 12 сентября, незадолго до высадки планеров. Скорцени утверждает, что бомбардировка нанесла незначительный ущерб аэродрому, тогда как Штудент отрицает тот факт, что во время налета на него бомбы были сброшены.

Содержание

ОТ АВТОРА.....	3
ПРОЛОГ	
МУССОЛИНИ ЛИШАЕТСЯ ВЛАСТИ	4
ГЛАВА 1. В «ВОЛЧЬЕ ЛОГОВО»	16
ГЛАВА 2. ЗАПАХ ИЗМЕНЫ	31
ГЛАВА 3. ДАВНИШНИЕ ДРУЗЬЯ.....	54
ГЛАВА 4. ОПАСНАЯ ИГРА.....	88
ГЛАВА 5. «СОН СЕГОДНЯ НОЧЬ СОН ОТМЕНЯЕТСЯ»	120
ГЛАВА 6. ОДИССЕЯ БЕНИТО МУССОЛИНИ	146
ГЛАВА 7. ГИТЛЕР БЕРЕТ ДЕЛО В СВОИ РУКИ.....	160
ГЛАВА 8. НАЛЕТ НА САНТО-СТЕФАНО.....	179
ГЛАВА 9. ТАЙНА ОСТРОВА МАДАЛЕНА	198
ГЛАВА 10. ПЕРЕТАСОВКА БАДОЛЬО.....	223
ГЛАВА 11. ВЫСОЧАЙШАЯ ТЮРЬМА В МИРЕ	243
ГЛАВА 12. ДВУРУШНИЧЕСТВО	263
ГЛАВА 13. ПРОСТОЙ ПЛАН.....	285
ГЛАВА 14. ОСВОБОЖДЕНИЕ МУССОЛИНИ.....	304
ЭПИЛОГ	
ПОСЛЕДСТВИЯ.....	339
ИСТОРИЯ ОПЕРАЦИИ «ДУБ»	375

Научно-популярное издание
Военные тайны XX века

Аннусек Грег

**ОПЕРАЦИЯ «ДУБ»
ЗВЕЗДНЫЙ ЧАС ОТТО СКОРЦЕНИ**

Выпускающий редактор *К.К. Семенов*

Корректор *С.В. Цыганова*

Верстка *А.Ю. Киселев*

Подготовка к печати художественного
оформления *Д.В. Грушин*

ООО «Издательство «Вече»

Юридический адрес:

129110, г. Москва, ул. Гиляровского, дом 47, строение 5.

Почтовый адрес:

129337, г. Москва, а/я 63.

Адрес фактического местонахождения:

127566, г. Москва, Алтуфьевское шоссе, дом 48, корпус 1.

E-mail: veche@veche.ru

<http://www.veche.ru>

Подписано в печать 23.07.2012. Формат 84×108 1/32.
Гарнитура «Times New Roman». Печать офсетная. Бумага офсетная.
Печ. л. 12. Тираж 3000 экз. Заказ № 1344.

Отпечатано в ОАО «Рыбинский Дом печати»
152901, г. Рыбинск, ул. Чкалова, 8.
e-mail: printing@yaroslavl.ru www.printing.yaroslavl.ru

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ВЕЧЕ»
ООО «ВЕСТЬ» является основным поставщиком
книжной продукции издательства «ВЕЧЕ»

ООО «Издательство «Вече»

Почтовый адрес для направления корреспонденции:
129337, г. Москва, а/я 63.

Юридический адрес и адрес местонахождения:
127566, г. Москва, Алтуфьевское шоссе, 48, корпус 1.

Тел.: (499) 940-48-71, (499) 940-48-72, 940-48-73.

Интернет: www.veche.ru
Электронная почта (E-mail): veche@veche.ru

По вопросу размещения рекламы в книгах
обращаться в рекламный отдел издательства «ВЕЧЕ».
Тел.: (499) 940-48-70.
E-mail: reklama@veche.ru

ВНИМАНИЮ ОПТОВЫХ ПОКУПАТЕЛЕЙ!
Книги издательства «ВЕЧЕ» вы можете приобрести также
в наших филиалах и у официальных дилеров по адресам:

В Москве:

Компания «Лабиринт»
115419, г. Москва,
2-й Рощинский проезд, д. 8, с. 4.
Тел.: (495) 780-00-98, 231-46-79
www.labyrinth-shop.ru

В Киеве:

ООО «Издательство «Арий»
г. Киев, пр. 50-летия Октября, д. 26, а/я 84.
Тел.: (380 44) 537-29-20, (380 44) 407-22-75.
E-mail: ariy@optima.com.ua

Всегда в ассортименте новинки издательства «ВЕЧЕ»
в московских книжных магазинах:
ТД «Библио-Плюбус», ТД «Москва», ТД «Молодая гвардия»,
«Московский дом книги», «Новый книжный».

ВЕЛИКИЕ
ИСТОРИЧЕСКИЕ
ПЕРСОНЫ

ВСЕ
20 лет

Великие люди
и их судьбы

www.veche.ru

100

Знаменитая серия книг

Более 150 томов

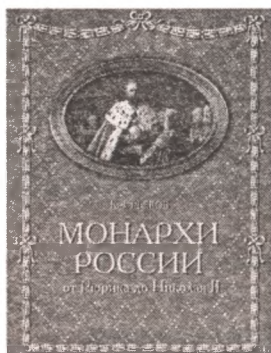
Энциклопедическая полнота

www.veche.ru

**Книга – лучший подарок
для любимых, родственников и коллег!**

www.veche.ru

Лидер итаљанских фашистов Бенито Муссолини

Союзники — Бенито Муссолини и Адольф Гитлер

*Граф Г. Чиано, министр иностранных дел Италии,
и И. фон Риббентроп, министр иностранных дел Германии*

А. Гитлер и Б. Муссолини в 1940 г.

Б. Муссолини и А. Гитлер в окружении генералов вермахта в ставке Гитлера. 1941 г.

*Маршал Пьетро Бадольо — глава нового
итальянского правительства*

О. Скорцени на приеме у А. Гитлера

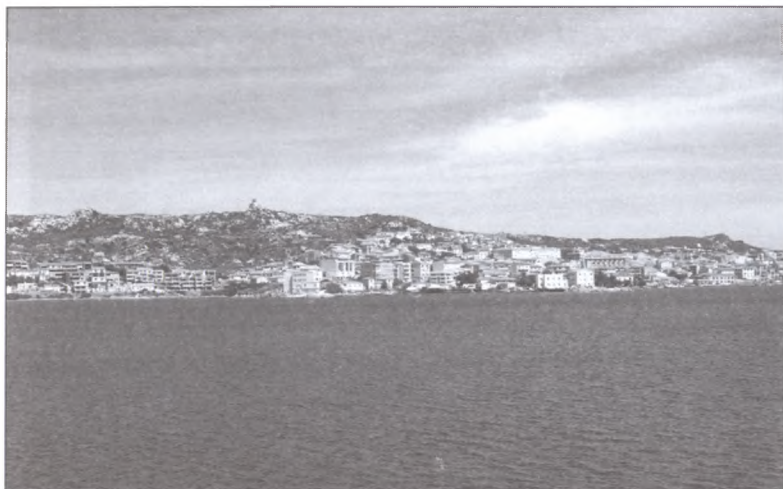
Гауптштурмфюрер Отто Скорцени был готов выполнить любой приказ фюрера

*Бывший фермер Генрих Гиммлер — один из самых влиятельных и
могущественных людей Третьего рейха*

Адмирал Карл фон Дёниц, глава германского флота

Вид на остров Маддалена

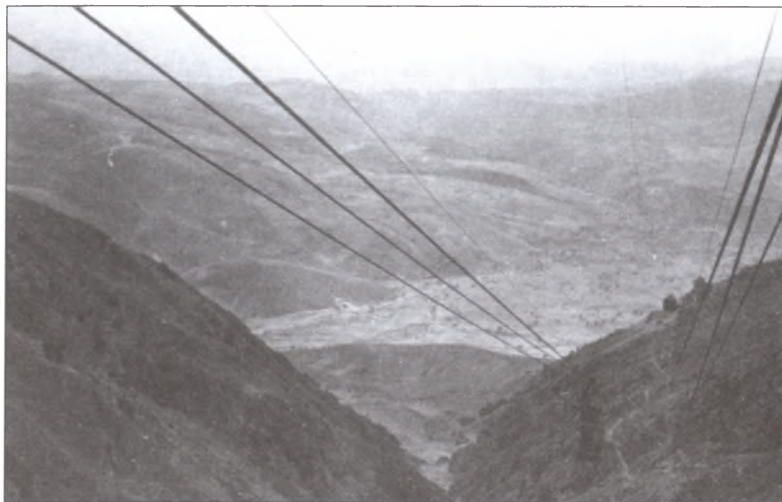
*Вилла Вебер. Б. Муссолини вспоминал:
«Этот дом был словно построен специально для меня»*

«Вилетта» — маленькая гостиница близ города Ассерджи

*Старинная крепость Сан-Стефано.
Итальянцы так и не перевезли сюда дуче*

Гран-Сассо. Вид на канатную дорогу

Отель «Императоре»

О. Скорцени и Б. Муссолини в окружении участников операции «Дуб»

Муссолини и Скорцени позируют перед кинокамерой на фоне отеля

Лейтенант барон Отто фон Берлепш (справа) пожимает руку майору Харольду Морсу. Гран-Сассо

Один из парашютистов Штудента на фоне приземлившегося планера

Генерал К. Штудент

*Планер DFS 230
в полете*

*«Фюзелер шторх 156».
На таком самолете
Герлах вывез Скорцени и
Муссолини.*

*Муссолини идет
к самолету*

О. Скорцени в каске и тропической форме

О. Скорцени, получивший после освобождения Муссолини чин штурмбаннфюрера

ОПЕРАЦИЯ «ДУБ»

ОПЕРАЦИЯ «ДУБ»

Освобождение Бенито Муссолини из-под ареста немецкими командос под командованием гауптштурмфюрера СС Отто Скорцени стало классической операцией специальных частей в годы Второй мировой войны. Дерзкому налету на Гран-Сассо немцы присвоили кодовое наименование «Дуб». Освободив 12 сентября 1943 г. Муссолини, Скорцени вмиг стал диверсантом № 1 в Европе.

Книга американского историка Грега Аннусака расскажет читателю о всех деталях этой громкой операции.

XX военные
тайны
века

ISBN 978-5-4444-0445-4

9 785444 404454

ВСЕ